

**БОРЬБА
БЕЛОРУССКОГО
НАРОДА
ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ
С РОССИЕЙ**

В славную летопись истории нашей Родины золотыми буквами вписаны трудовые и ратные подвиги белорусского народа. Вместе с великим русским и другими народами страны трудящиеся Белоруссии завоевали право строить новую жизнь.

Белорусский народ счастлив, отмечает в Тезисах ЦК КПБ к 40-летию образования Компартии Белоруссии, что «Белорусская Советская Социалистическая Республика является составной и неотъемлемой частью братской семьи народов СССР, и видит в этом источник своей свободы и независимости, залог дальнейшего расцвета экономики и культуры, улучшения благосостояния трудящихся, успешного выполнения всех задач коммунистического строительства».

Издательство
БГУ имени В. И. Ленина
Минск
1974

А. П. Игнатенко

**БОРЬБА
БЕЛОРУССКОГО
НАРОДА
ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ
С РОССИЕЙ**

(вторая половина XVII-XVIII в)

И $\frac{0164-019}{M 317-74}$ —28-74

© Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1974 г.

ВВЕДЕНИЕ

Белорусский народ тесно связан с великим русским народом общностью исторического прошлого, близостью территории, родством языка и культуры. Оказавшись в составе Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, он через столетия пронес свое стремление к воссоединению с русским народом. Это находило выражение как в постоянно крепнувших русско-белорусских торговых, политических и культурных связях, так и в открытой вооруженной борьбе белорусского народа за воссоединение с Россией. Попытки литовских и польских феодалов подавить это стремление оказались безуспешными.

Ведя борьбу за воссоединение с русским народом, народные массы Белоруссии одновременно выступали против социального и национально-религиозного гнета, за сохранение своего языка, обычаев и культуры.

Основной движущей силой в этой многовековой борьбе были крестьяне и низы городского населения, союзниками которых, как правило, становилось украинское казачество. К ним присоединялись и отдельные представители господствующего класса — мелкопоместная шляхта и православное духовенство. Однако последние, испытывая притеснения со стороны магнатов, католического и униатского духовенства, защищали лишь свои узкоклассовые интересы, были непоследовательны и часто изменяли восставшим.

Особенно широкий размах борьба народных масс Белоруссии против социального и национально-религиозного гнета приобрела в период освободительной войны середины XVII в. и начавшейся затем русско-польской войны 1654—1667 гг. В тяжелой и кровопролитной войне феодалам Речи Посполитой удалось одержать победу и временно восстановить свою власть в Белоруссии, но желаемого спокойствия они не добились. Антифеодалная и национально-освободительная борьба народных масс Белоруссии продолжалась и во второй половине XVII—XVIII в.

Проблема борьбы белорусского народа за воссоединение с Россией недостаточно освещена в научной литературе.

Русские дворянские и буржуазные историки (П. Брянцев, М. Коялович, В. Мякотин, Н. Петров и др.)¹ в своих работах утверждали, что Белоруссия — это часть России, «испорченная» влиянием Польши, и открыто проводили мысль о том, что царизм имеет исторические права на владение ею. Они пытались обосновать эти «права» фактами совместной борьбы против внешних врагов белорусских феодалов и русских дворян, православной церкви и русской государственной власти. Именно феодалы, православное духовенство и русские цари были, по мнению названных историков, главными силами, благодаря которым удалось защитить Белоруссию от попыток польских магнатов, шляхты и духовенства окатоличить ее народ. Включение Белоруссии в состав России в конце XVIII в. они также объясняли как итог деятельности русских царей, белорусских феодалов и церковников. Дворянско-буржуазная историография затушевывала классовую борьбу трудящихся. Одним из главных недостатков прежней, т. е. немарксистской, историографии, указывал В. И. Ленин, было то, что она не охватывала «как раз действий масс населения»². Именно поэтому дворянские и буржуазные историки совершенно игнорировали роль белорусского народа, который в течение столетий боролся за воссоединение с великим русским народом. Если же кто-либо и писал о народных движениях, то рассматривал их как движения, направленные только против католической церкви в защиту православия. Руководящая роль в этих выступлениях приписывалась служителям православной церкви или же православным феодалам и шляхте.

Польские дворянские и буржуазно-националистические историки всячески затушевывали феодально-крепостническое и национально-религиозное угнетение белорусского народа магнатами и шляхтой Речи Посполитой. Они пропагандировали мысль о том, что после освободительной войны украинского народа середины XVII в. в Польше не было массового крестьянского движения. Объяснялось это, по их мнению, особой покорностью крестьянина, его неспособностью к борьбе против своих угнетателей.

Грубо извращали историю классовых борьбы белорусского народа белорусские буржуазно-националистические

фальсификаторы истории (М. Довнар-Запольский, В. Лас-товский и др.). Выдвигая теории «золотого века» и «единого потока», сводившиеся к тщетным попыткам доказать, что развитие белорусской нации носило бесклассовый характер, они утверждали, что история Белоруссии не знала ни массового крестьянского движения, ни организованных выступлений городской бедноты.

Причины падения Речи Посполитой белорусские буржуазные националисты видели только в религиозной сфере, в борьбе православных против католиков и униатов, а воссоединение белорусского народа с русским трактовали как превращение Белоруссии в колонию Российской империи. Так, М. Довнар-Запольский писал, что в XVIII в. императрица Екатерина II «вошла в белорусский вопрос с религиозной точки зрения и защиту православия сделала одним из важнейших мотивов для поднятия вопроса о разделе Польши. Последовательно было заключено между соседними государствами три трактата, по которым белорусские области входили в состав Российской империи... Политическая самостоятельность была утеряна Белоруссией. Ее свободные учреждения перестали функционировать»³.

Ту же мысль подчеркивали Е. Канчер и В. Щербаков⁴.

Современные буржуазные националисты клеветуют на наш государственный и общественный строй, на практику социалистического и коммунистического строительства, на историческое прошлое белорусского народа.

В своих «трудах» фальсификаторы истории стремятся обосновать лживый тезис буржуазной пропаганды «Россия по-за Европой», внушить читателям мысль, что Белоруссия, отличаясь по своему происхождению и культуре от соседних народов «славянской мовы» и прежде всего русского народа, принадлежала к западной цивилизации. Вслед за своими предшественниками современные белорусские буржуазные националисты утверждают, что в Белоруссии в XVI—XVIII вв. не было социального и национально-религиозного гнета, а поэтому белорусский народ, однородный по своему составу, не знал ни классовых противоречий, ни классовой борьбы. Вопреки многочисленным фактам они отрицают тяготение белорусского народа к русскому.

Большой вклад в изучение антифеодальной и национально-освободительной борьбы белорусского народа сделали советские историки. Среди работ, посвященных этому вопросу, следует назвать исследования И. Лочмеля, В. Пи-

четы, Д. Похилевича, Л. Абецедарского, Я. Мараша, В. Горщева, М. Мельникова, В. Мелешко и др.⁵ Интересные данные о борьбе народных масс Белоруссии против социального и национального угнетения содержатся в работах польских историков В. Барановского, Я. Геровского, В. Куля, М. Леха и др.⁶

Однако большинство как советских, так и польских исследователей в своих работах основное внимание уделяют освободительной войне белорусского народа середины XVII в., Кричевскому восстанию 1740—1744 гг. или другим отдельным народным выступлениям на территории Белоруссии. Вместе с тем в исторической науке не получила достаточного освещения антифеодалная и национально-освободительная борьба белорусского народа во второй половине XVII — первой половине XVIII в., мало внимания уделено событиям, происходившим на юге Белоруссии в период гайдамачества и колиивщины на Украине, отношению белорусских крестьян и горожан к восстанию Тадеуша Костюшко, к разделам Речи Посполитой и т. д. Более того, приходится констатировать, что до настоящего времени нет не только монографических исследований, но и отдельных статей, посвященных борьбе белорусского народа за воссоединение с Россией во второй половине XVII—XVIII в.

Автор предлагаемой работы, не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, попытался, опираясь на документальные источники, по возможности полнее и шире осветить борьбу белорусского народа против социального и национально-религиозного гнета, за воссоединение с Россией во второй половине XVII и в XVIII в., восполнив тем самым в некоторой степени пробел по этому вопросу, имеющийся в общей и специальной литературе.

При подготовке работы к печати большую помощь автору своими ценными советами и замечаниями оказали член-корреспондент АПН СССР Л. С. Абецедарский, член-корреспондент АН БССР Н. В. Каменская, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории СССР периода феодализма МГУ им. М. В. Ломоносова Г. А. Новицкий, зав. кафедрой истории СССР БГУ им. В. И. Ленина доцент П. Э. Савочкин и другие. Автор выражает им искреннюю признательность и благодарность.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
БЕЛОРУССИИ

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Вторая половина XVII — первая половина XVIII в. были периодом длительного экономического и политического кризиса феодально-крепостнической Речи Посполитой, в том числе и Белоруссии как ее составной части.

С середины XVII в. Речь Посполитая вступила в полосу длительных разорительных войн и внутренних междоусобиц. Подсчитано, что из 68 лет польской истории (с 1648 по 1716 г.) 65 лет приходится на военные годы¹.

Войны, сопровождавшие их голод и эпидемии приносили громадные бедствия, способствовали разорению городов. Так, если в 1639 г. в Бобруйском старостве (без г. Бобруйска) насчитывалось 847 жилых домов, то к 1671 г. их оставалось только 361²; в 10 войтовствах и 5 местечках Пинского староства (без г. Пинска) в 1650 г. было 4432 двора, а к 1653 г. сохранилось лишь 1357³. В Ляховичах, имевших в 1650 г. 298 домов, к 1653 г. осталось только 3⁴. До основания были разорены и выжжены села и деревни Пинского повета в 1660 г.⁵ В постановлении сейма 1661 г. указывалось, что Ошмянский повет «в конце разрушен неприятелем», Браславский — «разрушен вражеской армией», Гродненский — «в результате военных действий обращен в руины, и преобладающая часть его сожжена», Слонимский — «почти дотла сожжен и разграблен неприятелем, а также разорен постоянными переходами войск» и т. д.⁶

Особенно пострадало население восточной Белоруссии. В Шкловском графстве, например, в середине XVII в. погибло 10 804 мужчины, из которых 4216 — главы крестьянских семей. В Могилевской экономике количество крестьянских хозяйств к 1671 г. сократилось по сравнению с 1604 г. с 5118 до 4197⁷. В городах и селах Витебского воеводства было разорено 66% всех дворов, Мстиславского — 69, Полоцкого — 72⁸.

В инвентарях шляхетских имений и королевских экономических второй половины XVII в., актах земских, городских судов и других документах сохранились сообщения о пустующих землях, сбежавших крестьянах, сокращении или полной ликвидации крестьянских посевов. Так, в Шкловском графстве в 1661 г. пустовало 75,2% всей пахотной земли. Свыше 60% полностью разоренных крестьянских хозяйств насчитывалось в 1671 г. в Кричевском старостве⁹. По Брестскому староству в 1667 г. пустовало 55% всей пахотной земли¹⁰. По инвентарям 1679—1680 гг., т. е. спустя 20 лет после войны, в Брестской экономии на долю пустошей приходилось 19%, в Гродненской — 32%, а в Кобринской — эта цифра была еще выше¹¹.

Разорение населенных пунктов, солдатские постои и грабежи способствовали тому, что сельское население уходило с насиженных мест. Толпы голодных и бездомных крестьян бродили по Белоруссии в поисках хлеба и пристанища. Сотни семей сельских жителей бежали в Русское государство и Левобережную Украину. Так, в 1658 г. по заявлению в Полоцкий земский суд шляхтича К. Сланцевича только из его имений Уся и Капустино бежало 16 семей¹². В одном из документов 1655 г. указывалось, что в «Шкловском уезде станы и волости, села и деревни разорены и посожжены и хлеба никакого не сеяно и пусты; которые по селам и деревням крестьяне и те пошли в Русь, потому, что им жить не у чего: который был старый хлеб и тот поели, а вновь никакого не сеяли»¹³.

Во второй половине XVII в. разорение крестьянства достигло такой степени, что даже польский король Ян Казимир вынужден был дать обещание заняться улучшением его положения. На собрании магнатов и шляхты во Львове в 1656 г. он заявил: «Обещаю и клянусь, что отныне со всеми сословиями моего государства я, как только успею заключить мир, буду всячески стараться избавить мой народ от утеснения и страданий»¹⁴. Вслед за королем обещали и дворяне. Однако поскольку Речь Посполитая избежала разгрома, шляхта забыла об обете. Она и не думала расставаться со своими привилегиями.

В результате «кровавого потопа», как называли современники события середины XVII в., большая часть городов Белоруссии пришла в упадок. «А Брест-Литовская разорена ж,— писал царский гонец дьяк Григорий Кунаков царю Алексею Михайловичу в 1648 г.,— на рынке лавок

деревянных и каменных нет ни одной, и во всех дворах в воротах, и в хоромех двери и лавки, и окна выломаны, ни одного двора целого нет»¹⁵. В результате новых погромов 1657 и 1660 гг. Брест был «весь до последнего строения разорен и сожжен». Населения осталось только «очень малая горсточка». Погибли все члены магистрата, сгорели цеховые документы и магистратские книги¹⁶. В книге регистрации решений задворного ассессорского суда по делу между Брестом и Брестской экономией о правах и привилегиях на владения землей состояние города характеризуется следующим образом: «В различные времена вследствие революции город пришел до крайнего разорения и опустошения, в остальном он очень пострадал от неприятеля. В то время одни мещане были убиты и уничтожены, другие разогнаны, лишены своего имущества, изгнаны из домов своих... Положение стало таковым, что город превратился в пустыню»¹⁷. Погромы и пожары 1648, 1655 и 1660 гг. почти полностью уничтожили Пинск. Оставшиеся в живых горожане, «не имея где притулиться, разошлись по разным местечкам и деревням»¹⁸. По описанию чешского путешественника Б. Таннера, относящемуся к 1678 г., «город Гродно, когда-то неплохой, лежал в развалинах, от него, кажется, только и остался городской мусор»¹⁹.

В 1656 г. около 150 жителей насчитывалось в Минске²⁰. Резко сократилась городская торговля. «И как, государь,— писали в челобитной минские мещане царю Алексею Михайловичу,— Менеск был неразорен, тогда было купцов и торговых людей много. А ныне мы, сироты твои, до конца разорены, не добудем и хлеба купить, помираем голодною смертью»²¹. Варшавский сейм 1661 г. констатировал, что Минск разрушен, а мещане почти полностью уничтожены²².

В 1657 г. оршанский воевода М. Полуехтов сообщил царю Алексею Михайловичу, что ко времени его прибытия «мещане Орши города, которые и жили не больши ста люди, и те были от всяких проезжих людей... в большом изгнанье, а боронить было их некому. А ныне слуша твою, великую государя, милость, ото всех стран оршанцы хотят на старину приходить и селитца, а сказывают про себя, что бедность их большая»²³.

В Полоцке в 1654 г. было только 782 заселенных двора, в которых проживало 1719 человек мужского пола, а 910 дворов стояли пустыми²⁴. Их владельцы ушли из города, спасаясь от грабежей польских и шведских солдат.

Во время Северной войны (1700—1721) на белорусские города обрушились новые тяготы и бедствия. Шведские войска, временно оккупировавшие территорию Белоруссии, нещадно грабили и убивали население, жгли города и села²⁵. Так, за время оккупации Могилева захватчики изыали у его жителей: хлеба печеного — на 360 тыс. талеров, пива — на 36 864 талера, денег — 10 948 талеров²⁶. В ходе военных действий Гродно, Брест, Пинск, Слуцк, Новогрудок и Несвиж были полностью разрушены. «Был зажжен и разорен» шведскими захватчиками Борисов²⁷. В результате пожара, возникшего в Могилеве при уходе из него шведских войск в августе 1708 г., сгорело более двух тысяч домов²⁸. Как отмечено современником, этот «в прошлом красивый и богатый город превратился в нестройную кучу мазанок»²⁹. В том же году был сожжен почти весь Витебск³⁰. В результате разорения войсками Левенгаупта «стал деревнею Шклов»³¹.

В тяжелых условиях военного времени значительная часть территории Белоруссии была охвачена эпидемическими заболеваниями, вызвавшими массовую смертность населения. В 1710—1711 гг. свирепствовала моровая язва. Так, в Гродно вследствие «заразы или чумы» часть жителей умерла, часть ушла из него, и «весь город остался пустым»³². Депутаты Полоцкого сеймика просили в 1716 г. гетмана Великого княжества Литовского освободить город от всех налогов, кроме гиберны³³. По заявлению Дисненского магистрата, только от эпидемии чумы в 1710 г. «немало умерло населения», а поэтому «весь город» оказался «в людях и всяком состоянии разрушен, и торговли в нем не стало»³⁴. В универсале, изданном гетманом Великого княжества Литовского Поцеєм 12 марта 1711 г., отмечалось, что эпидемия чумы вызвала такую смертность населения, что много городов, местечек и деревень стоят почти пустыми³⁵. В постановлении сейма 1712 г. указывалось, что в результате эпидемии в Литве и Белоруссии «наблюдается скорбное зрелище обезлюдивших по большей части земель, диких пустошей и заросших полей»³⁶.

Тяжелые последствия войн усугублялись сохранением и упрочением фольварочно-барщинной системы хозяйства, консервацией наиболее устарелых форм крепостнического способа производства, феодальной анархией и сопровождавшими ее междоусобицами. «Постепенная деморализация правящей аристократии,— писал Ф. Энгельс,— недоста-

ток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили, наконец, мощь Польши. Страна, упорно сохранявшая в неприкосновенности феодальный общественный строй, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали свою буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города,— такая страна была обречена на упадок»³⁷.

В результате войн правительство Речи Посполитой оказалось в долгах у церковных и светских феодалов. Не имея средств для покрытия долгов, оно раздавало феодалам государственные земли в пожизненное владение. Ян Сапега, например, получил обширную Полоцкую экономию; у Огинского в начале 70-х годов XVIII в. числилось, кроме наследственных, около 40 тыс. государственных крестьян. Свыше 27 тыс. государственных крестьян на территории восточной Белоруссии в 1772 г. имелось у Чарторийских, а вместе с Велижским и Усвятским староствами, которые также были в их владении, численность их превышала 72 тыс. человек. У Сологуба в начале 70-х годов XVIII в. количество государственных крестьян без малого достигало 26 тыс. человек. К Радзивиллам перешло несколько поватов Новогрудского воеводства и ряд имений, расположенных в Брестском, Минском, Полоцком и Витебском воеводствах³⁸.

Складывались «государства в государстве», в несколько раз большие отдельных княжеств Германской империи. Так, Кароль Радзивилл («пане Коханку») во второй половине XVIII в., кроме огромных наследственных имений, состоявших из четырех княжеств (Биржанского, Несвижского, Клецкого и Олыцкого), имел в так называемых «королевщинах» 16 городов, 583 деревни, 25 войтовств, множество графств и волостей³⁹. Его доход из наследственных имений достигал огромной суммы — 20 млн. злотых, что в полтора раза превышало годовые поступления в казну Речи Посполитой. Неудивительно поэтому, что он держал огромный двор, свое войско. Имея неограниченную власть, он любил повторять: «Король себе королем в Кракове, а я в Несвиже». Современник Б. Михаловский так писал о «пане Коханку»: «Было что-то монархическое в несвижском имении Радзивилловского дома. Молчу о пирах.., на которых собиралась почти вся Литва, молчу даже о театре, оркестре, милиции, достигавшей до 8000 различного вооружения. Охотников было такое множество, что даже мало кто из

королей имел столько гайдамаков и казаков»⁴⁰. Крупными латифундиями владели также Глебовичи, Сенявские, Сангушки, Пацы, Вишневецкие, Яблонские, виленское бискупство и т. д.

Сконцентрировав в своих руках огромные земельные владения, светские и церковные феодалы превратились в полновластных хозяев в стране, управляли государством в узкоклассовых интересах магнатской и шляхетской правящей клики. Фактически Речь Посполитая превратилась в государство без администрации, без финансов и без войска⁴¹. «Кто я? — спрашивал магнат Ю. Яблонский. — Князь, это мало. Богатырь и министр, это еще мало. Король польский, и это мало. Епископ или кардинал, мало. Я император римский, мало. Папа. Но и этого мне мало. Если бы существовали еще какие-нибудь высокие звания и должности, то и те принадлежали бы мне»⁴².

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что именно польские аристократы погубили Польшу. «Аристократия действительно довела Польшу до упадка, до полного упадка, — писал Ф. Энгельс. — И доведя ее до такого состояния, аристократы стали возлагать вину за это друг на друга и продавать себя и свою страну иностранцам»⁴³.

Развал аппарата государственной власти и феодальная анархия сказывались на экономике Белоруссии. Постоянная междоусобная борьба магнатских группировок за власть, доходившая до открытых вооруженных столкновений, причиняла огромные разорения населению. Настоящим бедствием являлись и так называемые «наезды» одних шляхтичей на имения других, сопровождавшиеся истреблением крестьянских посевов, угоном скота, разграблением имущества и т. д. Произвол и насилие, творимые магнатами и шляхтой, нашли широкое отражение в многочисленных крестьянских жалобах, решениях поветовых сеймиков и королевских универсалах. Так, в постановлении сеймика Лидского повета 1658 г. отмечалось «распространение разных наездов, убийств, мародерства, грабежей». Для борьбы с этими «беззакониями» земским и гродским должностным лицам были предоставлены особые полномочия⁴⁴. Сеймик Витебского воеводства заявил в 1716 г.: «Довольно раздоров, довольно притеснений, чересчур уж много ненависти и неурядицы видно и слышно в нашей стране, чтобы далее терпеть их! Они ведут ее к окончательной гибели»⁴⁵. Ко-

роль Август III в манифесте, опубликованном в 1735 г., отмечал, что в Польше и Великом княжестве Литовском вооруженные отряды, руководимые «некоторыми лицами», разоряют города, местечки и села, самовольно взимают с них подати, «чинят великие насилия и разбой»⁴⁶. Однако, несмотря на призывы и всевозможные угрозы, ни местные, ни центральные власти не могли не только устранить, но даже ограничить феодальный произвол в стране.

Обладая несметными богатствами, феодалы вели паразитический образ жизни, проматывали огромные суммы в заграничных поездках, постоянных балах, кутежах и пьяных оргиях. «Расточительность разоряет имения,— писал один из современников,— съедаются и пропиваются фольварки, деревни и поветы. Погреб, кухня, кондитерская так хорошо организованы, что если бы такой порядок был в управлении Польшей, то мы были бы самым могущественным народом в Европе»⁴⁷.

Все это богатство и роскошь создавались трудом крепостного крестьянства и городского населения, хищнически эксплуатируемого феодалами. Правда, в первые десятилетия после войны середины XVII в., когда не хватало рабочих рук, а фольварки почти повсеместно были разрушены, магнаты и шляхта, стремясь восстановить свои хозяйства, были вынуждены временно отказаться от ведения фольварочного хозяйства, стали привлекать крестьян на пустующие земли разными льготами. Так как пустующей земли было много, а обрабатывать ее было некому, то феодалы разрешили крестьянам обрабатывать фольварочные земли на условиях уплаты денежного чинша, за половину или треть урожая.

Особенно активно процесс очиншивания крестьян проходил в восточных воеводствах Белоруссии. В Шкловском графстве, например, в 70-х годах XVII в. была ликвидирована ежегодная 10-дневная барщина. Она заменялась денежным чиншем в размере 10 злотых и 10 грошей. Натуральный оброк (куры, гуси, яйца), который ранее взимался с крестьян, имевших оседлые волокни, был также заменен его денежным эквивалентом. Крестьяне, возвратившиеся на брошенные волокни, освобождались на несколько лет от несения повинностей. Пустующие участки раздавались крестьянам на облегченный чинш и на третий сноп. Все это создавало стимул для возвращения крестьян и восстановления прежних хозяйств. Уже в 1668 г. в этом владении

вернувшиеся крестьяне осели на 60 волоках пахотной земли, а к 1695 г. число таких хозяйств по сравнению с 1668 г. увеличилось на 315 дворов.

Отмена барщины и перевод крестьян на чинш, предоставление «слобод», т. е. освобождение от повинностей на 10—15 лет, привлекали также новых поселенцев. В том же Шкловском графстве в 1668 г. числилось 226 вновь осевших крестьянских семей. Росло число крестьянских хозяйств в первой половине XVIII в. в Чечерском старостве. Если в 1704 г. во всех селах этого староства имелось 156 крестьянских домов, то в 1726 г. их стало 293, а в 1754 г. — 819. За это время на вновь разработанных землях староства появилось более десятка сел, насчитывавших свыше 200 крестьянских домов. В Кричевском старостве с 1712 по 1747 г. количество сел увеличилось более чем в 2 раза, а численность домов в них — более чем в 6 раз⁴⁸.

Очиншивание крестьян проводилось в Гродненской, Кобринской, Брестской королевских экономиях, а также в частных имениях на западе Белоруссии.

Однако временный переход к денежной ренте был порожден не развитием товарно-денежных отношений, а внешними факторами — войнами и сопровождавшими их разорениями, и служил лишь средством восстановления господского хозяйства⁴⁹. Даже современники считали, что перевод крестьян на чинш преследовал чисто фискальные интересы, т. е. увеличение доходов как королевской казны, так и частных владельцев. «Ревизоры, посланные Я. Казимиром до экономии (Гродненской.— А. И.), — говорилось в одном из донесений от 1778 г., сохранившемся в бумагах казначея Литвы и гродненского старосты Тизенгауза, — в то время не только с. Старые Богуши оставили на воленности, но всех подданных от барщины освободили, фольварочные посеы и поля, обработывавшиеся скарбом, поделили между крестьянами, выискивая, таким образом, в том веке, незнакомом с экономикой и хорошим знанием полеводства, увеличения дохода королевского скарба. Держались те уставы во время правления обоих Августов, не стремившихся искать увеличения доходов путем хозяйственных мероприятий»⁵⁰. Кроме того, замена в ряде мест барщины денежным чиншем или продуктовым оброком тяжелым бременем ложилась на плечи уцелевших от гибели и по-прежнему обработывавших фольварочные поля тяглых крестьян, которых феодалы обязывали выполнять барщин-

ные повинности не только за себя, но и за погибших и бежавших из волостей.

По мере же оживления сельского хозяйства и увеличения количества населения с 30-х годов XVIII в. феодалы вновь стали на путь расширения барской запашки, восстановления старых и создания новых фольварков на основе барщинного труда.

Росту фольварков способствовало увеличение спроса на сельскохозяйственные продукты и в связи с этим повышение цен на зерно. Если в 30-х годах XVIII в. в Гданьске за один лашт ржи (лашт равнялся восьми бочкам, а по весу двум тоннам) платили 70—100 золотых, то в 70-х годах — 250—300 золотых. Иными словами, цены на важнейшую сельскохозяйственную продукцию выросли примерно на 300%, в то время как реальная стоимость золотого за это же время снизилась на 65%⁵¹.

Возвращение к фольварочной системе в государственных имениях началось с 1765 г., в период управления ими А. Тизенгауза, который отобрал у крестьян ранее розданные земли, восстановил фольварки и заменил чинш барщиной. «Посланные ревизоры,— говорилось в записке Тизенгауза королю Станиславу-Августу,— поля, ранее принадлежавшие двору, от крестьян отняли и их как подданных к барщинной повинности возвратили, высчитав, что от повышения урожая можно ожидать увеличения доходов королевской казны»⁵².

От Тизенгауза не отставали владельцы частных имений и арендаторы староств. По подсчетам А. Жабко-Потоповича, в 109 староствах и экономиях Белоруссии и Литвы с 1738 г. по 60—70-е годы XVIII в. посевные площади фольварков выросли в 2,6 раза, в то время как население их увеличилось лишь в 1,3 раза⁵³. В. Мелешко пришел к выводу, что у большинства крупных частных, государственных и церковных имений, расположенных в восточной Белоруссии, во второй половине XVIII в. также имелась господская запашка. Удельный вес владений, в которых отсутствовали фольварки, составлял только 20,4%. По его же заключению, владения с господской запашкой преобладали среди небольших кролевщиц, находившихся во владении у средней и мелкой шляхты⁵⁴.

По мере восстановления фольварков перед феодалами вставал вопрос, какое количество земли оставить крестьянину. Тизенгауз, Огинский и другие считали, что лучше

ограничиться лишь четвертью волоки, чтобы было больше свободных рук для обработки помещичьей земли⁵⁵. В связи с тем, что никакая семья не в состоянии была существовать на доходы со столь мизерного участка, крестьяне вынуждены были идти в имение на работу за диктуемую господами ничтожную плату. Такие наемные крестьяне работали в наиболее доходных местах — на мельницах, маслобойнях и других неземледельческих работах, обусловленных предпринимательской деятельностью части феодалов, а также были в качестве рабочей силы у купечества⁵⁶. Широко применялся наемный труд на лесных промыслах. Так, на заготовку, переработку и сплав лесоматериалов — мачтового леса, ванчеса, клепки, брусьев, балок, поташа из пущи полоцкого архиепископа в 1767 г. было израсходовано 1730 талеров, или 13 840 золотых⁵⁷. Для заготовки и вывозки древесины наемную рабочую силу привлекали владельцы Кричевского, Чечерского и других староств и экономий. Большое количество платных работников было занято также в животноводстве — пастухи, молочницы и т. д. В Гродненской королевской экономии в 1780 г. таких лиц, получавших денежную плату, насчитывалось 335. Кроме них, в фольварках этой же экономии плату в деньгах получали 350 ремесленников: плотники, кузнецы, бондари, шорники, каменщики, кирпичники, колесники, варильщики жира, добытчики руды и т. д. Денежное жалование выдавалось работникам фольварков Брестской, Кобринской и других королевских экономий⁵⁸. Однако в основной отрасли сельского хозяйства — в полеводстве — по-прежнему преобладала барщина или ее разновидность — издольщина.

Отобранные у крестьян участки объединялись в крупные площади пахотной земли, в центре которых сооружались жилые и хозяйственные постройки, а крестьянские дворы, как правило, переносились на окраины. Во владении крупного феодала имелось несколько таких хозяйств, называвшихся фольварками, или ключами.

Расширение барской запашки происходило не только за счет восстановления существовавших ранее фольварков, но и создания новых. Так, если в 1749 г. в Черновицком владении Радзивиллов имелось 5 фольварков, то в 1791 г. их было уже 9; в Клецкой латифундии тех же магнатов в начале XVIII в. насчитывалось 8 фольварков, а в 1844 г. — 24 и т. д.⁵⁹

Восстановление существовавших ранее и создание новых фольварков сопровождалось реставрацией и прежних повинностей, среди которых на первом месте стояла основная форма эксплуатации крестьянства — барщина.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОВИННОСТИ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Аграрные отношения и положение крестьян Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. рассматриваются в целом ряде общих и специальных работ как советских, так и польских историков⁶⁰. Однако среди исследователей, так или иначе касавшихся этого вопроса, нет единого мнения о повинностях крестьян, их борьбе за социальное и национальное освобождение. Так, Е. Шлосберг утверждал, что «барщина и в первой половине XVIII в. осталась доминирующей формой феодальной ренты» в Белоруссии⁶¹. Авторы первого тома «Истории БССР» также считают, что «в белорусской деревне в XVIII в. продолжала безраздельно господствовать фольварочно-барщинная система хозяйства»⁶². В. Мелешко называет подобные выводы безосновательными и утверждает, что «во второй половине XVII и в XVIII в. на востоке Белоруссии существовали все три формы феодальной ренты, из которых на всем протяжении рассматриваемого периода преобладала, особенно в крупных владениях, денежная рента (Могилевская экономия, Шкловское графство, Чечерское, Рогачевское, Гомельское, Кричевское староства и другие)». По его мнению, «барщина здесь, в связи с отсутствием развитого фольварка, занимала подчиненное положение»⁶³.

К аналогичному выводу пришел и Д. Похилевич. «Нетрудно видеть, — пишет он, — что и в частновладельческих имениях восточной Белоруссии, как это было и в староставах, господское хозяйство, а с ним и тяглое крестьянство были разорены меньше, чем в Литве и в западной Белоруссии. Основной повинностью во многих староставах (Гомельском, Чечерском, Рогачевском, Пропойском и других) и частных имениях восточных воеводств продолжали и во второй половине XVIII века оставаться чинши и разные натуральные дани, в том числе хлебные»⁶⁴. Причиной этого, считает он, было то, «что песчано-болотистые земли этих мест затрудняли возможность ведения крупной запашки

на крепостном труде без систематического и значительного удобрения даже при средних урожаях. Для этого нужно было содержать много скота, что далеко не везде было рентабельным. Мизерные урожаи в фольварках делали выгодным чинш. Рыночная конъюнктура здесь для зернового хозяйства была малоблагоприятна. Близость русской границы, за которую убегали крестьяне, и переход ее русскими войсками сдерживали владельцев государственных имений да и шляхту от вкладывания в них средств и от слишком большого нажима на крестьян. Местное население занималось лесными промыслами и отчасти выращиванием технических культур (конопля, лен) и могло вносить денежный чинш и дани зерном»⁶⁵.

Однако со столь категорическими заключениями исследователей аграрных отношений Белоруссии второй половины XVII—XVIII в. вряд ли можно согласиться. Действительно, если нельзя говорить о господстве отработочной ренты на востоке Белоруссии, то нет никаких оснований и для ее отрицания. Например, в Могилевской губернии, занимавшей значительную часть восточной Белоруссии, во второй половине XVIII в. из 32 крупнейших помещичьих имений крестьяне 11 поместий состояли только на барщине, 10 — на барщине и оброке одновременно и только 11 имений — на оброке⁶⁶. Данные инвентарей поместий Радзивиллов, Сапег и других крупных феодалов, имения которых находились не только в западной и центральной, но и в восточной частях Белоруссии, также свидетельствуют, что во второй половине XVIII в. в связи с увеличением фольварочной запашки не только росли отработочные повинности тяглых крестьян, но даже чиншевые крестьяне переводились на положение тяглых⁶⁷. Преимущественно барщинные повинности выполняли крестьяне и всех тех войтовств восточной Белоруссии, которые находились в частном держании⁶⁸. Д. Похилевич считает, что в имениях мелкопоместной шляхты «безгранично господствовала самая тяжелая барщина»⁶⁹.

Таким образом, не денежная рента, а барщина занимала преобладающую роль в системе феодально-крепостнической эксплуатации белорусских крестьян. Уступки, вызванные военными разорениями середины XVII — начала XVIII в., которые сводились к сдаче части пустующих земель крестьянам на условиях третьего снопа или денежного чинша, носили временный характер, а потому не из-

менили и не могли изменить существа фольварочно-барщинной системы хозяйства, безраздельно господствовавшей в Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в.

Нет единого мнения среди исследователей и о положении белорусских крестьян. Так, Н. Прашкович в рецензии на книгу А. Коршунова «Афанасий Филлипович. Жизнь и творчество» (Минск, 1965) утверждает, что эксплуатация крестьян в Русском государстве была в несколько раз сильнее, чем в Великом княжестве Литовском, где только хозяин семьи должен был работать на барщине два дня в неделю, в то время как в России каждый трудоспособный член крестьянской семьи работал на помещика по четыре-пять дней⁷⁰. П. Козловский считает, что крепостничество в Белоруссии характеризовалось в целом чертами, свойственными всем странам к востоку от Эльбы, но имело также некоторые особенности. Специфика положения крепостных в Белоруссии, по его мнению, состояла в слабости государственного аппарата Речи Посполитой, в связи с чем класс феодалов не располагал столь мощным орудием насилия, какое имели помещики соседних феодально-абсолютистских государств. В Белоруссии, пишет он, во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в связи со значительным ослаблением производительных сил затормозился и рост феодальной эксплуатации⁷¹.

Подобные утверждения основаны на явном недоразумении. Многие историки при характеристике положения крестьян Белоруссии обычно исходят из данных инвентарей феодальных поместий, составление которых особенно широко практиковалось во второй половине XVII—XVIII в. Однако инвентари, как это справедливо отметил Л. Абещедарский, являлись обязательными только для крестьян, но их совершенно не придерживались владельцы имений — церковные и светские феодалы⁷². Фактически эти документы использовались для юридического оформления арендных сделок.

В XVII—XVIII вв. крестьяне Белоруссии страдали не только и не столько от тягот, обусловленных обычным порядком — инвентарями, сколько от нарушений этого «порядка», от произвола, который допускали по отношению к ним феодалы и их ставленники. Будучи полновластными хозяевами в своих имениях, помещики, как правило, увеличивали количество барщинных дней и размеры денежного чинша, взимали незаконные поборы, отнимали скот и

изделия крестьянских промыслов, отправляли крестьян вместе с их тягловой силой в поездки с господским грузом. Экономы и управляющие именьями часто намеренно не вели точного учета проделанной крепостными крестьянами работы, а поэтому последним нередко приходилось выполнять ее вторично.

В актовых книгах земских и подкоморных судов, городских магистратов много жалоб крестьян на нарушения инвентарных правил, увеличение барщинных дней и натуральных повинностей, различные злоупотребления администрации фольварков и имений.

Особой формой эксплуатации крестьянства была феодальная аренда, суть которой состояла в том, что феодал отдавал за деньги определенную часть своего хозяйства или весь фольварок шляхтичам или богатым ростовщикам на определенное время. Арендаторы становились неограниченными хозяевами над крестьянами. Они самовольно увеличивали повинности, беспощадно грабили и угнетали подданных, что нередко приводило к их полному разорению и обнищанию.

Аренды усиливали гнет крепостных. В 1716 г., например, крестьяне д. Онецевичи, принадлежавшей Радзивиллу и находившейся в заставе у католического монастыря в Березе, жаловались, что ксендзы сверх инвентаря привлекали крестьян к дополнительным работам на барщине, отправляли с подводами для перевозки хлеба, доставки соли, гонтов и т. д. Бесчинства администрации привели к падежу рабочего скота, разорению 20 крестьянских семей, которые вынуждены были бросить свои хозяйства и уйти из деревни. В жалобе подчеркивалось, что оставшиеся крестьяне из-за сокращения количества скота не в состоянии обрабатывать более $\frac{1}{6}$ части волоки земли, в результате чего в деревне имеется много пустошей. Администрация монастыря не учитывала этого и заставляла оставшихся крестьян платить чинш, выполнять другие повинности как за разоренных, так и за беглых⁷³. Крестьяне Кричевского староства в своих жалобах писали Радзивиллу, что арендатор Волковицкий за 1725—1727 гг. аренду получил с них свыше 100 тыс. золотых сверх инвентарной нормы. Кроме того, он заставлял крестьян ежедневно бесплатно работать на будах, обрабатывать пеньку, засевать земли ушедших из староства крестьян, требовал повинностей в пять раз больше, чем было предусмотрено инвентарем⁷⁴.

Не выдерживает никакой критики и утверждение Н. Прашковича, что в Белоруссии только хозяин семьи работал на барщине два дня в неделю. Многочисленные документы убедительно свидетельствуют, что феодалы заставляли всех членов крестьянской семьи работать на барщине по четыре-пять, а иногда и шесть дней в неделю. Польский исследователь М. Розычка-Глассова пишет, что в Росском ключе Потоцких, расположенном в Волковысском повете, крестьяне отрабатывали на барщине в неделю 4 дня женских и 4 дня мужских с тяглом и 20 дней «гвалтов» с $\frac{1}{4}$ волоки⁷⁵. Согласно инвентарю 1760 г., в имении Сапег Люшневе крестьяне должны были отрабатывать барщину с волоки — 6 дней мужских и 6 дней женских в неделю⁷⁶. Инвентарь 1761 г. имения Лопушня (Новогрудское воеводство) предписывал, что «от св. Иоанна русского и до Покрова русского мужчина и женщина по 4 дня обязаны являться на барщину с чем прикажут, а от Покрова до Иоанна по 3 дня»⁷⁷. Следовательно, летом крестьянская семья, состоявшая из двух трудоспособных членов, работала в этом имении на барщине 8 дней в неделю, а зимой 6. Кроме того, эта же семья должна была отработать и 48 дней «гвалтов». Всего, таким образом, эта семья работала на помещика 360 дней в году⁷⁸. Управляющий имением Малев доносил 11 сентября 1795 г. князю Радзивиллу об окончании уборки хлебов и сообщал, что за последнюю неделю он заставлял даже одиноких крестьян отработать на барщине по 6 дней в неделю⁷⁹.

Приведенные данные касаются крестьян западной и центральной частей Белоруссии. Однако не менее обременены были барщинными повинностями и крестьяне восточной Белоруссии. Так, в имении Менница Полоцкого воеводства в 1766 г. крестьяне обязаны были отрабатывать барщину 4 дня в неделю с каждой полуволоки земли, 7 дней в году с каждого дома являться на «гвалт», ходить на молотбу господского урожая, поочередно нести сторожевую повинность, тянуть невод, делать солоды, давать подводы, платить денежный чинш и т. д.⁸⁰ Не лучшим было положение крестьян во второй половине XVII—XVIII в. в имении Любовичи (Витебское воеводство), в имении Гольнец Старобыховской волости и других⁸¹.

Рабочий день крестьянина на барщине длился обычно 12 часов зимой и 19 летом⁸². Работать 6 дней в неделю по 19 часов в сутки на помещика в летнее время это, по

существо, не работать на себя, т. е. подвергаться эксплуатации, забирающей уже значительную часть необходимого рабочего времени, в которое вырабатывается продукт, достаточный для обеспечения средств существования и самого крепостного и его хозяйства⁸³.

Помимо полевых работ, связанных с обработкой помещичьей земли, крестьяне выполняли целый ряд самых разнообразных барщинных повинностей — подводную, известную в Белоруссии под названием «подорожчизна»; шарварки — работы по починке дорог, плотин и других сооружений в помещичьем имении; сплавку леса; работу на различных вотчинных предприятиях, расположенных во владениях помещиков; обработку огородов и т. п. Как и барщина, размеры других повинностей устанавливались владельцами.

Обязывая выполнять отработочные повинности, церковные и светские феодалы взимали со своих крепостных многочисленные натуральные и денежные поборы. Кроме того, они широко использовали и свои сеньюральные права, вводя различные монополии. Так, они обязывали крестьян молоть зерно только на господской мельнице с уплатой помольного «гарнцевого» сбора, покупать товары широкого потребления (табак, сельдь, соль и др.) только в лавке своего хозяина или его арендатора, причем по завышенной цене, и т. п.⁸⁴. Продукты своего хозяйства крестьяне обязывались сбывать феодалу или его арендатору по цене, значительно ниже рыночной. В Кричевском старостве, например, крестьяне должны были торговать пенькой, хлебом и другими товарами только в своем местечке. Им не разрешалось ездить на ярмарки и торги в местечки других владельцев. Приезжим купцам было запрещено разъезжать по деревням и торговать в розницу копченой рыбой и сельдью⁸⁵.

В предписании, выданном администратору Копысского графства в 1755 г., Михаил Радзивилл наряду с другими распоряжениями приказывал: «Всем подданным, принадлежащим к этому графству под угрозой сурового наказания и штрафов в 50 талеров, чтобы товаров своих, как-то: пеньки, семя льняного и конопляного, до чужих городов и торгов не возили и не продавали, как только в городе Копысе и Романове»⁸⁶. Аналогичные распоряжения отдавались в Слуцком, Копыльском княжествах, в Быхове, Кайданове, Друе и т. д.

Светские и церковные феодалы путем безудержной эксплуатации нередко отнимали у крепостных все имущество, оставляя им лишь необходимый прожиточный минимум. Польский историк С. Грабский приходит к выводу, что крестьяне Речи Посполитой вынуждены были отдавать своему господину в форме барщины, натуральных и денежных налогов, а также в виде различных «даремщин» половину доходов⁸⁷. Другой польский исследователь Э. Млынарский подчеркивает, что в конце XVIII в. можно было насчитать 164 вида дополнительных услуг, которые крестьянин, кроме обычных барщинных обязанностей, должен был выполнять в пользу господского двора⁸⁸.

Примеры обезземеления и обнищания крестьян во второй половине XVIII в. приводит Д. Похилевич. Он, в частности, указывает, что в Слонимском старостве за 300 лет (с 1478 по 1789 г.) пахотный надел, приходившийся на один крестьянский двор, уменьшился почти вдвое и составлял в среднем $\frac{1}{2}$ волоки. Урожайность же за это время оставалась почти той же, что и в XVI в. — «сам» 3, «сам» 4, рабочий скот сократился втрое, а повинности возросли вчетверо⁸⁹.

Феодално-крепостническая Речь Посполитая, все богатства которой сосредоточились в руках магнатов и шляхты, не имела средств для оплаты расходов на армию, содержащуюся, как правило, за счет населения той территории, где она расквартировывалась. Серебщина, гиберна, особенно воинские «станции» были одной из тяжелейших повинностей для белорусских крестьян и горожан. Солдаты, редко когда получавшие жалование, вели себя в городах и селах как грабители. «А жолнеры, которые стоят на становищах, людям великую обиду чинят», — отмечал в 1666 г. Г. П. Марселис⁹⁰.

12 мая 1716 г. русский посол в Речи Посполитой князь Г. Долгорукий писал украинскому гетману И. Скоропадскому: «... не токмо Литва, но и Польша никогда такова не была, — в конец разорена: два года хлебный неурожай был, а к тому и ныне саксонцы несносную берут контрибуцию и последний кусок хлеба из горла выдирают без милосердия, что не токмо по местечкам и деревням и в самой резиденции в Варшаве как мухи голодом умирают»⁹¹.

Характеризуя отношение феодалов Речи Посполитой к крестьянам Белоруссии, отдельные исследователи утверждают, что продажа крестьян без земель здесь не получила

широкого распространения. В действительности же, как явствуют документы, продажа крестьян без земли широко практиковалась белорусскими феодалами. В 1742 г., например, гродненский монастырь св. Бригитты продал 10 крестьян без земли, получив 2 тыс. польских злотых, в 1752 г. «за проданных хлопков» монастырь получил еще 200 злотых, а в следующем 1753 г. шляхтич Садовский купил у того же монастыря двух крестьян за 500 злотых⁹².

Продавали крестьян не только церковные, но и светские феодалы. Так, 3 марта 1756 г. шляхтичи Кобринского повета муж и жена Богуславские продали брестскому землянину Я. Ляховичу за 200 польских злотых своего крепостного из д. Волковичи с тремя сыновьями и дочерьми, со всем имуществом и скотом, но без земли и «холупы». В акте купли-продажи подчеркивалось, что новый владелец имеет право «дать, подарить, записать, обменять и кому хочет продать» купленного крестьянина и его семью⁹³. И действительно, 29 марта того же года Я. Ляхович за 200 польских злотых продал Д. Янчука вместе с семьей и тоже без земли и построек брестскому чашнику С. Блоцкому⁹⁴. В марте 1777 г. полоцкий шляхтич Я. Хреновский продал Я. Шишкову 41 крестьянина; тогда же надворный советник П. Окунев приобрел у К. Грибовского «без земли дворового человека». «З женой и з детьми» продали в том же году своих крестьян шляхтич Б. Бутка шляхтичу Ф. Корсаку и С. Зинович шляхтичу И. Конискому⁹⁵. В 1787 г. шляхтич Некрашевич купил у шляхтича Пастернака крестьянина В. Шоляка вместе с семьей и перевез его в д. Осовец Пинского повета⁹⁶.

Феодалы Речи Посполитой нередко разбивали семьи крестьян, продавая порознь мужчин, женщин и детей. Гродненский монастырь св. Бригитты, например, в 1766 г. продал двух молодых батраков А. и И. Черняков из д. Подболотье полковнику Оскирке за 200 польских злотых⁹⁷.

Продавали не только тех крестьян, которые находились в имениях, но и беглых. Так, в 1724 г. шляхтич А. Стабровский записал в акте купли-продажи, что около 60 лет тому назад его наследственные подданные три брата Семен, Дмитрий и Максим Дерюги, будучи малолетними, ушли из своей д. Домешек Ошмянского повета и переходили с места на место, а затем, став взрослыми и поженившись, осели в д. Дубровичи Минского воеводства в имении виленских базилиан. Стабровский, узнав об этом, предъявил бази-

лианам иск, но затем согласился продать им беглецов и их потомков с женами и детьми за «известную» сумму с правом распоряжения ими по своему усмотрению. В купчей перечислены Семен Дерюга с женой и сыновьями Афанасием и Денисом, два сына умершего уже к этому времени Максима — Роман и Иван — и Дмитрий Дерюга, который осел на землях Полубинских, но по заставному праву также оказался во владении базилиан⁹⁸.

В 1761 г. гродненские бригитки продали Мартина и Казимира Копыловичей, крестьян д. Самаровичи, которые бежали в имение слонимского старосты Свадковского, ротмистру Волковысского повета М. Ельцу «вместе с детьми обоего пола и со всем их имуществом за 400 польских золотых». Елец получил право «согласно своей воле распоряжаться» этими крестьянами, «извлекать из них всякие доходы или кому угодно продавать, дарить, отдавать в залог, обменивать»⁹⁹.

На следующий год из владений этого же монастыря бежали 10 крепостных, некоторые из них со своими семьями. Подкоморий Трокского воеводства В. Укольский, в имении которого они поселились, вынужден был уплатить монастырю 1300 польских золотых¹⁰⁰.

Однако феодалам не всегда удавалось установить местонахождение бежавших крепостных. В таких случаях они нередко заключали договоры с другими помещиками на покупку своих беглых крестьян по пониженной цене с правом их розыска. Если беглецы обнаруживались, покупатель становился их собственником.

Магнаты и шляхта считали себя полноправными хозяевами крестьян. Требуя от них неукоснительного выполнения барщины и других повинностей, они одновременно добивались и беспрекословного выполнения ими религиозных обрядов.

Обязанности следить за исправным выполнением крепостными церковных обрядов возлагались на администраторов, приходских священников и ксендзов. Так, инструкция 1769 г. предписывала администраторам имения Веляшковици Витебского воеводства наблюдать за ежедневным богослужением и за тем, чтобы все без исключения крестьяне обязательно исповедовались на Новый год, пасху, троицу и вознесенье девы Марии. Все население, как православное, так и католическое, должно было посещать костел. Нарушители воли феодала подвергались наказанию: за не-

посещение костела — 10-ю ударами плетью и дополнительным днем работы в пользу двора, за неявку на пасхальную исповедь — 50-ю ударами плетью и т. д. ¹⁰¹

В то же время феодалы категорически запрещали крестьянам посещать школы. Так, гродненский поветовый сеймик в инструкции депутатам, отправляемым на избирательный сейм в 1733 г., поручал ходатайствовать «об издании твердого закона» о недопущении крестьянских детей в школы. «Издавна,— говорится в инструкции,— на основании повседневногo опыта мы убеждаемся, что находящиеся на обучении в разных школах крестьянские дети, получив образование, многое себе позволяют, унижают потомственную шляхту.., грубо обращаются со своими наследственными господами». С нескрываемым цинизмом авторы инструкции требовали, «невзирая на слезы и стенания», изгонять оказавшихся тем или иным путем в школе крестьянских детей, руководствуясь при этом старой поговоркой, согласно которой «крестьянский род хорош, когда он в печали, но плох, когда он в радости либо когда просвящен школьными науками» ¹⁰².

Магнаты и шляхта нередко обязывали администраторов, экономов, управляющих фольварками внимательно следить, «чтобы ни один крепостной своих детей в школу не отдавал, а приучал к сельской работе на барщине».

Церковные и светские феодалы Речи Посполитой распоряжались не только имуществом крестьян, но и их жизнью. Еще в 1573 г. Варшавская конфедерация вынесла постановление, в котором было записано, что «духовные и светские владельцы имеют право на полное повиновение и послушание своих подданных и если бы последние посмели им сопротивляться, то такие владельцы могут своих подданных, непослушных им в духовном ли, или гражданском отношении, подвергать наказаниям по своему усмотрению» ¹⁰³. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. разрешал «каждому пану подданного своего, непослушного так в духовном, яко и в светских речах подлуг паразумення своего скарать» ¹⁰⁴.

Пользуясь предоставленным правом, феодалы подвергали своих крепостных нечеловеческим истязаниям. Крестьянин д. Маковчицы Койдановского графства Я. Громаза жаловался в 1785 г., что его мать, служившая на протяжении 6 лет экономкой у княгини Воронецкой, так была избита плетью, что на четвертые сутки скончалась ¹⁰⁵.

Источники последней четверти XVIII в. зафиксировали факты смерти крестьян от побоев в поместье Ружаны, в Деречинском графстве Сапег и т. д.¹⁰⁶ Это типичное рабовладельческое право, в соответствии с которым каждый шляхтич мог убить своего крепостного, было отменено лишь в 1768 г. Однако в законе, отменяющем его, не было указано, кто же мог жаловаться на шляхтича, убившего крестьянина, так как и родственники, и близкие убитого были неправомочны. Поэтому гибель крепостных от рук их господ оставалась, по существу, безнаказанной.

Для феодалов Речи Посполитой по отношению к бесправному населению и прежде всего крепостному крестьянину не существовало правовых понятий, тем более что по закону все подданные магнатов и шляхты подлежали патримониальной юрисдикции своих собственников и не могли обращаться в органы государственной власти. «Правосудие исчезло,— писал С. Сташиц. — Разнузданность заняла место свободы. То, что честный человек считает позорным, стало привилегией шляхтичей»¹⁰⁷. Другой деятель польского просветительства конца XVIII в. Ф. Езерский подчеркивал, что в Речи Посполитой шляхтич «является неограниченным господином, не имеющим выше себя никого, кроме закона, который он сам устанавливает для себя и которому он не подчиняется, когда это ему не нравится, ибо он относится к нему как к своему собственному произведению»¹⁰⁸. Даже официальная комиссия, назначенная сеймом в мае 1789 г. для выяснения причин крестьянских волнений, вынуждена была признать, что «Польша тогда (речь идет о времени правления Августа III.— А. И.) не обращала на себя должного внимания, в ней не было власти, которая управляла бы подданными, не было начальства, которого она лишилась, непрерывно закрывая заседания сеймов. Спокойствие и роскошь усыпили бдительность ее над ее судьбою; на явную опасность и народные нужды в Польше не обращали внимания»¹⁰⁹.

Всеми мерами и способами феодалы пытались лишить крестьян человеческого достоинства, внушить им мысль о том, что их удел — беспрекословное выполнение воли владельца. По определению Ф. Энгельса, «покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше... является одной из самых примитивных общественных форм»¹¹⁰. В. И. Ленин, характеризуя сущность феодального государства, отмечал, что

в нем «полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве»¹¹¹.

По свидетельству современников, которых вряд ли можно обвинить в стремлении сгустить краски, крепостническая эксплуатация крестьян Белоруссии, как и всей Речи Посполитой, приняла самые тяжелые, бесчеловечные формы. Польский публицист середины XVII в. А. Старовольский утверждал, что в Речи Посполитой «нет ничего, кроме дикого рабства, отдавшего жизнь человека в полную власть его пана. Любой азиатский деспот не замучит за свою жизнь столько людей, сколько замучат за один год в свободной Речи Посполитой»¹¹². Потрясающую картину нужды и бедствия крестьян Речи Посполитой конца XVIII в. нарисовал С. Сташиц: «Перед моими глазами пять шестых польской нации. Я вижу миллионы созданий, из которых одни ходят полунагими, а другие покрыты шкурой или грубой сермягой; все они исхудалые, изможденные, заросшие, покрытые копотью. Глаза у них глубоко запали. Они работают, тяжело дыша... Их пищу составляет хлеб из непросеянной муки, а в течение четверти года — одна мякина... Жилищами им служат землянки и шалаши, чуть поднимающиеся над землей; солнце не имеет туда доступа; они наполнены смрадом и тем благодетельным дымом, который, не пропуская света, избавляет их от зрелища собственной нужды; он душит их днем и ночью, сокращая их мучительную, жалкую жизнь. Больше всего он убивает детей в младенческом возрасте. В этой смрадной и дымной темнице хозяин, утомленный дневным трудом, спит на подстилке из гнилой соломы. Рядом с ним в том же самом логовище, где стоит корова с телятком и лежит свинья с поросятами, спят нагишом малые дети»¹¹³.

Положение белорусских крестьян не представляло исключения. А. Мейер в «Описании Кричевского графства 1786 г.», отмечал, что «из кричевских жителей (имеется в виду население всего Кричевского графства.— А. И.) есть многие посредственно богатые, но большая часть между ними суть бедные. И некоторые из них не только с мякиною смешанного хлеба не имеют, но и в летнее время для сбережения своего запаса принужденными бывают вместо оного употреблять испеченные из овсяной со щавьем смешанной муки лепешки, прибавляя к оным для вязкости и

несколько ржаной, или в случае недостатка в хлебе толкут вымоченное в воде, гнилое дубовое из середины дерево и пекут из оногo с прибавлением муки»¹¹⁴. Даже русский помещик, которого трудно было удивить беспорядком крестьян, посетив Белоруссию в 1789 г., был поражен виденным: «Проезжая Литву, надседалось сердце от жалости и досады. Богатая земля, населенная людьми, томящимися в работе, а глупые пань... управляют с необузданной властью крестьянами, доведенными до совершенной нищеты... Много наезжал я таких селений, где нельзя достать кусок хлеба, а между тем в городах царствовали беспутная роскошь и сластолюбивая праздность... Грабеж (повсюду) бесслестный и страшный»¹¹⁵.

Таким образом, приведенные материалы убедительно свидетельствуют, что в Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. феодально-крепостнический гнет достиг невиданных размеров, приняв самые уродливые формы. Светские и церковные феодалы Речи Посполитой путем жестокой эксплуатации и варварского наказания пытались навязать крестьянам свою волю, добиться беспрекословного повиновения, выполнения всех барских прихотей. Однако, несмотря на все ухищрения и издевательства, господствующий класс Речи Посполитой не смог лишить белорусских крестьян человеческого достоинства, поставить их на колени. Униженные и обездоленные, они вели упорную борьбу против тяжелого феодально-крепостнического гнета, за свою свободу и независимость.

ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Вторая половина XVII—XVIII в. была периодом углубления и обострения социальных противоречий внутри города.

Разоренные длительными войнами города Белоруссии переживали глубокий экономический упадок, так как основа их хозяйства — ремесло и торговля — не имела условий для своего развития.

Ухудшение положения крестьян, введение феодалами «монополий», запрещение городским купцам продавать на селе изделия ремесленников привели к сужению внутреннего рынка, к свертыванию ремесленного производства и торговли в городах.

Крайне недостаточная емкость внутреннего рынка тормозила восстановление и развитие городов, а отсутствие заказчиков и потребителей заставляло городских ремесленников и торговцев переходить к земледелию. В Гродно «мещане, — указывали королевские комиссары в 1680 г., — за исключением лишь весьма немногих из магистрата, пренебрегли благосостоянием города и, живучи не в черте его, а по своим фольваркам, не занимаются торговлей и купечеством..., а исключительно хлебопашеством..., вследствие чего город постепенно клонится к упадку»¹¹⁶.

По данным официальных документов и свидетельствам современников, ко второй половине XVIII в. упадок городского ремесла и торговли достиг огромных размеров. На заседании сейма 1764 г. примас Любинский заявил: «...в городах мы города еще искать должны: что улица — то поле, что рынок — то пустоши»¹¹⁷. Конечно, в этом заявлении краски сгущены, но оно, безусловно, свидетельствует, что даже в третьей четверти XVIII в. города Речи Посполитой, и в частности Белоруссии, находились в состоянии упадка. В связи с постановлением сейма 1776 г. белорусские города, за исключением восьми, были лишены права на самоуправление. Они объявлялись селами с управлением на общих основаниях.

Воспользовавшись разорением и упадком городов, магнаты и шляхта усилили нажим на мещанское сословие; они захватывали городское имущество и превращали население в своих подданных. В 1724 г. магистрат и жители Минска жаловались королю на должностных лиц Минского воеводства Стефана, Франтишка, Доминика и Яна Володкевичей, которые «городские дома и земли во владения свои вечные превращают... к имениям своим присоединили». В ответ на жалобу король писал минскому старосте И. Завише, что он, являясь городским войтом, «привиллие от нас и предков наших Минску наданные ломит, мещан минских под свою юридику берет, урожденным Володкевичам и другим заинтересованным лицам городские дома отдал (которые обратили их в земские), гиберну и другие подати на город наложил и бесправия чинил»¹¹⁸. В другой жалобе минских мещан начала XVIII в. названо свыше 50 феодалов, которым были предъявлены претензии в связи с незаконным захватом городской недвижимой собственности, а в судебной повестке за 1746 г. такие обвинения были предъявлены 70 феодалам, владевшим в городе участками и домами¹¹⁹.

До чего был доведен Брест в результате феодального наступления на город, свидетельствует заявление магистрата от 27 октября 1765 г. «Мы магистрат и весь город Брест,— писали радцы,— с давних пор отстранены уже от прав, вольностей, доходов с земельных участков и городских фольварков духовным и светским сословием, которое распространилось посредством юридик. Власть и доходы они обращают в свою пользу, вторгаются в городские дела... в результате чего мы оказались выброшенными и доведенными до крайнего угнетения»¹²⁰.

Огромный ущерб экономической и политической жизни городов Белоруссии причиняла шляхта, проживавшая на землях, принадлежавших магистрату. Вопреки жалованым грамотам на магдебургское право, по которым все население, жившее на городских землях, должно было подчиняться городским властям, шляхта, опираясь на содействие королевских администраторов, комендантов крепостей и т. д., грабила и разоряла городских жителей. Так, в 1672 г. король М. Вишневецкий писал в грамоте к панам Гуркам в ответ на жалобу витебских мещан, что «верность ваша, безвинно посягая на жизнь и имущество их насильно, без причины и неподлежаще захватываете у них имения.., пахотные поля, луга и что еще более делаете им разные отзывы и угрозы, лично сами, чрез родственников, слуг, бояр, крепостных людей своих и чрез других подчиненных лиц»¹²¹. Король брал под свое покровительство и защиту витебских мещан и их имущество с взысканием 10 тыс. литовских коп в случае нарушения Гурками залоговой грамоты.

Однако каких-либо практических мер для защиты мещан королевская власть не предпринимала и не могла предпринять, и поэтому нарушения городских прав продолжались и в дальнейшем, достигнув в XVIII в. угрожающих для существования городов размеров. В 1718 г. король Август II в подтвердительной грамоте Гродно указывал, что «староста наш гродненский (он же и войт.— А. И.) несносные причиняет городу тяжести... к толокам разным, жниву, рубке дерева, косьбе и другим повинностям», насильно привлекает мещан, взимает с них незаконные поборы и налоги¹²². Гродненские мещане были, по существу, сведены на положение крепостных крестьян.

Расширяя свои владения в городах, феодалы превращали мещан в зависимых людей, заставляли городское насе-

ление платить им налоги и отбывать повинности. В инвентаре Бобруйска за 1684 г., например, подчеркивалось, что мещане должны нести сторожевую повинность, когда приезжает пан староста, поставлять подводы на расстояние 5 миль, давать по два отреза на жупаны, должны помогать волости в починке плотины на мельнице и насыпке шлюзов¹²³. В инвентаре Витебской экономии 1698 г. указывалось, что «повинностью» живших в воеводской юрисдикции «мещан» было «обрабатывать огороды», убирать с них овощи и выполнять другие «услуги» воеводскому двору в Лукишах (под Витебском)¹²⁴.

Расширение феодальных владений и юрисдикции в городах приводило к падению экономической значимости юрисдикции магистратов, к дальнейшему ослаблению их власти. Частновладельческие подданные, проживавшие в городах, занимались ремеслом и торговлей, однако, прикрываясь шляхетскими привилегиями своих господ, не подчинялись магистрату и, как правило, не выполняли не только городских, но и государственных повинностей¹²⁵. Поэтому они являлись основными конкурентами городских ремесленников и торговцев. Растущая конкуренция вынуждала городских ремесленников добиваться все новых и новых привилегий, ограничивать приток в город цеховых ремесленников извне, обучать местную мещанскую молодежь. Одновременно цехи стремились монополизировать местный рынок для продажи собственных готовых изделий¹²⁶. В свою очередь, мелкие торговцы и городские купцы стали создавать свои объединения, опираясь на которые вели упорную борьбу за городской рынок¹²⁷. Рост феодальных юрисдикций и связанное с ним сокращение магистратского населения еще более усугубляли налоговый гнет, лежавший на мещанстве. Кроме того, юрисдикции препятствовали сословной консолидации городского мещанства, ослабляли их борьбу против феодального произвола.

Расширение собственности феодалов в городах сопровождалось не только усилением феодальных повинностей городского населения, но и открытым грабежом его королевской администрацией, военными властями и т. п. Минский подстолий, например, приказал в 1674 г., чтобы городские жители преподнесли ему атлас на жупан и голландское сукно на кунтуш, угрожая в противном случае разграбить город¹²⁸. В 1676 г. почтмагистр княжества Литовского потребовал, чтобы витебские мещане «вносили почтовые

деньги, ежедневно по несколько сот золотых», хотя, как говорилось в королевском рескрипте, «через этот наделенный привилегиями город почтовая дорога никогда не лежала» и никаких подвод он никогда не поставлял ¹²⁹.

Злоупотребления над горожанами чинили и лица замковой администрации и военные власти. Могилевские мещане жаловались в 1684 г., что замковая администрация запретила свободный проезд через территорию замка, установила проезжую пошлину, которую «вымогают и отбирают с мещан и их фурманов с большими для них убытками» ¹³⁰. Слустя некоторое время представители могилевского магистрата вновь жаловались на замковую администрацию, которая нарушала городские права и вольности, в результате чего ремесло и торговля пошли в упадок, а горожане доведены до разорения ¹³¹.

В подтвердительном привилее 1734 г., данном Чаусам, Август II констатировал, что администраторы Могилевской экономии «без всякого на то права на цельных коморах взимают пошлины как с местных жителей, так и с приезжих купцов и город згубили, спустошили» ¹³².

Бурмистры и радцы Кричева писали князю И. Радзивиллу, что по приказу пана Вышинского солдаты кричевского гарнизона заставляли горожан отбывать различные повинности, поставлять подводы, разгоняли базары, забирали товары. Фактически жители были заперты в своем местечке, так как не пропускали через территорию замка их, заставляя обходить его болотами и рвами, а всех сопротивляющихся жестоко наказывали ¹³³.

Не удовлетворяясь грабежом и насильями, феодалы предпринимали вооруженные наезды на земельные участки, лавки и дома, принадлежавшие магистрату, нередко физически расправлялись с должностными лицами. Так, в 1733 г. противник православия феодал Зенкович совершил нападение на Могилев с целью захвата имения Любож и мельницы, принадлежавших городу. Ворвавшись с вооруженной шайкой в Могилев, Зенкович начал стрелять в собравшихся горожан, в результате чего несколько человек были смертельно ранены. После этого он разгромил городской рынок, разогнал собравшихся там людей и растоптал лошаадьми продукты. Действия этого феодала вызвали восстание горожан ¹³⁴. В 1749 г. полковник литовских войск Сосновский, незаконно получив привилей на Витебское войтовство, принадлежавшее К. Соколовскому, с от-

рядом своих солдат и толпой приспешников разогнал городскую охрану, убил четырех часовых, штурмом захватил ратушу, учинил в городе «гвалт и забойство». Во время штурма загорелась ратуша, и «если бы не дождь,— говорится в документе,— сгорел бы весь город»¹³⁵.

Светские и церковные феодалы с нескрываемым презрением относились к горожанам и их занятиям. Сеймовыми постановлениями 1535, 1550, 1633 и 1677 гг. шляхтич, поселившийся в городе и занимавший какую-либо городскую должность или увлекающийся ремеслом и торговлей, лишался шляхетства¹³⁶. Постановлениями сеймов 1613, 1620, 1629, 1655 и 1683 гг. для горожан была введена дискриминация в одежде: мещанам было запрещено пользоваться драгоценностями, шелком и шелковыми поясами, а также дорогими мехами — собольими, рысьими, чернобурых лисиц и т. п.¹³⁷ Как отмечал в своих мемуарах польский публицист Г. Коллонтай, вся система воспитания в шляхетских школах была также направлена на то, чтобы привить учащимся презрение к горожанам¹³⁸. Города, кроме того, не имели своих представителей в общегосударственном органе власти — сейме. Их жителям запрещалось приобретать имения.

Только 4-летний сейм (1788—1791) «Законом о свободных королевских городах в Речи Посполитой», принятым 18 мая 1791 г., впервые, определяя правовое положение королевских городов в общегосударственном масштабе, признал их собственниками городских земель, предоставил им некоторую автономию как в хозяйственно-административных делах, так и в области судопроизводства. Шляхте, проживавшей в городах, разрешалось «принимать городское право», наравне с мещанами заниматься ремеслом и торговлей¹³⁹. Однако этот закон оказался недолговечен. В 1792 г. с приходом тарговичан к власти он, как и другие решения 4-летнего сейма, был аннулирован.

По социальному составу население белорусских городов не было однородным. Выделялась зажиточная верхушка — купечество, занятое главным образом торговлей, а также разбогатевшие ремесленные мастера и городской плебс — мелкие ремесленники и торговцы, подмастерья, ученики, домашние слуги, наемные работники, люди «люзные», «убогие» и т. д.

Власть в городе принадлежала зажиточной верхушке. Органы так называемого городского самоуправления — ра-

да или магистрат — избирались исключительно из представителей крупного купечества и мастеров. Сосредоточив в своих руках власть, городская верхушка жестоко эксплуатировала низы городского населения. Она присваивала себе земли, произвольно облагала жителей магистратской юрисдикции налогами и открыто их грабила. В постановлении сеймика Витебского воеводства 1721 г., например, значилось, что в Витебске производится «обложение податями, обременительное для бедных людей»¹⁴⁰. По жалобе минских мещан королевский ассессорский суд отметил в начале 70-х годов XVIII в., что при раскладке налогов минским магистратом «так происходит, что люди неимущие и убогие терпели и терпят, а богатые разными путями уклоняются»¹⁴¹. Недаром поэтому эпитеты «обиралы», «дьяволы» и т. д. часто раздавались по адресу бурмистров и других должностных лиц городской рады.

Служебное положение члены магистратов нередко использовали для личного обогащения. Как видно из записи актовой книги минского магистрата за вторую половину XVII в., бурмистр Евзович был уличен в 1675 г. в присвоении 200 золотых из городской кассы¹⁴². 3154 золотых 20 грошей городских денег присвоил могилевский радца Хомятовский, который, будучи посланным в 1703 г. магистратом Могилева в Варшаву к королю Августу II для решения городских дел, приобрел в Бресте товаров на 1954 золотых 20 грошей, а на остальную сумму представил фиктивные отчеты, в которых значилось, что городские деньги израсходованы на содержание посольства¹⁴³.

Ежегодно горожане были обязаны платить поголовный, подымный, поземельный, подводный, почтовый, чоповый, шележный, гиберновый налоги, поборы на содержание депутатов сейма, на продовольствие для армии, на содержание ее во время войн и т. д. Кроме того, много денег требовалось на благоустройство города, содержание городских должностных лиц и пр. Украинский историк В. Антонович утверждал, что «одна номенклатура городских податей представляет целый словарь 40—50 названий»¹⁴⁴.

В приходно-расходных книгах Могилева сохранилось описание грабежа населения с помощью солдат городского гарнизона. Так, в книге за 1719 г., 27 августа, записано, что «жолнерам мейским, як грабили людей», было выдано 12 грошей; 4 сентября «жолнерам замковым, что ходили грабить», — 1 золотый 15 грошей. В январе 1722 г. шесть

солдат собирали подымное в могилевских сотнях в течение трех дней, заработав на этом 6 золотых; в сентябре этого же года подымное также собиралось с помощью солдат ¹⁴⁵.

Шафары лаконично отмечают, что выручили за кобеняк сермяжный грабежный за поголовное 3 зол., за Дзеньков грабеж — жупан синий старый и шубу 10 зол., за жупан старый бирчого Герасима Лушика 6 зол. и 3¹/₂ осм., за мушкет Деружинского осм. 15, за Прудникову сермягу 1 зол. и осм. 5, за Якушкову шкурку — осм. 20, за Мишкова коня — осм. 2 ¹⁴⁶. Лишь изредка приходно-расходные книги свидетельствуют о выкупе жителями города изъятых у них вещей.

Однако экзекуции и грабежи не давали желаемых результатов. 17 сентября 1698 г. минский магистрат был привлечен к Скарбовому суду по делу о «неотдании и невыплате Минском гиберны, чопового, шележного, поголовного, татарского, еврейского и иных налогов» ¹⁴⁷. 25 марта 1716 г. могилевский магистрат отметил в одном из своих постановлений, что городская чернь не может уплатить установленной подати и просит о ее уменьшении. В связи с этим было предложено возложить треть побора на беспоселитых и радцев, чтобы окончательно не разорить «убогих людей» ¹⁴⁸. В 1723 г. из 22 639 золотых 17 грошей подымного побора, гиберновой подати, земельного налога и подати, разложенных могилевским магистратом на сотни для уплаты долга бобруйским иезуитам, удалось собрать только 16 960 золотых 18 грошей, причем 1619 могилевских мещан оказались неплатежеспособными должниками ¹⁴⁹.

Большее половины городского населения по своему имущественному положению стояло на грани нищеты. Так, в Гродно по инвентарю 1680 г. 574 дома из 669 составляли халупы, 201 из которых принадлежала огородникам и 373 — другим неимущим мещанам ¹⁵⁰. В Слуцке, по данным инвентаря 1728 г., из 1179 домов, имевшихся в городе, в 860 проживали мелкие торговцы, ремесленники и городская беднота. Им принадлежали домики, халупы и халупки. Кроме того, в Слуцке насчитывалось 297 «коморников» и их семей, не имевших своих домов и ютившихся по чужим углам и коморам ¹⁵¹. Английский путешественник Вильям Кокс, посетив м. Мир в августе 1779 г., записал в своем дневнике, что «жители этой деревушки были так бедны, что мы не могли достать самых обыкновенных съестных припасов» ¹⁵².

Таким образом, расхищение светскими и церковными феодалами городских земель, их злоупотребления и бесчинства, тяжесть налогового обложения и рост обнищания народных масс — все это вызывало острое недовольство низов городского населения, поднимало их на борьбу, которая, в сущности, никогда не затухала, хотя в те или иные периоды приглушалась противостоящими им силами феодально-крепостнической Речи Посполитой.

УСИЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ГНЕТА

Пытаясь уничтожить белорусский язык и культуру, полностью полонизировать народные массы, феодалы Речи Посполитой широко использовали католицизм, безраздельно господствовавший в идеологии и освящавший основы феодального общества. Феодалы рассчитывали, что, окатоличив православное население, они разорвут исконные связи Белоруссии с Россией, ослабят тяготение белорусского народа к воссоединению с русским.

В 1596 г. на Брестском церковном соборе была провозглашена уния — союз католической и православной церквей. Господствующий класс Речи Посполитой стремился использовать унияство для полного окатоличивания и полонизации народных масс Белоруссии. Уния, навязанная реакционными силами Речи Посполитой и высшим православным духовенством белорусскому народу, встретила решительное сопротивление со стороны крепостного крестьянства, городского населения, части православной шляхты и низшего духовенства. Поэтому в первой половине XVII в. в законодательстве Речи Посполитой православная вера еще находила какую-то, хотя и формальную, защиту: сеймовыми конституциями 1607 и 1609 гг. разрешалось свободное отправление православных культов, подтверждались права и привилегии церковных братств, под угрозой штрафа в 1000 злотых запрещалось насильственное насаждение унии. Свобода богослужения православной церкви подтверждалась на сеймах 1618, 1620, 1623, 1627, 1631, 1635 и 1647 гг.¹⁵³

Со второй половины XVII в., после освободительной войны 1648—1654 гг., на поветовых сеймиках и общегосударственных сеймах все реже раздавались голоса в защи-

ту прав православного населения. Появился ряд сеймовых постановлений, направленных на удушение православия и колонизацию населения. Насильственное распространение унии и католичества приняло еще более широкие размеры. Братские школы, типографии, православные церкви повсеместно закрывались, а лица, исповедовавшие православную веру, преследовались. Белорусский язык вытеснялся из судебного и административного делопроизводства, а в конце века употребление его в судах и других государственных учреждениях было окончательно запрещено. В постановлении всеобщей конфедерации сословий Речи Посполитой в 1696 г. указывалось, что в делопроизводстве Великого княжества Литовского «отныне все решения должны составляться на польском языке»¹⁵⁴.

Усиление католической агрессии объяснялось двумя причинами: во-первых, активизацией наступления на Восток Ватикана и, во-вторых, развертыванием антифеодальной борьбы белорусского народа, проходившей под лозунгами освобождения от социального гнета и защиты православия.

Борьба белорусских крестьян и низов городского населения против унии и католической церкви была в основе своей борьбой против феодализма. «Всякая борьба против феодализма,— указывал Ф. Энгельс,— должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви»¹⁵⁵. По словам Ф. Энгельса, «и во времена так называемых религиозных войн... речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов... Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»¹⁵⁶. В. И. Ленин подчеркивал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»¹⁵⁷.

В национально-освободительной борьбе белорусский народ опирался на поддержку Русского государства. По настоянию России в условия Андрусовского перемирия 1667 г., а затем в трактат о «вечном мире» 1686 г. была внесена статья, обязывающая правительство Речи Посполитой «церквам божиим и епископиям... и при них монастырем, архимандриям Виленской, Минской, Полоцкой, Ор-

шанской и иным игуменствам, братствам, в которых обреталось и ныне обретается употребление благочестивой греко-русской веры, и всем тамо живущим людем в короне польской и в великом княжестве Литовском, в той же вере оставающимся, никакова утеснения и к вере римской и к унее принуждения чинить не велит и быти то не имеет, но по давним правам во всяких свободах и вольностях церковных будет блюсти»¹⁵⁸. Русское правительство получало право контроля над исполнением этих постановлений, а православные, в случае насилий над ними, могли жаловаться на их нарушения. Это сыграло огромную роль в усилении симпатий населения Белоруссии к Русскому государству. Даже представители господствующего класса Речи Посполитой признавали, что «польские подданные греческого исповедания стали с тех пор (с момента подписания «вечного мира». — *А. И.*) почитать русских если не своими начальниками, то по крайней мере верными и надежными товарищами»¹⁵⁹.

Однако магнаты и шляхта, католическое и униатское духовенство систематически нарушали условия Андрусовского перемирия и «вечного мира». Так, в 1668 г. король Ян Казимир приказал властям и шляхте Полоцкого воеводства передать под управление униатскому архиепископу Коленде полоцкую православную церковь с монастырем и их землями, а православных монахов «удалить». Для приведения в исполнение этого распоряжения разрешалось применить вооруженную силу¹⁶⁰. В апреле 1668 г. королем была направлена полоцкому воеводе и войту, магистрату и «всему посольству» новая грамота, в которой требовалось, чтобы в городе «религия католическая первенствовала, все же ереси и расколы искоренялись». Под угрозой аннулирования результатов выборов грамота предписывала войту и «всему посольству» строго соблюдать, «чтобы ни одно лицо, кроме исповедающих римско-католическую и соединенную с нею греческую веру, не было допускаемо к занятию мест бурмистра, радцы, лавника, а равно и низших должностей, расходчика и сельских»¹⁶¹.

В Минске, несмотря на то что его население было «дизунитами», т. е. православными, в соответствии с универсалом, изданным в 1673 г. королем М. Вишневецким, под угрозой штрафа в 1000 червонных золотых запрещалось допускать к магистратским должностям лиц, не принявших унию. Католики должны были занять руководящие пози-

ции и в минских цехах¹⁶². В этом же году минскому купцу Е. Островскому было запрещено ездить с товарами в Москву на том основании, что он «явный схизматик», т. е. православный¹⁶³. В грамоте к мещанам Могилева король Ян III Собеский требовал в 1692 г., чтобы те «были униатами и к тому приступили бы добровольно», угрожая, что если они не сделают этого сами, то «будут в унии и поневоле»¹⁶⁴.

Закрепляя и утверждая королевские универсалы, ряд постановлений, направленных против православных, принял высший орган государственной власти Речи Посполитой — шляхетский сейм. Его постановлением 1676 г. все православные братства лишались своих привилегий. Кроме того, им не разрешалось поддерживать связи с константинопольским патриархом, которому они ранее непосредственно подчинялись. С этого времени братства обязывались выполнять распоряжения местных епископов, назначаемых королем из числа униатов. Одновременно под угрозой смертной казни и конфискации имущества сейм запретил «людям греко-российской религии» выезжать за границу¹⁶⁵. В 1699 г. Варшавским сеймом было принято постановление об исключительном праве униатов занимать выборные магистратские должности в городах¹⁶⁶. Сейм 1712 г. издал закон, согласно которому должностным лицам запрещалось прикладывать печати к документам, содержащим что-либо выгодное для лиц некаатолического вероисповедания¹⁶⁷.

Поощряемые королевскими универсалами и сеймовыми постановлениями местные власти, не останавливаясь перед открытым насилием, искореняли православие. Так, когда в 1669 г. униатский архимандрит полоцкого Борисоглебского монастыря донес воеводе, что жители полоцкого предместья Кобака не желают его признавать, воевода приказал, чтобы «овцы знали пастыря своего и с требами крещения, исповеди, причащения, брака и погребения обращались бы в церковь архимандричью, как в древнюю свою приходскую». Нарушившие это распоряжение должны были быть подвергнуты штрафу в 10 золотых¹⁶⁸.

Насилия и издевательства над православным населением Полоцка творил униатский архиепископ К. Жоховский. По его распоряжению закрывали православные церкви и монастыри, изгоняли из города лиц, исповедовавших православную веру, бросали в тюрьмы противников унии.

В марте 1692 г. наместник полоцкого Богоявленского монастыря К. Демьянов говорил в Посольском приказе в Москве: «А ныне де во всем Полотцком воеводстве только один тот их Богоявленский монастырь, а иные монастыри и церкви обращены в унию и владеет ими К. Жоховский, униатский архиепископ, который живет в Полотцку и многое утеснение православным христианом чинит». По его же словам, Жоховский «всякими лукавыми вымысла» стремился обратить в унию «или вовсе разорить» и Богоявленский монастырь, а монахов выгнать из города. В заключение Демьянов подчеркивал: «И великое утеснение и неволю от униатов терпят, и построить вновь в монастыре и старого починить и главы зделать на церкви отнюдь не дают и не позволяют. И всех благочестивых людей города Полотцка, которые еще держатца и приходят к службе божии в их монастырь, изгоняют и разоряют и принуждают, чтоб конечно были в унию»¹⁶⁹.

Различные меры для насаждения унии применяли местные власти, католическое и униатское духовенство в Витебске. В октябре 1670 г. униатский митрополит Г. Колленда писал должностным лицам витебского магистрата: «Если вы не оставите этих сборищ и московских понятий о схизме, тогда придется мне вступить за кровь блаженного Иосифата, которая в Витебском воеводстве совсем было уже искоренила схизму», — и предупреждал, что будет жаловаться воеводе и просить его, чтобы поступал с «вами не так снисходительно, как привык он это делать»¹⁷⁰. Свою угрозу митрополит, по-видимому, привел в исполнение, так как в апреле 1672 г. последовал универсал воеводы Храповицкого, который запрещал витебским мещанам посещать православное богослужение под угрозой лишения города магдебургского права¹⁷¹.

Однако, несмотря «на непрестанные гонения от униат»¹⁷², искоренить православие в Витебске оказалось не легким делом. Поэтому в 1721 г. витебский воевода и войт, опираясь на королевские грамоты, вновь требовали, чтобы в городе «никаких дизунитов (т. е. православных. — А. И.) явных и тайных» не было¹⁷³. Состоявшийся в феврале этого же года сеймик Витебского воеводства вынужден был констатировать, что «весьма много дизунитов — явных и тайных, в нарушение прав, в городе живут, производят торговлю, получают с города пользу и других обращают в дизунию»¹⁷⁴. Для уничтожения православия сеймик

постановил: дизуниты не должны быть допускаемы ни к какой городской или ратушной должности, и требовал конфисковать их имущество и лишить прав жительства в Витебске ¹⁷⁵.

Решительное наступление на православную церковь вело католическое и униатское духовенство в других городах и местечках Белоруссии. В 1691 г. по распоряжению Жоховского ксендз друйский захватил находившийся в Браславском повете монастырь «и монахов и с того монастыря выгнал, и землями и крестьяны овладел, и благочестивую церковь на костел обратил» ¹⁷⁶. Наместник оршанского Кутеинского монастыря Никодим показал в Москве в 1694 г., что «им чинитца от римлян и от униат великое гонение и утеснение» и «живут в великой скудости», а «святых икон и церковных нужд и священных одежд построить им нечем» ¹⁷⁷.

От духовных феодалов не отставали и светские. Стремясь окатоличить подвластное им православное население, светские феодалы применяли различные формы и методы принуждения. Зачастую при пожаловании или дарении католическому или униатскому духовенству земельных угодий вместе с крепостными они предписывали последним в обязательном порядке посещать костел или униатскую церковь. Так, городничий Витебского воеводства С. Косов в дарственной записи 1699 г. на землю для Жеребычской церкви, находившейся в этом же воеводстве, писал: «Я имею в виду искоренить в крестьянах моих прежнюю схизматическую ересь и подчинить их римско-католической власти» ¹⁷⁸.

Пользуясь правом назначения духовных лиц в своих имениях, магнаты и шляхта не только не допускали к церкви православное духовенство, но и изгоняли его отовсюду, замещая освободившиеся должности униатскими священниками. В апреле 1686 г., например, полоцкий воевода Слушка заменил в Николаевской церкви Езерницкой волости православного попа униатским, а крестьянам под угрозой штрафа в размере 1000 коп грошей приказал посещать эту церковь и подчиняться униатскому духовенству ¹⁷⁹.

В марте 1723 г. русский комиссар И. Рудаковский доносил Петру I, что владелец имения Любавичи литовский кухмистр Залуцкий, «забыв страх божий, будучи в согласии с ксензами римскими и униатами, також и шляхтою, забрав так церковные, яко и власные вещи и пожитки

священнические по всем церквам в маестностях своих., попов бедных, нагих от тех церквей отогнал и отдал те церкви униатам, мещан и прочих жителей оковал и велел привести палача мучить тех, ижеб не похотели приступить к унии»¹⁸⁰. Рудаковский сообщал далее, что подобные преследования православных имеют место в Мстиславском воеводстве, а поэтому, когда он находился в Шклове, местные жители, будучи не в состоянии дальше терпеть угнетения, «варварского разорения и грабежу», приходили к нему и просили, что «ежели бы ваше величество изволил дать оным руку, егда бы они сами возбудили посольство и побили всех римлян и униатов»¹⁸¹.

Однако комиссар, зная о классовой солидарности русского царизма с феодалами Речи Посполитой, решительно возразил против того, чтобы поднять народные массы на борьбу против социального и национально-религиозного угнетения¹⁸².

В январе 1741 г. слуцкий архимандрит Оранский сообщал киевскому архиепископу, что в двух селах Петриковской волости Мозырского повета арендатор Ленкевич церкви «со многолюдною парафией гвалтом на унию превратил, от которых церквей священника благочестивого изгнавши, униатского попа впровадил и прихожан великим утеснением до той же унии принудил»¹⁸³.

Активное участие в искоренении православия принимала и униатская церковь. В 1720 г. по инициативе римского папы Бенедикта XIII в м. Замостье был созван собор униатской церкви, который провозгласил ее единственной законной церковью греческого обряда в Речи Посполитой. Организаторы этого церковного собора приняли ряд постановлений, направленных на дальнейшее сближение униатской церкви с католической. Как и католики, они признали чистилище и утверждение о том, что дух святой исходит и от сына, согласились с непогрешимостью пап, обязались ввести праздник Христова тела и Иосифата Кунцевича. Последнее решение было издевательством над чувствами верующих: хотя и прошло почти 100 лет с того времени (1623), когда за надругательства над православными восставшие витебляне убили Кунцевича, а его тело бросили в Западную Двину, никто, однако, не забыл, что по настоянию папы Урбана VII 19 витебских мещан были казнены, около 200 наказаны батогами, а город лишен права на самоуправление.

Замостский собор признал все церкви, насильственно захваченные униатами, униатскими. Кроме того, здесь же было решено обратить в унию церкви и монастыри, которые еще остались православными, а также подчинить унию наиболее сильное на территории Белоруссии Могилевское православное епископство¹⁸⁴. Решения униатского собора с призывом распространить «святую католическую церковь» были утверждены папой и опубликованы¹⁸⁵.

Поддерживаемое и направляемое папской курией католическое и униатское духовенство повело еще более решительное наступление на православных. В грамоте польскому королю Августу II от 30 июля 1722 г. Петр I писал, что в Польше и Литве «греческого исповедания духовным и мирским людям чрезвычайно великие и несносные гонения, обиды и принуждения в унею происходит, и уже не токмо в прошедших летах, но и в настоящем 1722 г. многие монастыри и церкви в тую унею насильно отняты, претерпевают при том оные греческого исповедания люди не токмо мирския, но и духовныя знатныя особи от католиков и униатов различные безчестия, мучения, побои и раны, чем и епископ белорусский князь Четверинский не обойден»¹⁸⁶.

Издевательства и насилия над православными были настолько велики, что русское правительство вынуждено было неоднократно обращаться к властям Речи Посполитой с протестом, разоблачать стремление католического духовенства ликвидировать православие и требовать прекратить преследование диссидентов. Так, в письме от 24 января 1744 г. из Петербурга к русскому посланнику в Варшаве графу Кейзерлингу предписывалось «о утеснении в греческой вере находящихся польских обывателей... силу прежних наших о том рескриптов наилучшим образом подтвердить» и поручалось, чтобы он «неотменно о том домогательства продолжал и о прекращении сих всякое удобное старание прилагал»¹⁸⁷. Когда в сентябре того же года от слудких мещан православного вероисповедания поступила в Синод жалоба о сожжении в городе трех церквей и фундушевого дома студентами-католиками, а местная власть, как говорилось в жалобе, «таких зажигателей укрывает и не токмо до следствия о том, но и строить вновь ни церкви, ни дому не дупущает», новому послу М. И. Бестужеву-Рюмину было указано решительно потребовать от правительства Речи Посполитой, «чтоб о таком пожаре, от

кого оной учинился, и на тех людех, от кого то учинилось, за згорелое за все взыскано и обидимым в награждение отдано и меж тем оным вместо згорелых и дом вновь строить дозволено было»¹⁸⁸.

В 1732 г. генеральная конфедерация приняла о диссидентах постановление, которое получило силу закона, будучи утвержденным затем сеймом Речи Посполитой (действовало до 1767 г.). В соответствии с этим решением православные и протестанты были лишены права избирать депутатов на сейм, в трибуналы (областные суды) и различные комиссии. Православному духовенству запрещалось ходить по улицам со святыми дарами, у ксендзов необходимо было брать разрешение на отправление различных церковных треб (похороны, свадьбы, крестины). Покойников диссиденты имели право хоронить только ночью. В нарушение договора о «вечном мире» конфедерация постановила, чтобы православные «никаких протекций через себя и министров у посторонних государств не искали»¹⁸⁹.

Постановление 1732 г. активно проводилось в жизнь, о чем свидетельствует следующий факт.

15 октября скончалась прихожанка единственной в то время минской православной Петропавловской церкви. Монахи решили похоронить ее с процессией. Но как только на улице показался возглавлявший процессию братчик со свечою, на него напали слуги минского плебана, вырвали из рук свечу, а затем с подоспевшей «на сей позор» толпою плебанских юристичан бросились на братчиков и сопровождавшего тело покойной игумена, отняли у них свечи, обрезали веревки от колоколов, а затем забросали процессию камнями («били наших людей, ругали, обзывали нас схизматиками и всякими непотребными словами»). Игумен Петропавловского монастыря Сильвестр обратился с жалобой на плебана к управляющему минским прообществом виленскому канонику Слизию и получил следующий ответ: «Отнюдь не будете совершать крестных ходов в Минске, ибо я приказал воспретить вам крестные ходы и похоронные процессии, дабы вы никогда не совершали их в Минске. Покажите мне ваши привилеи на право совершения их»¹⁹⁰.

В результате наступления на православие в Белорусской епархии к 1756 г. осталось только 130 православных церквей, а 164 церкви и 5 монастырей были превращены в униатские. По подсчетам Глембовского, русского посла в Вар-

шаве, только с 1734 г. шляхтичи и униаты в Белорусской и Туровской епархиях отняли у православных 128 церквей и монастырей¹⁹¹.

Захват православных церквей и монастырей происходил, как правило, путем открытого насилия, нередко и с помощью вооруженной силы. «Неисповедимыми тяжестями и платежами» заставлял в начале 30-х годов XVIII в. православных мещан Борисова принимать унию местный староста князь Огинский. Кроме того, он запретил прихожанам ремонтировать православные церкви и монастыри¹⁹². Его сын Игнатий, став после смерти отца борисовским старостой, заявил игумену Тудоровичу, купившему на присланные из Москвы деньги лес для ремонта монастыря: «Ежели ты, попе, сие учинить дерзнеш, то я с онога лесу виселицу тебе самому сделать прикажу»¹⁹³.

В 1745 г. кричевский протопоп М. Волга жаловался на ксендза Иллича, который, «выбравши из метрических книг великого княжества Литовского старые привилегии русских церквей, приписал в них придачи, якобы они имели быть от основания своего униатскими». С помощью этих фальшивок ксендз получил у короля разрешение превратить кричевские православные церкви в униатские. В полночь с группой своих сообщников Иллич напал на церкви, выломал двери, православных священников с «разным боем» прогнал прочь. Прося защиты православным от насилий ксендза, секретарь русского посольства в Варшаве Ржичевский писал подканцлеру литовскому князю Чарторийскому: «Привилегия дана ему (Илличу.— А. И.) так властно, как бешеному человеку меч в руки, которым он над греко-неуниатами воюет, и ругаясь их верою священников публично на улице бьет и увечит, и в такой страх и ужас приводит народ, целые приходы к принятию унии принуждает»¹⁹⁴.

В м. Лоеве в 1756 г. униаты во главе с попом Стефаном изгнали православного священника, а затем обратились с просьбой о помощи к губернатору, который «казал собрати попов униатских и оному попу Стефану позволить служить, не вдаючись до вищого церковного начальства». Лоевских мещан, которых губернатор держал в кандалах три недели, с помощью угроз и насилий также заставили перейти в униатство, и они «не могли чего изделати, только пристали до унии до далшого часу, надеючись войска великороссийского»¹⁹⁵.

Во второй половине XVIII в. насильственные действия по насаждению католицизма усилились. «Хотя и прежде наступовали на нас,— сообщал в 1751 г. белорусский епископ И. Волчанский в Синод,— но не так сильно, как ныне. Прежде раз по одной церкви господа свицкие (светские.— А. И.) отбирали, а ныне и духовные, римские и униатские, сильно наступают разными гвалтами и хитростями». Епископ писал, что со времени его прибытия в Могилев (1745) у православных отобрано 45 церквей. «Ежели на близко наступаючем сейме,— продолжал далее Волчанский,— не воспоследует сильное защищение, то уже зде непременно весь православный народ, для непрестанного дальнейшего утеснения и разорения, до унии преклонится, и я по заповеди христовой отсюда принужден бежать, аще бог жизни дарует»¹⁹⁶.

Активным было наступление католической церкви в восточной части Белоруссии. В конце 50-х годов XVIII в. сюда была направлена группа доминиканских миссионеров во главе с монахом Овлочинским¹⁹⁷. В Полоцке, Орше, Мстиславле и других городах миссионеры устраивали публичные зрелища, во время которых издевались над православными, высмеивали их обряды, а затем уговорами, а чаще насилеием превращали православных в униатов и католиков.

Прибыв в Шклов, Овлочинский «с помощью шляхты и уряду, римской или униатской религии,— доносил в Петербург в январе 1761 г. белорусский епископ Г. Конисский,— сгоняет людей с сел как униатов, так и благочестивых, а согнавши, купно с мещанами благочестивыми ж, по всяк день, яко овец, до костелов гонит, а тамо заключаая... угрожениями в заблуждение свое преклоняет»¹⁹⁸. Кроме того, миссионеры обязывали феодалов «под клятвою папской, дабы благочестивым нашим людям не допусшали больше жить при благочестии ни в селах, ни в городе, но или в унию насильно принудили, или нехотящих изгоняли прочь»¹⁹⁹.

Русское правительство поручило своему посланнику Войкову потребовать от короля Речи Посполитой прекращения насилий над православными и наказания Овлочинского²⁰⁰. Однако и на этот раз польское правительство ничего не сделало. Поэтому иностранная коллегия поручила военной, «чтобы Овлочинского, когда случится быть в близости самой границы, нарочно посланною небольшою

командою без разглашения захвата, отправить немедленно прямо сюда в тайную канцелярию»²⁰¹.

Магнаты и шляхта Речи Посполитой, поставившие еще во время Брестской церковной унии в качестве первоочередной задачи духовное порабощение народных масс Белоруссии, их окатоличивание и ополячивание, усиливали нападки на православных. В 1764 г., например, на Варшавском сейме было решено казнить тех, кто перейдет из католичества в другую веру²⁰², а в соответствии с законом, принятым сеймом в 1766 г., католик, выступивший в защиту православного, объявлялся врагом отечества²⁰³.

Постановления сеймов являлись частью общей политики феодалов Речи Посполитой, направленной на уничтожение белорусской народности и разрыв русско-белорусских связей. Однако народные массы Белоруссии, несмотря на всяческие преследования, сохранили родной язык и культуру. Духовные и светские феодалы не могли запретить разговорной речи, ликвидировать устное народное творчество. В «Топографическом описании» Минской губернии 1800 г. о жителях Минска сказано, что «нравы, одежда, обряды, обычаи и поведение вообще сего города ничем не разнятся от жителей Белорусской губернии», т. е. территории восточной Белоруссии. А «наречие или язык» только «благородного общества» — польский. Язык же «простого народа — славянский, соединенный с польским и российским»²⁰⁴, т. е. белорусский. Этот факт дает основание утверждать, что подавляющее большинство городского населения Белоруссии не только православных, но и униатов и даже католиков до конца XVIII в. сохранило принадлежность к белорусской народности. Что же касается сельского населения, то оно повсеместно разговаривало на белорусском языке.

Провалились и попытки феодалов Речи Посполитой разорвать русско-белорусские связи. Тяготение белорусского народа к великому русскому народу все более усиливалось. Это находило яркое проявление не только в массовом бегстве белорусских крестьян и горожан в пределы Русского государства, но и в открытой вооруженной борьбе трудящихся Белоруссии за воссоединение с Россией.

БОРЬБА
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО
И НАЦИОНАЛЬНО-
РЕЛИГИОЗНОГО ГНЕТА

МАССОВЫЙ УХОД НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ В РОССИЮ

Усиление феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета обостряло классовые противоречия, поднимало народные массы на борьбу за свое освобождение, за воссоединение Белоруссии с Россией.

Формы борьбы белорусских крестьян были различны: подачи жалоб и прошений органам местной и центральной власти, отказ выполнять барщинные повинности, массовые побеги, физическая расправа с угнетателями и, наконец, вооруженные восстания.

Одной из наиболее распространенных форм классовой борьбы белорусского крестьянства второй половины XVII—XVIII в. было бегство от феодала. Крестьянина гнали непосильные повинности и поборы, бесчеловечное обращение и варварские наказания, голод и холод. В июле 1670 г. в Малороссийском приказе в Москве была составлена роспись 73 крестьянских и мещанских семей Витебского, Оршанского, Дубровенского, Могилевского, Мстиславского, Шкловского поветов, м. Головчина, которые поселились в с. Богдавленском Епифанского уезда.

За 1670—1674 гг. только в подмосковное владение боярина Хитрово (Кромской уезд) из восточных районов Белоруссии вышла 121 семья, насчитывавшая 506 душ.

Злоупотребления владельцев и арендаторов имений, а также многочисленные подати были основной причиной бегства крестьян за русско-польскую границу. Так, крестьяне имения Ивье заявили в 1715 г., что из-за притеснений арендатора и крайнего разорения они «вынуждены покинуть свои старые отцовские уголки и идти прочь, ища спасения, в чужие края»¹. Князь Чарторийский сообщал в 1776 г. королю Августу III, что от крестьян Брестской экономии он получил много жалоб, а «на то люди больше жалуются, что у них хорошие земли отняты, а взамен песчаные или необработанные даны, а подати взимают свое-

вольно... И если крестьяне разбегутся, то только по этим причинам»².

В бегстве крестьян феодалы видели выражение протеста против гнета. Как писал владелец имения Шелеговка (Витебское воеводство), бежавших от него крестьян поддерживали другие крестьяне «по своей врожденной мужицкой ненависти к шляхетскому сословию, стремясь истребить его совсем»³. В одной из инструкций сейма 1748 г. указывалось, что причиной бегства была «ненависть хлопов к панам»⁴.

Крепостные крестьяне бежали от своих владельцев туда, где феодальный гнет был слабее. Они часто меняли место жительства, хозяев. Иногда белорусские крестьяне уходили в Польшу, Литву и особенно в находившуюся с начала XVIII в. в зависимости от России Курляндию⁵. Однако основная их масса направлялась в пределы Русского государства и в Левобережную Украину. Переселение белорусских крестьян в Россию было одной из форм борьбы народных масс против усиливавшегося крепостнического и национально-религиозного гнета, выражением их стремления к воссоединению с братским русским народом.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что особенно широкие размеры бегство крестьян приняло в северо-восточной, восточной и южной частях Белоруссии, т. е. на границе с Российской империей.

Владелец д. Устье и Капустино (Полоцкое воеводство), например, сообщал в 1668 г., что «подданные его жалующегося вечистые, принадлежащие по вечному праву: Василий Лабейша... (всего перечислено 17 крепостных.— А. И.), которые эти названные подданные, одни в связи с Московской войной, а другие по своему своеволию с женами, детьми и с немалым имуществом, с лошадьми, коровами, с одеждой мужской и женской, также с разным зерном... разошлись и неизвестно, где живут»⁶. С женами, детьми и всем своим имуществом ушли в 1704 г. крепостные д. Лодосны Полоцкого воеводства⁷. С семьями и имуществом бежали в 1761 г. крестьяне из владений лепельского плебана ксендза Унгера⁸. Когда из имения шляхтича Шульберского (Витебское воеводство) бежал крепостной, а попытки поймать его не дали результатов, хозяин не без оснований полагал, что его подданный ушел в сторону русской границы, а поэтому просил невельского ксендза Довгину помочь разыскать беглеца⁹.

В большом количестве уходили в Россию крестьяне Могилевской экономии. 14 июня 1729 г. в акты книги магистрата был внесен инвентарь имения Вышлак, принадлежавшего шляхтичам Житковым. В инвентаре перечислено только 7 хозяев, «а другие подданные вечистые разошлись как по причине прошлых разорений, так и в связи с другими причинами»¹⁰. 5 июля 1729 г. крестьяне Бродиловского войтовства Могилевской экономии продали Лукинскую сеножать, так как, по их словам, в связи с разорением и упадком хозяйства, а главным образом по причине бегства односельчан они не могут за пользование ею платить повинности в королевскую казну¹¹.

В Мстиславском воеводстве, по данным инвентаря владений Ходкевичей 1771 г., из д. Савиничи, где ранее имелось 18 дворов, бежало 7 хозяев, из д. Серковка, насчитывавшей 21 двор, — 15 человек. Все жители таких деревень, как Кашановка, где имелось 5 дворов, и Городечна, насчитывавшая 11 хозяев, оставив землю, ушли. В инвентаре подчеркивалось, что подданные вышеперечисленных деревень настолько давно разошлись, что большинство полей и сенокосов уже заросли лесом¹².

Спасение от тяжелого социального и национально-религиозного гнета белорусские крестьяне и горожане искали не только в России, но и на Левобережной Украине, где они пополняли ряды запорожского казачества, осваивали новые земли, занимались ремеслом и торговлей. В. Пичета, например, считал, что именно белорусские крестьяне положили начало Запорожью «как убежищу для противофеодальных элементов Речи Посполитой»¹³. Украинский историк П. Шевченко, уделивший большое внимание изучению социального и национального состава казачества, справедливо указывает, что из белорусских земель в XVI—XVII вв. «тысячами убежали крестьяне и мещане, надеясь найти тут свободу от феодального гнета»¹⁴.

Бегство белорусского населения наблюдалось и в XVIII в. Так, в 1708 г. по разрешению полковника Скоропадского на берегу р. Ирпень на Стародубщине была заселена слобода Климова. Название она получила по имени своего основателя, «з заграницы зашлого Клима Ермолаевича», мещанина м. Головчин, которому ставилось условие: при заселении слободы «осаживати людей... не тутешних, але также з заграницы зашлих», с представлением им «воли» на семь лет¹⁵. Выходцами из Белоруссии была

заселена и слобода Шуровичи. Стародубский сотник И. Чернолизкий, на землях которого они поселились, писал 11 апреля 1709 г. «войтови Хваевскому з мужиками», что «поселились были слобожане... нижей Хваевич на бору при млинку нашом...». Однако теперь пан Потап Гуляницкий, осадчий их, сообщил, что «оные слобожане на него ропщут и не хотят на бору водле млинка жити, але хотят расходитись в прежние свои жилища за границу», и просил «им позволити осисти на Чуровичах, а именно на лугу, прозываемом Довгим, а же би не распускати их изнову за границу». Учитывая, что хваевские крестьяне не могли обработать всех свободных земель, сотник разрешил выходцам «на вышепомянутом логу сести и дуброву роздевать и похать»¹⁶.

В начале второго десятилетия XVIII в. на территории Стародубского полка на землях Киево-Печерской лавры было «осажено» белорусами еще три слободы. Архимандрит лавры А. Милославский так писал по поводу основания одной из них: «Приезжал к нам, в обитель святопечерскую, Иоаким Иванович осадчий с товарищем своим, людьми человек килко, бывшими жителями местечка Халча, державы великого князства Литовского, просячи нас, обысмо позволили им, изшедшим из Халча, ради великих своих кривд и бед незносных, осести слободою на грунте нашом власном обители святопечерском, гулящом, прозываемом Святское, в полку Стародубском, за мили три от маетности нашой Бобович будочом. И просили нас, обысмо позволили им, яко вновь оседающим людем, ради разводу господарства и строения домов своих, слободы на шесть лет»¹⁷. Вполне естественно, что такое разрешение было дано; поселенцы получили льготы на шесть лет, с условием «по докончанию тех шести лет, поклону нам дать до обители святопечерской: денег злотих сто доброй монеты, пуд меду и лисицу»¹⁸.

Только на землях Стародубского полка в 30-х годах XVIII в. проживали выходцы из таких белорусских городов, местечек и сел, как Кричев, Мстиславль, Могилев, Горки, Орша, Полоцк, Дашковка, Толочин, Конятино Пинского повета, Кневичи, Буда, Бахань, Нечелюбка «маетности чернецкой», Ушаки «з-под Кричева», и многих других¹⁹. Во время опросов, проводимых в 1722 г., отдельные переселенцы называли свою родословную, нередко указывали и на причины бегства. И. Новичонок, например, показал,

что «отец мой родився в Петухове под Чаусами, в Литве, а matka под Почепом, в Дягове, и я родився в Дягове, зайшли в Киван од первой саранчи»; Прилюпа заявил, что «дед, отец и мать моя и сам я из Лагищина местечка з Литвы, зайшли в Ярцово о первом голоде. Жена моя литовской породы. Живу в Киваях от шведской руины»; Я. Швец констатировал, что он «родом з заграници з места Корца, маетности кролевской, matka его з места Могилева, жена его родом по отцу з места Кричева, маетности ксенжа Радзивилла»²⁰, и т. д.

В 1768 г. Малороссийская коллегия рассматривала просьбу мозырского земского судьи Пржибора о розыске и возврате бежавших на русскую территорию из его имения крестьян, «в полку Черниговском жительствоющих подданных его»²¹. Из Поречской волости Слуцкого княжества около 1769 г. ушли 9 крестьян-домохозяев, в том числе Л. Астапов с двумя сыновьями, И. Андреев с сыном, А. Фролов с двумя дочерьми и сыном²². Сохранились документы о том, что все крестьяне д. Тминь Пинского повета бежали в Луцкий повет и остановились на жительство в с. Березница²³, из Речицкого повета три семьи ушли в Киев²⁴ и т. д.

Очень часто перед уходом крестьяне громили имения, фольварки, жгли строения. Владелец фольварка Городчево (Полоцкое воеводство) жаловался в 1667 г. на крестьян, что они взбунтовались против «него, ограбив и разорив имение это дотла, разошлись во все стороны»²⁵. Шляхтич Присецкий писал в жалобе в 1671 г., что в том же Полоцком воеводстве 28 крепостных из д. Стрежев, Слободки, Кузница и Пятиверст сожгли двор в имении Стрежеве и ушли в разные стороны, а 45 крестьян из д. Щучина, Баркунова, Допонова и Свитины фольварка Пласкунова, «двор, гумна, обору... сжегши... в разные места разошлись»²⁶.

Центральные и местные органы власти жестоко расправлялись с лицами, покушавшимися на собственность феодалов. В 1658 г. сейм принял постановление, по которому снималась всякая ответственность за убийство людей, нападавших на владения и усадьбы феодалов²⁷. В 1662 г. было принято другое сеймовое постановление о присуждении к смертной казни лиц, участвовавших в нападении на костелы, церкви и шляхетские дома даже в прошлом — во время пребывания русских войск на территории Речи Посполитой²⁸.

Однако подобные постановления не могли погасить народного гнева. В октябре 1679 г. князь Винцет Друцкий-Соколинский писал в Посольский приказ в Москву: «В нынешнем, государь, во 188 году, мой дворник дворца моего з дворовыми людьми и с крестьянами моими крепостными, Артюшка Бураченок, споливши гумно мое с убожьем и животы мои побравши в том дворце, в котором он, Артюшка, жил и все на руках ево было, за рубеж ушел в Смоленщину, в Бельский уезд»²⁹.

Летом 1685 г. пинского земского судьи М. Кердея крепостной крестьянин Я. Омелькович с сыном Кондратом, сговорившись с подданным пинского скарбника П. Гричины крестьянином Латышем и крестьянином А. Жуковичем — крепостным пинского подсудка А. Кердея, подожгли имение Поречье Пинского повета, принадлежавшее М. Кердею. Во время пожара сгорел двор, амбар, в котором хранилось большое количество различного имущества и драгоценностей, на сумму до 10 тыс. польских золотых. Копный суд, созданный по требованию владельца имения, приговорил всех крестьян к четвертованию³⁰.

В марте 1715 г. разоренные поборами феодала и войск Речи Посполитой крепостные одной из деревень имения Спадеж шляхтича Т. Крупенича, расположенной в Полоцком воеводстве, «обобрав и оставив пустырем владение иста, перешли московскую границу»³¹.

Побеги крепостных крестьян губительно сказывались на состоянии хозяйства феодалов. Поэтому органы государственной власти Речи Посполитой и шляхетские сеймики, исполняя волю господствующего класса, вели решительную борьбу против этого. В. Антонович подсчитал, что за время от Люблинской унии 1569 г. до конца XVII в. сеймы Речи Посполитой приняли 42 постановления против крестьян-беглецов, из которых 20 специально касались областей Великого княжества Литовского с украинским и белорусским населением³².

Показателем увеличения крестьянских побегов в Белоруссии во втором десятилетии XVIII в. было принятие Литовским трибуналом в 1718 г. специального декрета против бегства крестьян. «Своевольное хлопство делает себя свободным, — говорилось в этом декрете, — не выполняет своим панам положенных податей и повинностей, а, опустошив свои дома, переходят с места на место по разным городам». Декрет обязывал всех землевладельцев не принимать

таких беглых крестьян и задерживать их там, где они будут обнаружены³³. Однако декрет не мог остановить бегства крепостных. Поэтому вскоре белорусские феодалы вновь обращаются к сейму с требованием принять решительные меры по задержанию беглых. Гродненский повестовый сеймик в инструкции депутатам, отправляемым на избирательный сейм в Варшаву в 1735 г., требовал издания особого постановления, направленного на задержание всех беглых крестьян и жестокого их наказания³⁴. Сеймик Брестского воеводства 1740 г. в инструкции депутатам на Варшавский коронационный сейм под угрозой наказания требовал запретить волыньским и подольским феодалам сманивать и укрывать беглых крепостных Брестского воеводства³⁵. В инструкции послам Витебского воеводства на сейм в 1764 г. подчеркивалось, что «шляхта и обыватели Великого княжества Литовского терпят большие убытки в розыске бежавших подданных из наследственных имений в разные поветы и староства, а преимущественно в Инфляндию и Курляндию», а поэтому послы обязывались добиваться принятия решительных мер против беглых³⁶. В 80-х годах XVIII в., издавая очередное постановление о прекращении «своеволия» в Мозырском повете, правительство Речи Посполитой одновременно подтвердило все аналогичные постановления 1600, 1611, 1658, 1673, 1683 гг. и другие, запрещавшие бегство крестьян³⁷. И все-таки подобные меры в условиях роста социального и национально-религиозного гнета, постоянных крестьянских восстаний не давали желаемых результатов.

Спасаясь от социального и национального гнета, в пределы Русского государства бежали не только крестьяне, но и горожане Белоруссии. В 1683 г., например, на постоянное жительство в Москву приехали В. Зенков из Мстиславля, И. Константинов из Дубровны, И. Семенов из Быхова и С. Иванов из Минска³⁸. В 1695 г. из Могилева на Украину сбежал мещанин Р. Козел³⁹ и т. д.

Неоднократно отмечаются факты бегства населения Могилева в документах первой четверти XVIII в., причем, как правило, указываются и причины этого явления. Так, 6 августа 1716 г. на сессии могилевского магистрата радцы и посполитые признали, что от поборов «значительная часть людей разошлась из города»⁴⁰. 14 августа 1717 г. могилевский магистрат вновь записал в своем постановлении, что «немало людей из города повыходило»⁴¹. В мар-

те 1719 г. ушли из Могилева в Нежин А. Москоленок и его брат⁴². В 1723 г. в Могилеве стояло 66 пустых городских домов, жители которых ушли из города⁴³.

В большом количестве уходило из города население Витебска. «Город Витебск,— подчеркивалось в решении скарбового трибунала 1712 г.,— вследствие разных тяжких невзгод, более же всего как пограничный, от грабежей, вымогательств и притеснений со стороны переходящих войск, а также чрез истребление домов и всякого имущества пожарами, наконец, за разбродом из него купцов и мещан в разные другие места разорен до крайности, так что не только не в состоянии далее платить подати Р. П., но, вместо поправки своей, приходит еще в большее разстройство»⁴⁴. В другом документе за 1712 г. говорится, что когда было создано регулярное войско, для которого «на квартирование и иждивение положен был платеж, называемый рации-порции», то шляхта, «облегчая себя», возложила его «на города и городские имения», «чего витебские мещане вносить не в силах будучи: одне вечностью фольварки свои продали шляхтам, другие зузговорно (т. е. условно.— А. И.) предали себе покровительству господ, а большая часть сограждан витебских разошлась из города»⁴⁵. В том же году князь Огицкий объявил, что витебский купец Галуза, испытывая «великие притеснения, тем паче в разошедшемся ныне городе», и будучи не в состоянии выполнять повинности, прибег к его покровительству и, уплатив Огинскому 100 талеров, передал ему свои фольварки⁴⁶.

В инструкции, данной в 1736 г. депутатам на сейм сеймиком Полоцкого воеводства, указывалось, что «дисненский город его королевской милости со староством издавна разоженный.., только само имя в нем осталось, люди все разошлись»⁴⁷. Современник же в своих воспоминаниях, относящихся ко второй четверти XVIII в., подтвердив факт сокращения населения Дисны, уточнил, что многие ее жители в это время проживали в Курляндии, а также в Риге и некоторых других городах Российской империи⁴⁸.

В Россию и на Украину бежали не только жители восточных городов Белоруссии, но также центральных и даже западных. Так, в 1691 г. к русскому послу в Польше стольнику Б. Михайлову явились минские православные мещане Д. Шишка с товарищами и жаловались, что на них от панов, гетмана Сапеги и других должностных лиц «большое гонение» и что заставляют их принять унию всякими

способами. В жалобе подчеркивалось, что в мае 1691 г. униатский плебан С. Юревич, собрав толпу католиков и униатов, напал на минский Петропавловский монастырь с целью передать его униатам. Архимандрит монастыря П. Машкович с братией и прибывшими им на помощь вооруженными православными в течение трех суток упорно обороняли его. На предложение сдаться православные заявили, что умрут в монастыре, а кто останется в живых, уйдет в Москву с женами и детьми и будет мстить католикам и униатам, как сможет. Осаждающие вынуждены были отступить⁴⁹.

Сессия служкого магистрата отметила в феврале 1657 г., что «получила известия от сотников и городских слуг, что несколько мещан на Украину, дома бросив, пошли. Другие в ту же дорогу тайком собираются. А все это из-за больших тягот от солдат, которые у людей бедных стоят и от них вымогают то, чего дать им уже не могут, и при том все шинки и торговлю на себя забирают»⁵⁰. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг., несмотря на то что Слуцк не был занят русскими войсками, большое количество служких мещан переселилось в пределы Русского государства⁵¹. Уходили в Россию и на Украину жители Слуцка и после подписания Андрусовского перемирия (1667).

По данным «Описания новопостроенного города Суджи 1665 года», который располагался между Путивлем, Курском и Рыльском, в числе его жителей были выходцы из Гомеля, Шклова, Старого Быхова, Могилева, Полоцка, Мозыря, Пинска, Новогрудка и даже Бреста — всего 14 человек⁵². В новопостроенных слободах Терновской волости Путивльского уезда в 1678 г. проживало 9 семей выходцев из белорусских городов — Могилева, Полоцка, Толочина, Заславля, Минска и Пинска.

Документы свидетельствуют, что основными причинами, которые способствовали переходу белорусского населения на территорию Русского государства были голод, налоги, национально-религиозное угнетение. Так, 14 марта 1669 г. смоленский воевода И. Репин писал в Посольский приказ, что «в нынешнем во 177-м году марта 8 день приехали в Смоленск могилевские и шкловские мещане Максимка Иванов с товарищи 3 семьи да 2 человека холостых, а в допросе сказали — Жили де они на Москве в разных сотнях в тягле, и в прошлом во 176-м году по твоему,

великого государя, указу отпущены они с Москвы за рубеж в литовскую сторону. И будучи де они в литовской стороне, сродичей своих никого не сыскали, и живучи оскудали, и били челом тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал, велел их из Смоленска отпустить к Москве и жить им на Москве в тягле по-прежнему вечно»⁵³. О том, что, «живучи в литовской стороне», «оскудали», заявили 3 августа 1669 г. вышедшие в Москву «города Дубровны Довыдка Кондратьев з женою Феклицею да с сыном Алешкою да с двумя дочерьми, Дарьницею да с Степанидицею; города Орши Ивашка Гарасимов с женою Аленицею да с сыном Петрушкою да с дочерью Феклицею; города Копыси мещанки вдовы Овдотьицы с сыном Ивашком да с дочерьми с Татьяницею да с Устинницею, Марьница с детьми с сыном Ивашком да с дочерью Иринницею»⁵⁴.

Еще более отчетливо на причины переселения в пределы Русского государства указали вышедшие в марте 1673 г. мещанин м. Горки и могилевский мещанин Андрюшка. «Тому год,— говорили они в Малороссийском приказе,— из польских городов пришли в великороссийские города от хлебного недороду и от разоренья и от налоги панов. И пришед в Дорогобужский уезд кормились своей работой» (делали кареты.— *А. И.*), и просили оставить их «на вечное житье» у боярина Б. Хитрово⁵⁵. В январе 1687 г. витебский портной Ф. Домецкий писал в челобитной на имя царя: «Приобрел я, иноземец, за скудостию своею к Москве», а во время распроса в Посольском приказе заявил, что его отец погиб под Ляховичами, а «он, Федор, от отца остался в малых летех и кормился промеж ремесленников портным мастерством в Витепску, для того, что ему, Федору, то дело за обычай. И слыша де он, Федор, к своей братьи иноземцом от великих государей великую милость, пришел он к Москве кормитца тем же своим мастерством, или где пристанет на Москве к московскому жителю, кто б его за мастерство всяким довольством осуждал и за службу его берег»⁵⁶.

Стремление господствующего класса Речи Посполитой, католического и униатского духовенства окатоличить и ополчать народные массы Белоруссии также являлось одной из причин их массового переселения в Россию. Сын шляхтича Витебского воеводства В. Арчиковский так объяснял в апреле 1687 г. в Посольском приказе причину своего бегства в Москву: «Учился в Витепску ж в школе боже-

ственного писания, слушал грамматики и реторики. И школьный де учитель с прочим при нем студенты хотел было ево, Володимира, за острую науку от православия христианские веры привлечь к римскому костелу. И не похотя де он, Володимир, римлянином заставить из школы во 192 году вышел и жил при отце своем в маестности Зарудье... И просил он отца и мать свою, чтоб ево отпустили к Москве... для признания к московским обычаям и поступкам... И живучи он на Москве, слыша про премногую великих государей милость и жалование к иноземцам, пожелал и он, Володимир, то к себе улучшить... и бил челом..., чтоб ему служить им великим государем в вечном холопстве»⁵⁷.

Выходец из Белоруссии З. Григорьев рассказывал в стародубской полковой канцелярии в 1762 г., что родился он в д. Пустошки (Полоцкий повет), принадлежавшей князю Радзивиллу, а вырос в селе Кодолове того же повета, где его дед, а затем отец были попами местной православной церкви. С захватом церкви униатами отец Захара вместе с семьей бежал на Гомельщину, поселился в Спасовой слободе и «поповал по раскольниковому»⁵⁸.

В 50-х годах XVIII в. З. Григорьев перешел в раскольникую слободу Радуль Черниговского полка, где «обучал детей тамошних обывателей русскому письму по раскольниковым книгам»⁵⁹.

Белорусские крестьяне и горожане уходили на территорию Русского государства и от различных стихийных бедствий, разорений во время войн, неурожаев, эпидемий и т. д.

Могилевский игумен Орест отметил, что в июне 1695 г. «великий снег выпал, который через несколько дней лежал в Могилеве и в окрестностях онаго; а в западной стране за рекою Березиною и Неманом и далее в три раза больший в то время был снег и чрез лето в тех странах был великий холод, мороз и посевы повредил, отчего вдруг дороговизна стала на хлеб в Белоруссии, и многие жители из тех западных стран приезжали в Белоруссию для покупки хлеба; а во время зимы тамошние жители, по причине голода, в Белоруссию и в Российские страны с женами и детьми несколько тысяч позаходили, отчего еще большая дороговизна стала»⁶⁰. Во время Северной войны, писал тот же автор, «могилевские мещане, доведенные несчастьями до крайней бедности, вышли из города Могилева в другие

города и местечки и в пределы украинские»⁶¹. В инструкции могилевским послам, отправлявшимся на сейм в 1739 г., также подчеркивалось, что во время Северной войны «шведы до основания разорили город, в результате чего население этого города... по разным городам и местечкам разошлось и город Могилев состоит из одних пустошей»⁶².

В период Северной войны переселялись в Россию и на Украину жители Слуцка: в 1709—1710 гг. много слуцких мещан бежало за Днепр, в Киев, на Украину⁶³.

На заседании гродненского гродского суда комиссар Гомельского староства князь М. Чарторийский заявил, что в сентябре 1737 г. в Гомеле вспыхнул пожар, который уничтожил костел, три православные церкви, два шинка, несколько амбаров и более ста мещанских дворов. Вследствие этого, по его словам, многие мещане «за границу Литовскую в Московское государство ушли» и податей платить некому⁶⁴.

Одним из ярких свидетельств протеста против гнета панской Польши является массовое возвращение из Речи Посполитой в Российскую империю ее бывших подданных, которых так же, как и белорусских крестьян и горожан, гнала беспросветная нужда и феодальное угнетение. Так, 14 декабря 1749 г. российская коллегия иностранных дел сообщила военной коллегии: «Явился здесь челобитчик от живущих в Польше российских беглых людей, которых числом больше 20 тысяч душ, предъявляет, что они желают в Россию возвратиться, також б особое место им для поселения отведено было»⁶⁵. Несмотря на угрозы и насилие со стороны феодалов, не желавших терять рабочие руки, «со вседушною охотою в Российскую империю выезжать и выходить обещались» в апреле 1750 г. русские беглые, которые проживали в Ветке и других раскольничьих слободах Гомельского староства⁶⁶. С присоединением восточной части Белоруссии к Российской империи в результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. особенно усилился поток переселенцев из центральной и западной частей Белоруссии в Россию. Так, только в полоцкой провинциальной канцелярии с мая по октябрь 1773 г. было зарегистрировано 45 выходцев из-за новой границы, в том числе 29 одиноких крестьян и 16 — с женами и детьми⁶⁷; в феврале — июле 1777 г. в Полоцк вышло 16 семейных и одиноких крестьян⁶⁸. В марте этого же года польский шляхтич И. Лукомский обратился к полоцкому губер-

натору Нарышкину с просьбой выдать «бежавших от него с польской стороны и живущих в Белоруссии в слободе доминиканской» крестьян⁶⁹. За 1790—1792 гг. из центральной и западной частей Белоруссии в восточную бежало около тысячи крестьян⁷⁰.

В большом количестве в 70—80-х годах XVIII в. переселялись в русские, латвийские, а также белорусские города и местечки, вошедшие в состав России, жители Лепеля, Глубокого, Дисны, Друи и других белорусских городов, оставшихся в составе Речи Посполитой. В публицистическом произведении «Голос литовских городов и местечек», изданном в 1789 или в 1790 г., отмечалось, что мещане из городов и местечек, близких к русской границе, переселялись «под российскую власть, заселяя Ригу, Динабург, Могилев, Мстиславль, Смоленск и другие «заграничные города»⁷¹.

В результате массовых эпидемий, войн и народных восстаний сократилась численность сельского населения. Поэтому русские крепостники не упускали возможности использовать белорусских крестьян для работы в своих имениях. Так, во второй половине XVII в. в 29 деревнях, расположенных в Звенигородском уезде под Москвой и принадлежавших боярину Морозову, проживало 1150 выходцев из Белоруссии. В одном лишь Замосковном крае в это время находилось около 10 тыс. белорусских крестьян. В Берейском уезде за Москвою на 600 дворовых приходилось 100 человек из Белоруссии. По данным переписи 1685—1688 гг., можно утверждать, что выходцы из Оршанского, Витебского и Мстиславского поветов жили во всех 19 уездах Замосковского края⁷².

Русское правительство неоднократно обращалось с манифестами и воззваниями к жителям Белоруссии, в которых призывало их переселяться в пределы империи. Так, в июне 1702 г. по указу Петра I «с обнадеживательной и призывательной грамотой за рубеж в литовские города в Полоцк, в Витебск, в Быхов, в Шклов, в Борисов, в Могилев и в иные близ рубежа литовские города и места» был послан подьячий Малороссийского приказа И. Никифоров. Он должен был рассказать жителям, а также «бурмистрам, райцам, лавникам и иным мещанам», что «великий государь, слыша о нападении в княжество Литовское шведов, непомалу споболезнует и не токмо войсками, но и казною им помогает и впредь от таких нападений бедствен-

ных избавлять их не отрицается и чтоб им оттого неприятеля конечного разорения не пришло». Кроме того, И. Никифоров обязывался объявить населению «ежели кто из них похочет з жонами своими и з детьми и с сродниками и со всякими своими именьями переходить за границу и быти под обороною в его царского величества государствах и владениях и те безо всякого препятя не сумневаясь ни в чем имели тот переход свободно и жили б безопасно при своих старобытных вольностях и на несколько лет позволена им будет беспошлинная торговля, а когда кто восхощет, пожив неколикое время, отъехать по-прежнему в отечество свое, и тем тогда ученино будет вольно без всякого препятствия. А во свидетельство того объявить его, великого государя, посланную с ним обнадеживательную грамоту»⁷³.

Царская грамота была сочувственно воспринята населением белорусских городов. Некоторые из них заявляли о своем желании переселиться в пределы России. Так, когда 7 июля 1702 г. И. Никифоров прибыл в Борисов и остановился во дворе мещанина И. Филковича, «тот де мещанин, — сообщал русский посланник в Посольский приказ, — выслушав великого государя грамоту, благодарствовал и привел брата своего Самойла с товарищами, многих людей, и чли ту грамоту по польски и говорили, что великого государя пришествия войска они ожидают непристанно»⁷⁴. И далее жители Борисова заявили: «И слышно де им, что города литовские по самую Березу-реку имеют быть отданы великому государю, и о том де непристанно они господа бога молят, и если де того подлинно не будет, то будут мыслить о переходе»⁷⁵.

19 июля 1702 г. И. Никифоров приехал в Витебск, где встретился с бурмистром С. Захватаем, «при котором было 5 человек мещан знатных». Когда он рассказал о цели своего приезда и показал царскую обнадеживательную грамоту, «и бурмистр и мещане вычет тое грамоту говорили, что за такую, великого государя, милость они мещаня от всего маистрату Витебского покорно челом бьют и желают и молят бога, дабы он, великий государь, изволил их освободить от тяжкаго ига и работы польские»⁷⁶.

В мае 1757 г. генерал-фельдмаршал Апраксин распространил на территории Белоруссии новый манифест, в котором от имени императрицы Елизаветы Петровны объявлялось, что все лица «из солдат, мещан, крестьян, ремес-

ленников без различия звания, нации и вероисповедания, против воли оставшиеся на жительстве или службе в королевстве Польском, если только желают выйти из такого положения могут свободно переселяться в соседние российские владения, где им будут предоставлены все льготы и полная свобода вероисповедания, поселиться в любом месте и избрать для себя занятие по своей воле и умению»⁷⁷.

Центральные и местные русские власти весьма доброжелательно относились к переселенцам из Белоруссии. Так, канцлер Головкин писал гетману Скоропадскому в феврале 1710 г.: «Известно де царскому величеству учинилось, что из Литвы из сенаторских и шляхетских маестностей крестьяне для неурожаю хлебного многие бегут и селятся на Украине», — и приказывал ему «послать от себя нарочно осмотреть, в которых местах украинских те беглые из Литвы крестьяне селятся, и сколько их числом, о том учинить опись, и велеть их обнадежить, дабы они в тех местах, где поселились, жили без всякого опасения»⁷⁸.

Несколько раз «с докучностью» обращался к царю воевода Огинский и просил выдать его крепостных, которые бежали из Белоруссии на Украину. В ответ на его просьбы в 1717 г. из Посольского приказа на имя гетмана Скоропадского была послана грамота, в которой говорилось, что «жели де в Малой России и явятся где из подданных его беглые, то в удовольствие ему, воеводе., приказал бы отдать из них несколько, а обо всех вглубь не сыскивать»⁷⁹.

Руководствуясь указаниями правительства, местные власти оказывали переселенцам всевозможную помощь, предоставляли им свободу в выборе жительства и занятий. Так, вышедшие из-за р. Двины в мае 1773 г. Семен, Матвей, Гавриил и Леон Савельевы с женами и детьми были определены по их желанию в полоцкое мещанство⁸⁰. В полоцкое мещанство записались также в сентябре 1773 г. «польские выходцы» Семен Исатьев и Сергей с семейством⁸¹. Вышедшие из-за р. Двины Андрей Корнилов с женой и дочерью, его брат с женой и детьми поселились в Себеже⁸².

Нередко переселенцы определялись на жительство в дворцовые или монастырские села, записывались, по их желанию, за местными или русскими помещиками. Так, перешедший 23 мая 1773 г. новую русско-польскую границу крестьянин «польской нации» «с семейством своим з же-

ною и детьми», проживавший ранее у р. Оресы, записался в крестьянство за капитаном Клакочевым⁸³. Жить у сержанта Леонтия в Полоцке согласились бывшие в разных местах в работниках, вышедшие из-за р. Двины 16 мая 1773 г. «природные польской области» Федор Андреев, Моисей и Антон Гречухины⁸⁴, а бежавший в Полоцк 12 мая 1773 г. «из-за польской Литвы» житель д. Вашеничи, Захар Ананьин, крепостной пана Сологуба, и добывавший себе вначале пропитание «черной работой» в Полоцке, заявил о своем желании в «вечном подданстве быть в вотчине нижегородского пехотного полку у поручика Н. Созонова., Резанской провинции., в деревне Хрущова»⁸⁵.

В случае, если переселенцы не могли сразу же определить местожитительство, им предоставлялось право искать его не только на присоединенной территории, но и в России. Когда в феврале 1777 г. перешедшая русско-польскую границу крестьянка М. Семенова обратилась с просьбой дать ей пропуск «для проискания как в России, так и в Белоруссии помещика», полоцкая канцелярия записала в своем решении: «На основании законов дать паспорт»⁸⁶.

Переселявшиеся в Россию белорусские крестьяне и горожане пользовались и определенными льготами. Вышедшие «на государево имя», крестьяне и члены их семей получали от 2 до 5 рублей жалованья за «выход», а также ссуду на обзаведение хозяйством и по сукну на одежду⁸⁷. Городским ремесленникам выдавалось денежное жалование от 2 до 6 рублей, а также шубы, шапки, рукавицы и т. д.⁸⁸ «Купцом и купецким детям давано государево жалования выходного рубли по 3 и по 4, а иным по 5-ти рублей да по сукну доброму человеку»⁸⁹. Кроме того, выходцы из Белоруссии, как правило, освобождались на 5—10 лет от всех оброков и повинностей как в пользу частных владельцев, так и государства, а купцы и мелкие торговцы в течение нескольких лет пользовались правом беспопытной торговли⁹⁰.

Массовое бегство белорусских крестьян и мещан за русско-польскую границу было одной из форм борьбы народных масс против усилившегося крепостнического и национально-религиозного угнетения. В этом стихийном и неорганизованном протесте со всей очевидностью проявлялась та вполне конкретная цель, которую ставили перед собой белорусские крестьяне и низы городского населения — вос-

соединение с братским русским народом в составе России⁹¹. Переселяясь в пределы Русского государства, белорусские крестьяне рассчитывали, что «хороший царь» поможет им избавиться не только от тяжелого национально-религиозного, но и помещичьего гнета; ремесленники и торговцы, постоянно разоряемые бесчинствующими феодалами и представителями королевской власти, надеялись, что царская власть создаст благоприятные условия для развития ремесла и торговли, откроет им широкий русский рынок⁹².

Не случайно поэтому мысль о «хорошем царе» проходит и через все устное творчество белорусского народа XVI—XVII вв. В своих былинах, сказках, пословицах и поговорках белорусские крестьяне и низы городского населения с большой теплотой повествовали о деятельности таких древнерусских, московских великих князей и русских царей, как Владимир Святославович, Александр Невский, Дмитрий Донской и особенно Петр I, которые вели успешную борьбу против внешних врагов, много сделали для укрепления и расширения Русского государства. Великие же князья литовские и короли Речи Посполитой или вообще не упоминались, или подавались как отрицательные персонажи.

Идея единства русского, украинского и белорусского народов, стремление народных масс Белоруссии к воссоединению с Россией нашли свое яркое отражение и в широко бытовавшей в Белоруссии в XVII—XVIII вв.⁹³, передававшейся из поколения в поколение и дошедшей до наших дней белорусской народной песне⁹⁴:

Добра б нам было,
Счасна б нам было,
Калі б Русь уся,
Трымаючыся
Адною сілай,
Заадно была.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ В 70—90-х ГОДАХ XVII в.

Во второй половине XVII в. широкое распространение получила вооруженная борьба против социального и национального гнета. На первых порах она велась мелкими разрозненными группами крестьян и горожан, которые уxo-

дили в леса и становились активными борцами против крепостничества. Эти отряды нападали на имения церковных и светских феодалов, забирали их имущество, уничтожали долговые обязательства. Так, в феврале 1661 г. вооруженные крестьяне разорили имение Щитники, убили войта, уничтожили униатскую церковь. 8 августа 1667 г. слуцкий архимандрит Ф. Василевич в письме к князю Б. Радзивиллу сообщал о своем намерении съездить в Киев к Печерскому архимандриту, у которого ему надо было получить необходимые бумаги для разрешения спорного дела с ксендзом Искольским об имениях Дятловичи и Люлинец. В письме архимандрит просил князя дать ему надежный конвой из драгун, ибо в Полесье, через которое лежал путь в Киев, «развелся страшный разбой»⁹⁵.

Для церковных и светских феодалов, представителями которых составлено большинство дошедших до нас документов, любой выступивший против существующего строя, каждый осмелившийся поднять руку на пана, был «разбойником». Такие «разбойники» наводили страх на угнетателей и вместе с тем поддерживали у угнетенного народа надежду на освобождение. В основном это были выходцы из крестьян, претерпевшие обиды и издевательства феодалов.

Белорусские крестьяне и горожане оказывали поддержку борцам против крепостничества. Они проводили их к панским усадьбам по малоизвестным дорогам и тропам, снабжали продовольствием, предоставляли убежище. В свою очередь, те делились с крестьянами имуществом, деньгами, захваченными у богачей.

Для борьбы с «разбойниками» шляхта не жалела средств, устанавливала специальные налоги для набора солдат, жесточайшим образом преследовала бродяг, беглых крестьян и т. д. Конституции сеймов, панские инструкции, монастырские уставы, королевские универсалы строжайше запрещали всем подданным принимать у себя чужих, пришлых людей. Пойманных для назидания и устрашения других подвергали жесточайшей казни⁹⁶. Однако остановить народный протест было невозможно.

Особенно ожесточенная борьба белорусских крестьян и горожан против феодалов Речи Посполитой развернулась во второй половине XVII в. на землях восточной и юго-восточной Белоруссии, которые вновь были захвачены польско-литовскими войсками в 1661—1663 гг. Таким, на-

пример, было народное восстание в м. Рясно Могилевского повета в апреле 1664 г., во время которого украинские казаки, объединившись с местными «мещанами и многими крестьянами разных волостей и деревень», разгромили отряд польского полковника К. Семашкевича⁹⁷.

Объединенные отряды белорусских крестьян и украинских казаков действовали здесь и в последующие годы. Так, 5 июля 1666 г. представители Речи Посполитой, прибывшие на переговоры с русскими послами, заявляли, что «черкасские полки опять задоры и зацепки почали чинить и подступают под Кричев, около Слуцка, Глуска, Турова и Пинска», и обвиняли русское правительство в нарушении условий перемирия⁹⁸. 13 июля 1666 г. оршанский подкоморий полковник К. Статкевич в своем приказе писал, что из-под Гомеля в Засожье выступил сильный отряд «своевольных и непослушных казаков», которых, по его словам, ни московские указы, ни распоряжения польских комиссаров не могут удержать от военных действий, и требовал, чтобы две казачьи хоругви хорунжего Великого княжества Литовского Слушки немедленно были направлены под Старый Быхов⁹⁹. Находившийся в Стародубе с войсками воевода И. Волконский не только не остановил действий украинских казаков и примкнувших к ним белорусских повстанцев, но, напротив, поддержал их. Учитывая просьбу населения, он объявил о присоединении к России Пропойска. Боярская партия в Москве поспешила одобрить действия Волконского. Дьяк Посольского приказа А. Иванов в ответе на запрос царя оправдал действия стародубского воеводы, ссылаясь на то, что крестьяне Пропойского уезда уже присягнули царю¹⁰⁰. Лишь в результате решительного протеста А. Л. Ордин-Нащокина правительство распорядилось прекратить военные действия.

Вскоре по приказу гетмана И. Брюховецкого казачьи полки отошли на Украину, а русские войска ушли из Пропойска.

В 1667 г. в России началась Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Она охватила большую часть территории Русского государства и вовлекла в борьбу против феодального гнета значительные массы крестьянства и низы городского населения. Отголоски этой войны нашли отклики и на территории Белоруссии. Прибывший в Смоленский край с «прелестными письмами» посланец С. Разина распространял среди крестьян и посадских

людей слухи о том, что восставшие идут к Москве, и от имени якобы находившегося среди восставших царевича Алексея Михайловича, который должен занять свой законный престол и установить справедливость, призывал их на борьбу против эксплуататоров¹⁰¹. Посланец С. Разина утверждал, что царевич «приказывает всех бояр, думных людей и дворян, и всех владельцев помещиков, и вотчинников, и воевод, и приказных людей искоренить, потому что они все изменники и народные мучители, а как он воцарится, то будет всем воля и равенность»¹⁰². Эти призывы находили благоприятную почву не только среди русских, но и белорусских крестьян и горожан.

Летом 1669 г. на Смоленщине началось мощное крестьянское движение, которое вскоре перекинулось на территорию Белоруссии. Особенно активно действовали крестьяне с. Зверовичи Смоленского уезда. Будучи вооружены «ружьем, до бою приготованном», вместе с семьями и имуществом они «снялись с насиженных мест» и двинулись в «казацьи земли на Украину»¹⁰³. Несколько дней русские крестьяне шли берегом реки Горыни, по пути призывая присоединиться к ним белорусов, и в частности жителей Кадинской волости Мстиславского повета. «И уже многих семей наговорили,— жаловался владелец волости литовский крайчий Огинский,— которые с ними идти хотели»¹⁰⁴. Навстречу крестьянам был выслан отряд войск. Боя не было, так как крестьяне не могли сопротивляться регулярным войскам. Их повернули в Кадин и отдали под стражу. Трудно сказать, как бы с ними поступил Огинский. Спас их от насильственного задержания крестьянин Н. Иванов. Он сбегал из-под караула и 16 сентября пришел на посольский стан к А. Л. Ордин-Нащокину в с. Андрусово, где в это время шла подготовка к началу так называемых Андрусовских II переговоров между Россией и Польшей. А. Л. Ордин-Нащокин немедленно написал письмо Огинскому и просил вернуть беглых. Учитывая, что задержанные принадлежали к дворцовым крестьянам, и опасаясь осложнений русско-польских отношений, Огинскому ничего не оставалось, как передать крестьян по доброй воле. 18 сентября беглецы под конвоем были отправлены в Смоленск¹⁰⁵. О дальнейшей их судьбе неизвестно.

Документы, к сожалению, освещают действие только одного крестьянского отряда. Однако в своей переписке Ордин-Нащокин и Огинский характеризуют движение в

целом. Это дает возможность сделать некоторые обобщающие выводы.

Во-первых, о размахе крестьянского движения А. Л. Ордин-Нащокин писал, что «и за многими ссорами, какие ныне в Смоленске и в уездах, порушения пашенных людей из домов своих в Украину учинилось»¹⁰⁶. Огинский насчитывал тысячи таких беглецов, которые прошли через его Кадинскую волость¹⁰⁷.

Во-вторых, это движение не было замкнутым, обособленным. Ордин-Нащокин признавал, что крестьяне Смоленского уезда были тесно связаны с другими областями России. «И такими, государь,— писал он в Москву,— напрасными всполохи Смоленский уезд запустеет. А проносят, государь, такие разрушительные вести, наслышась у московских людей»¹⁰⁸.

И в-третьих, русские крестьяне ставили своей целью пройти на Украину и призывали примкнуть к ним белорусских крестьян. Именно поэтому были обеспокоены этим движением и феодалы Речи Посполитой. Цель ухода крестьян на Украину для А. Л. Ордина-Нащокина совершенно ясна: «... идут в казацкие места, где за опущения божия, смешався с бусурманы война на престаивает»¹⁰⁹.

В это время на Дон вернулся из Каспийского похода С. Разин; началось массовое крестьянское движение в Поволжье и других районах страны. На Смоленщине и в восточной Белоруссии крестьяне также проявляли неповиновение. По словам Огинского, бунты «не так з голоду, как с мужичьего своевольства вечались»¹¹⁰ и грозили опустошить Россию и Речь Посполитую.

Таким образом, факты свидетельствуют, что борьба крестьян, развернувшаяся в конце 60-х годов, носила более активный характер, чем простое бегство на казачьи земли.

Крестьянское движение, охватившее Смоленщину и восточную Белоруссию, оказывало прямое воздействие на взаимоотношения между Россией и Речью Посполитой.

С одной стороны, оно мешало урегулированию русско-польских отношений. Ордин-Нащокин опасался, что из-за «сполохов» в Смоленском уезде послы Речи Посполитой не рискнут приехать на переговоры¹¹¹, и, пытаясь сгладить противоречия, подчеркивал, что крестьянское движение происходит по обеим сторонам границы: «...на обе стороны пограничные мужики в нынешнее оскудение хлеба из домов

своих рушатца, а идут в казацкие места»¹¹². Огинский же пытался обвинить в начавшемся движении русскую сторону и советовал Ордин-Нащокину сдерживать такие «бунты»: «Я того терпеть не должен,— писал он,— чтобы принимал от таких людей, которые волюсть мою смущают»¹¹³. Вполне естественно, что такие заявления не могли благоприятствовать улучшению отношений.

С другой стороны, поскольку движение охватило области России и Речи Посполитой, оно способствовало консолидации сил феодалов. А. Л. Ордин-Нащокин благодарил Огинского за перехват упомянутого выше отряда и возвращение беглецов в Смоленск и утверждал, что это будет способствовать укреплению мира между двумя государствами¹¹⁴. «И такое,— писал он,— ваше благое намерение ко остереганию в порубежных местах случай подает между обоими великими государи и государствами»¹¹⁵.

Белорусские крестьяне и горожане принимали и непосредственное участие в Крестьянской войне 1667—1671 гг. Так, во время осады в сентябре 1670 г. восставшими разнцами Макарьевского Желтоводского монастыря на их сторону перешли «иноземцы-поляки» П. Лазовский и И. Гасевский¹¹⁶. В ноябре того же года во время боя с повстанцами около с. Ключищи Нижегородского уезда наряду с другими разнцами был схвачен «литвин» Г. Филиппов¹¹⁷. Летом 1672 г. в Воронеже был задержан и отправлен в Москву участник восстания С. Разина донской казак О. Троицкий. Во время допроса в Москве он рассказывал, что «родом де он белорусец, города Гродни», был взят в плен во время русско-польской войны 1654—1667 гг., жил на Дону «и служил казацкую службу». По указу царя Алексея Михайловича вместе с другими «колодниками»-разинцами О. Троицкий был сослан «в Сибирь в дальные города на вечное житье»¹¹⁸.

Для подавления восстания были брошены царские войска. Под Симбирском они нанесли поражение отряду повстанцев. С. Разин ушел на Дон. Он надеялся найти подкрепление, но был схвачен, отправлен в Москву и казнен.

Принимаются срочные меры для подавления местных очагов восстания. В начале 1671 г. смоленскому воеводе И. Хаванскому предписывалось установить по дорогам «заставы крепкие», чтобы задерживать разинцев, а шляхта обязывалась не держать у себя всех беглых крестьян¹¹⁹. В Смоленске был повешен посланец С. Разина. Шляхетское

войско подавило крестьянские выступления и на территории Белоруссии.

Однако установившееся затишье продолжалось не долго. Весной 1671 г. на востоке и юге Белоруссии вновь начались крестьянские волнения, для успокоения которых в мае 1671 г. хорунжий Речицкого повета С. Юдицкий объявил посполитое рушение местной шляхты со сбором в Рогаचेво¹²⁰.

В ноябре 1671 г. княжна Корибутова-Вишневецкая просила украинского гетмана Д. Многогрешного, чтобы он «в нынешнее время отчины нашей Брагина, неприятельскими людьми от нахождения разоренную, сохраняя»¹²¹.

Крупное выступление городского населения произошло в 1671 г. в Могилеве. Оно было направлено против социального и национально-религиозного гнета, за сохранение своего языка, обычаев и культуры. Волнения в городе начались в ответ на попытки местных властей, католического и униатского духовенства превратить могилевские православные церкви в униатские. Украинский гетман Д. Многогрешный 1 июня 1671 г. сообщал царю Алексею Михайловичу по этому поводу следующее: «А то вашему царскому пресветлому величеству уже давно есть ведомо, что в Полотцку и в Витебске церкви божия православные на унеку от благочестивых отняты, а ныне начали было и в Могилеве отбирати, яко же всенародие, взволновав, того не допустил»¹²².

Аналогичный характер имели волнения городского населения в Минске. Собрав почти «весь город», православные во главе с бурмистром Фурсом напали на юридику униатского митрополита Г. Коленды, угрожали уничтожить монастырь св. Духа. Называя униатов обманщиками и предателями, православные требовали изгнать их из города¹²³.

В октябре 1671 г. «посполитые люди» и шляхта Мстиславского воеводства обратились к стародубскому полковнику Г. Дащенко с челобитной на имя царя Алексея Михайловича с просьбой присоединить территорию воеводства «по самой Днепр» к Русскому государству. Челобитная была отправлена к гетману Левобережной Украины Д. Многогрешному, а последний 19 декабря 1671 г. вместе со своим письмом направил ее в Москву¹²⁴.

Украинский гетман сообщал царю, что прибывшие к стародубскому полковнику представители населения Мстиславского воеводства во главе с Судиловским заявили,

«что уже по сю сторону Сожи как шляхта, так и посполитые люди под высокодержавную и крепкую руку вашему царскому пресветлому величеству, помазаннику божию, в подданство со всем склонились и под начальство нам гетману войска вашего царского пресветлого величества запорожского в послушании сами добровольно учинились быти». Одновременно гетман доносил, что и «по той стороне реки Сожи близ от Днепра, поддаючись под высокодержавную руку вашего царского пресветлого величества в верное подданство и до войска вашего царского пресветлого величества в послушание склоняясь, приезжали». Д. Многогрешный настойчиво рекомендовал царю удовлетворить просьбу населения Мстиславского воеводства и присоединить территорию восточной Белоруссии к России, утверждая, что «та страна, за милосердием Божиим.., вашего царского пресветлого величества не будет утруждати»¹²⁵.

Особенно упорно боролись против установления власти феодалов Речи Посполитой, за присоединение к России жители Гомеля. В январе 1672 г. во время пребывания на Украине подьячего Малороссийского приказа Д. Иванова и московского стрельца А. Танеева гетман Многогрешный настойчиво убеждал их, чтобы «великий государь... указал им город Гомль со всеми жителями принять под свою, царского пресветлого величества, высокодержавную руку»¹²⁶. Обосновывая свое предложение, он доказывал, что «тот город полской Гомль стал меж его великого государя... малороссийскими городами и всей Украине», а поэтому «бывает от него малороссийским жителям утеснение великое». Будучи хорошо осведомленным о настроении населения Белоруссии и зная его отношение к церковным и светским феодалам Речи Посполитой, гетман уверял послов, что если «великий государь укажет тамошних жителей с сей стороны посадить, которые из того Гомеля перешед живут на сей стороне Сожи в слободах, так они николи не пустят на сесь бок Сожи многих тысяч ляхов»¹²⁷.

Во время этой же беседы Д. Многогрешный сообщал послам: «А ныне де в том городке жителей дворов со 100, а то все из Гомли вышли на сю сторону Сожи и поселясь живут под его, царского пресветлого величества, высокодержавною рукою в подданстве. А достольные де кои жители в городе Гомле застают, и те де безпрестани милости у великого государя просят со слезами, а к нему де гетману присылают, чтоб великий государь указал город Гомль

и их всех принять под свою, царского величества, высокодержавную руку в вечное подданство»¹²⁸.

В феврале 1672 г. Д. Многогрешный вновь пытался убедить царя Алексея Михайловича в необходимости принятия Гомеля в свое подданство. Подчеркивая, что жители города терпят тяжелый гнет, он указывал: «А ныне де гомельские жители к нему, гетману, беспрестанно присылают, чтобы их принял к войску запорожскому. И ему де, гетману, не принять их нельзя, потому что войско запорожское никого не отгоняет»¹²⁹.

Борьба населения восточной Белоруссии против светских и церковных феодалов, его упорное нежелание принимать подданство Речи Посполитой вызвали серьезную озабоченность местных властей и шляхты, которые неоднократно апеллировали к королю и сейму с просьбой о помощи. Будучи, однако, не в состоянии справиться с народным движением собственными силами, польское правительство поручило своему послу в Москве Я. Гнинскому добиваться от царя Алексея Михайловича, чтобы он «указал послать на Сож посланного и свой царский указ» и «приказал тамошним жителям сказать, чтоб они на сторону королевского величества уступили и впредь границы не переезжали», а также «велел северских казаков из Мстиславского воеводства и ис поветов Мозырского и Речицкого уступить и впредь заезжать в сторону королевского величества земель и всяких угодий накрепко заказать»¹³⁰.

После отговорок, ссылок на непричастность к событиям в Засожье и на юге Белоруссии, а также заверений, что на Сож направлен царский гонец, а к казацким старшинам и полковникам послана грамота с требованием, что если «в какие земли и угодья буде позаехали одно конечно и с тех мест уступить велено»¹³¹, царское правительство по требованию польского посла в марте 1672 г., наконец, согласилось «написать в нынешнюю крепость о тех ссорах: «Естли хто обоих великих государей как царского величества, так и королевского величества порубежные места будет учтен заезжать, и таких своевольных людей сыскивать и по сыску чинить росправы и впредь во всяком порубежном городе учинить судей и те дела успокоивать им»¹³².

В 1675 г. вспыхнуло восстание в Оршанском повете. Князь Друцкий-Соколинский, крестьяне которого начали бунт, писал по этому поводу в Москву: «В прошлом, госу-

дарь, во 183 году крестьянишка мои зарубежные Аршанского повету деревни Кривова конца и из иных деревень многие взбунтовались, прикащика моево Яна Жилинского убили досмерти... А ныне, государь,— продолжал он далее в своей челобитной,— они живут в Смоленском уезде в разных деревнях. А двор мой разорили и животы пограбили без остатку, а взяли живота моего на 500 рублев. А животы свои все побрали с собой и дворы свои пожгли»¹³³.

Чрезвычайно остро проходила классовая борьба в Полоцке. В декабре 1681 г. в Полоцке в день католического праздника пресвятой девы Марии был подготовлен фейерверк. Православные жители города собрались будто бы для того, чтобы посмотреть, а затем «подожгли приготовленные для торжества порох и фейерверк, а вместе и дом в замке, возле церкви св. Софии, для большего оскорбления памяти блаженного мученика Иосафата; пожгли людей, уважавших память блаженного, которые приготовляли фейерверк, и неоднократно угрожали жизни истаца»¹³⁴,— писал униатский митрополит Жоховский.

Горожане несколько раз устраивали засады на митрополита, «посягали на жизнь своего пастыря». В 1682 г. низы городского населения организовали заговор. Его участники обязались стоять друг за друга и угрожали расправиться с митрополитом и его сторонниками¹³⁵.

Особенно обострилась борьба между православным населением Полоцка и униатскими церковными властями летом 1683 г. Во время большого пожара, вспыхнувшего в городе 17 июня, сгорел Богоявленский монастырь с церковью. Монахи монастыря и жители поставили часовню и приступили к строительству новой церкви. Когда православное духовенство перенесло в часовню икону, на них напали с оружием униаты. Между униатами и православными произошли столкновения. Восставшие прогнали явившихся на место происшествия возных Полоцкого гродского суда, избили настоятеля базилианского монастыря и заявили, что выбросят тело Кунцевича из Софийского собора, порубят его и бросят в Двину¹³⁶. Ведя борьбу против униатов, низы городского населения выступали также против шляхты и богатой верхушки города, перешедшей в унию¹³⁷.

Активизировалась борьба народных масс Белоруссии за воссоединение с Россией в середине и конце 80-х годов XVII в.

Во время подготовки к подписанию «вечного мира» при известии о территориальных притязаниях Речи Посполитой в казацких старшинских кругах, а также среди населения восточной и юго-восточной Белоруссии началась агитация за возвращение земель, отнятых по условиям Андрусовского перемирия от Стародубского и Черниговского полков, и о присоединении их к Левобережной Украине. При молчаливом согласии русского правительства эту агитацию поддержал гетман Левобережной Украины Самойлович¹³⁸.

В начале марта 1684 г. стало известно, что в районе Лоева вокруг стародубского полковника Я. Самойловича собираются бежавшие из восточной части Белоруссии крестьяне и горожане, а также украинские казаки. Используя пассивность местных властей, отряды Самойловича выступили из Лоева и захватили значительную часть Мстиславского воеводства с волостями Гомельской, Чечерской и Пропойской вплоть до р. Сож.

Другая группа вооруженных белорусских крестьян и горожан, поддержанная северскими отрядами казаков, вступила в Кричевскую волость. На занятых землях были установлены казацкие порядки, а проживавшей здесь шляхте под угрозой «бесчестия» было предложено оставить свои места жительства.

Об этом событии было сообщено королю Речи Посполитой, великому гетману и канцлеру литовскому М. Огинскому. Поскольку помощи не последовало, местной шляхте ничего не оставалось, как объявить посполитое рушение и защищаться от неприятеля¹³⁹.

Известие о начале восстания в восточной Белоруссии получило широкий резонанс не только в Речи Посполитой, но и во всей Европе¹⁴⁰. Польско-литовские власти квалифицировали это событие как нарушение Андрусовского перемирия. В Москву в спешном порядке были высланы специальные гонцы. Однако до открытого русско-польского конфликта дело не дошло. Король приказал шляхте воздержаться от военных действий. Русское правительство, в свою очередь, отдало распоряжение вывести казаков из районов, переданных по условиям Андрусовского договора Речи Посполитой¹⁴¹.

После подписания в мае 1686 г. «вечного мира» Белоруссия окончательно отошла к Речи Посполитой. Получив об этом известие, гетман Великого княжества Литовского Огинский приступил к установлению в Засожьи старых

порядков. Его посланцы — мстиславский стольник Д. Тихоновецкий со своим помощником Ланкевичем — с письмом, составленным от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей, появились в сопровождении рейтар в Кричеве и огласили жителям города и окрестностей его содержание. В ответ на это пограничные крестьяне, как писал 2 сентября 1686 г. мстиславский хорунжий В. Пожарицкий, стали массами уходить на восток, оставляя пустыми деревни¹⁴².

Оставшиеся местные жители при поддержке украинских казаков подняли восстание. Против польского отряда, дислоцировавшегося в Кричеве, выступило 3 тыс. вооруженных крестьян и горожан и 1500 казаков во главе с полковником Муравинским. Ротмистр войск Речи Посполитой, преследуемый повстанцами, бежал за Сож¹⁴³.

Вскоре на помощь Муравинскому из Волыни с несколькими сотнями казаков пришел Черноруцкий. Построил укрепленный лагерь в Домамиричах, Черноруцкий послал по деревням отряды казаков, препятствовавших взиманию с крестьян податей и объявлявших об отмене всех повинностей в пользу местных помещиков и государственной казны. На вопрос представителей местной шляхты, собравшейся на сеймик в Мстиславле, по чьему приказу он так поступает, Черноруцкий сослался на распоряжение гетмана Левобережной Украины Самойловича, который якобы имел на это специальный царский указ¹⁴⁴. Наконец, он откровенно заявил шляхетским депутатам: «Ведайте... покуль у вас уния буде и иезуиты, потуль казакам при короле польском не быти»¹⁴⁵.

Протест белорусского населения и казаков против передачи Засожья Речи Посполитой вынудил членов польского посольства в Москве обратиться со специальной жалобой к русскому правительству, которое отдало распоряжение окольному Неплюеву проследить за исполнением царских указов и статей «вечного мира». Однако даже столь решительные меры оказались безрезультатными.

Тогда в нарушение условий недавно заключенного мира войска Речи Посполитой перешли русско-польскую границу, захватили уездный город Пусторжев и другие населенные пункты. Пограничные столбы были отодвинуты на север и северо-восток. Все население, проживавшее на оккупированной территории, обязывалось беспрекословно выполнять распоряжения польских властей; сопротивлявшиеся были брошены в тюрьмы.

Обострение отношений с Речью Посполитой, боязнь ее отказа от ратификации условий «вечного мира» заставили русское правительство, не считаясь с протестами Самойловича, вывести казаков из Засожья.

Население восточной Белоруссии не могло примириться с фактом перехода в подданство Речи Посполитой. В 1690 г. произошло вооруженное выступление крестьян д. Дубейцы и Кривой Нивы в Кричевском старостве. Поводом к нему послужило прибытие на постой отряда жолнеров хоругви виленского каштеляна и гетмана польного Великого княжества Литовского. Вооружившись кольями и огнестрельным оружием, крестьяне во главе с М. Артюховым напали на солдат и «лупили их дубовыми кольями, рушницами в бок, в шею и спину толкали... под нос московские дули подсовывали», приговаривая: «Зачем вы, чертовы сыны, такие и сякие, сюда к нам приехали: кровь нашу пить?». «Бунтовщики» связали всех солдат и заперли их в бане. Утром крестьяне освободили пленников и изгнали их из деревни, заявив при этом: «Так знайте.., что произошло сейчас с вами, то будет с вашим паном. А сейчас идите отсюда прочь и более здесь не показывайтесь и пану своему то же самое скажите». Лишь через два дня избитые и обессиленные солдаты добрались до Кричева. Для расправы с «бунтовщиками» «товарищ» хоругви Канажевский немедленно направил в Дубейцы конный отряд, однако каратели потерпели поражение. Преследуя бежавших «усмирителей», крестьяне встретились и с Канажевским, который, не дождавшись известий от посланных в Дубейцы солдат, решил лично «навести порядок». Произошла настоящая битва, во время которой «Макар (Артюхов.— А. И.) сразу же бросился на пана Канажевского, схватил его за грудь, а другой крестьянин так потянул колом пана по спине, что он не устоял на ногах и упал»¹⁴⁶.

Опираясь на народные массы и выражая их интересы, пропойский староста В. Красинский в сентябре 1690 г. обратился к гетману Мазепе и царскому правительству с предложением принять Белоруссию «под высокую царскую руку» и объединить ее с Россией, освободив вначале из-под панско-шляхетского господства Засожский край. Он утверждал, что в случае военного конфликта с Польшей занятие таких крепостей, как Гомель, Чечерск, создало бы прочные опорные пункты для защиты вновь присоединенных земель от вторжений шляхты. Гетман, поддержавший

это ходатайство, писал в Москву, в частности, следующее: «И для того он, Красинский, под высокодержавную их, царского пресветлого величества, руку склоняется и советует, чтоб, упреждая полские неприятельские замыслы, захвати в сторону их царского пресветлого величества тот весь край Засожский по самой Днепр, присовокупляя его к Малороссийскому краю, потому что в Засожской стороне есть несколько крепостей добрых Гомель, Чечерск и иные, которые суть надобны к защищению всего краю северского»¹⁴⁷. Красинский выражал желание лично встретиться с гетманом и договориться обо всем.

Однако царское правительство не откликнулось на предложение Красинского, ссылаясь на то, что это повело бы к нарушению условий «вечного мира» с Речью Посполитой.

Со второй половины XVII в. широкий размах приобрела борьба крестьян и горожан южных районов Белоруссии против социального и национально-религиозного гнета, за воссоединение с Россией. Трудящиеся Белоруссии действовали рука об руку с украинскими казаками. «Безбожный и своевольный народ,— говорится в одном из официальных документов,— объединившись с казаками и собрав большое количество людей», в разных местах расправлялся с церковными и светскими феодалами, арендаторами и ростовщиками¹⁴⁸. Так, в районе Турова в 1661 г. действовал отряд «своевольных лесных казаков» под командованием полковника Кургана, вокруг которого собрались люди «как из города Турова и Туровской волости, так и из Давид-Городокской волости и Полесья»¹⁴⁹. В другом источнике подчеркивается, что «с каждой деревни Туровской волости более чем по 40 человек находится в отрядах, в городе же Турове редко найдешь такого, который не казакует»¹⁵⁰.

Более широкий размах приобрело крестьянское движение на Пинщине в 1664—1666 гг. Восставшие, объединившись с отрядами русских войск, громили шляхетские имения, жгли фольварки, убивали феодалов. Особенно активно действовал повстанческий отряд, насчитывавший около 800 человек, во главе с полковником Василевичем. Восставшие «побунтовали всех хлопов около Турова, за Туровым и далее», собирались напасть на имение Стефаны, м. Высоцк, Столин и даже на г. Пинск. В связи с создавшейся обстановкой хорунжий Пинского повета Орда предписал местной шляхте в полной боевой готовности явиться

к 24 июня 1664 г. на сборный пункт в Пинск, чтобы защитить город от восставших крестьян¹⁵¹. Но принятые меры не дали желаемых результатов. 9 сентября 1664 г. король Ян Казимир вынужден был констатировать, что в Пинском повете от «разнузданного холопства» в настоящее время нет спокойствия, и строго приказывал местной шляхте собраться на посполитое рушение как для борьбы против мятежников, так и на случай других опасностей¹⁵².

Поскольку шляхетское ополчение не смогло справиться с крестьянским движением, для защиты имений от нападений крестьян и предотвращения вторжений украинских казаков по приказу польного гетмана Великого княжества Литовского М. Паца в ноябре 1665 г. в Пинский повет были направлены гетманская казацкая хоругвь, хоругвь крайчего Ярмоловича и иноземный полк драгун¹⁵³. Прибывшие войска только на время успокоили крестьянские бунты, а поэтому 20 мая 1666 г. польный гетман М. Пац отдал приказ кричевскому скарбнику Я. Бугаенко объединить под своей командой все воинские части, находившиеся на юге Белоруссии, и обеспечить безопасность Турова, Петрикова, Овруча, Чернобыля, Норинска, Речицы и других местечек и деревень, а также оказать в случае необходимости помощь Гомелю¹⁵⁴.

В 70-х годах XVII в. развернулось широкое движение народных масс и в западной части Белоруссии. В июле 1661 г., например, группа восставших крестьян напала на имение Блоты, расположенное в Брестском воеводстве. Восставшие разорили хозяйственные постройки, увели лошадей и овец. Когда войт Г. Чечкович и хозяйка имения Е. Лохова подняли шум, крестьяне «немилосердно избили их»¹⁵⁵.

Нападения крестьян на шляхетские имения, расправа со светскими и церковными феодалами продолжались и на территории Гродненского повета. В связи с этим чрезвычайный Варшавский сейм 1662 г. принял специальное постановление о «привлечении к суду крепостных Гродненской королевской экономии, которые нападали на костелы, церкви и шляхетские усадьбы в Гродненском и других поветах». В постановлении отмечалось, что «поскольку... жители не только Гродненского, но и других поветов ссылаются на огромный ущерб, причиненный им во время московского нашествия нашими подданными из Гродненской экономии, которые совершали преступления, убивали шляхту, истязали разных людей, нападали на костелы, церкви,

шляхетские усадьбы и грабили, мы вменяем в обязанность тем же комиссарам, чтобы они, договорившись между собою относительно места и времени..., вершили правосудие и преступников осуждали на смертную казнь согласно закону, применяя постановления о грабителях 1652 и 1659 гг., не взирая ни на какие возражения»¹⁵⁶.

Неспокойно было в эти годы и в Гродно. Так, в 1669 г. с жалобой в суд на гродненских мещан обратились шляхтичи Богданович и Ольшанский. Они обвиняли двух портных и десять подмастерьев других ремесел в том, что те напали ночью на дом и избили находившихся в нем шляхтичей. В 1670 г. мещанин Николаевич со своим братом маляром Казимиром «собрал немалую громаду своевольных людей» и выступил против писаря Великого княжества Литовского и гродненского старосты А. Котовича¹⁵⁷.

Непосредственную связь с событиями народно-освободительной войны 1648—1654 гг. имело вооруженное выступление крестьян и земян (мелкой шляхты) в с. Плотница Пинского повета в 70—80-х годах XVII в. Во время освободительной войны церковь с. Плотница, ранее обращенная в униатскую, вновь стала православной. Попытки униатского духовенства возратить ее под свою власть наталкивались на упорное сопротивление местного населения. В 1670 г. епископ Белозор направил в Плотницу двух священников для организации службы по униатскому обряду. Как сообщал впоследствии Белозор, его посланцев встретили православные близлежащих мест. Со словами «бей-убей, потопить тех униатов» они вытолкали униатских священников из церкви, а защищавшего их шляхтича Я. Володкевича избили палками. Спустя некоторое время епископ решил лично провести службу в плотницкой церкви. Узнав об этом, жители села, «приготовив ружья и разного к бою орудия», устроили засаду в церкви и нескольких домах, угрожали самому Белозору, его священникам, слугам и «подданным». Епископ не решился даже подъехать к Плотнице.

Несмотря на неоднократные решения Пинского каптурового суда о взыскании с плотницких земян штрафа за неповиновение униатскому священнику и невыполнение судебных постановлений, православное население села и близких к нему деревень продолжало оказывать сопротивление введению униатского вероисповедания. Так, в 1678 г. несколько земян избили кольями и топорами прибывших

в Плотницу «дозорца» епископа шляхтича Савицкого и сопровождавших его бояр. В 1687 г. подобная же участь постигла двух панцирных бояр, епископских эмиссаров¹⁵⁸.

В 1674 г. против епископа Белозора выступили жители Турова. Епископ жаловался, что когда он приехал в город «яко пастырь до своей епископии», то «панове старостове туровские, намовившиесе з капланами (священниками.— А. И.) и мешанами туровскими, церкви не казали жадною мерою отворити, ани визыти чинити позволили и жадного послушенства отдавати», прогнали его священника, «похвалки учинили» против самого епископа, противились королевским привилеям¹⁵⁹. Более того, мешане запретили собирать во время городской ярмарки прибывшим в Туров должностным лицам Белозора третью часть пошлин и других доходов с местных и приезжих купцов. Епископ неоднократно жаловался на «непослушенство» городских жителей в местные судебные инстанции. Шляхетские суды штрафовали горожан, однако последние не подчинялись их решениям¹⁶⁰.

Особенно активизировалась борьба народных масс Белоруссии в южной и юго-западной частях в конце XVII в. Она развернулась под непосредственным влиянием проходившего на территории Правобережной Украины широкого освободительного движения, начавшегося сразу же после подписания Андрусовского перемирия и продолжавшегося до конца существования Речи Посполитой. В этой борьбе против общих врагов, за воссоединение с Россией, наряду с народными массами Украины активное участие принимали белорусские крестьяне и горожане.

В конце 1676 — начале 1677 г. началось широкое освободительное движение в Речицком, Мозырском и других южных поветах Белоруссии. Сюда прибыли отряды украинских казаков. Восставшие совместно с казаками громили имения светских и церковных феодалов, расправлялись с арендаторами, разрушали костелы и униатские церкви. Шляхта забила тревогу. В Вильно и Варшаву посыпались депеши с просьбой о помощи.

23 января 1677 г. гетман Великого княжества Литовского М. Пац издал универсал, в котором вынужден был констатировать, что повстанцы и казаки «чинят большие обиды» Речицкому повету. Одновременно он сообщал, что о событиях в повете поставил в известность коронного гетмана, потребовал вывести казаков из Великого княжества

Литовского и тем самым прекратить нарушения общественного спокойствия. Чувствуя, однако, что для прекращения «бунтов» принятых мер недостаточно, литовский гетман предписывал должностным лицам и шляхте Речицкого повета своими силами по всей строгости законов Речи Посполитой справляться с бунтовщиками и «своевольными громадами». Если же местные силы не справятся с повстанцами, гетман просил сообщить ему или брацлавскому маршалку Огинскому¹⁶¹.

В марте 1677 г. в ответ на многочисленные жалобы феодалов Великого княжества Литовского коронный великий гетман Д. Вишневецкий обратился к «панам полковникам, сотникам и всем старшинам войска Речи Посполитой Запорожского» со специальным универсалом, в котором приказывал, чтобы никто «в добрах, расположенных в Литовском Пелесье и прежде всего в Мозырском и других поветах Великого княжества Литовского, не осмеливался останавливаться, выбирать провиант и чинить какие-либо хотя бы малейшие обиды». Гетман предупреждал, что тех, кто будет разорять шляхетские имения, он подвергнет жестокому наказанию¹⁶². Однако и этот универсал не дал желаемых результатов. Поэтому 14 мая 1677 г. в ответ на новые жалобы магнатов и шляхты коронный гетман С. Яблонский вновь строжайше запрещал украинским казакам вторгаться в пределы Мозырского повета и причинять «обиды обывателям»¹⁶³.

К 90-м годам XVII в. борьба украинского народа против магнатов Речи Посполитой, католического и униатского духовенства становилась все более упорной. Отчетливо определились и ее цели: казачество заявляло претензии на овладение территорией от Днестра до р. Случь, Уша и Днестр. В инструкции шляхетского сеймика послам Киевского воеводства от 1688 г. так характеризовалась деятельность повстанцев: «Трудно передать, какие большие разорения терпит от казаков воеводство... Более того, по Случе на Волине и по реку Уша в Великом княжестве Литовском устраивают себе границы, отвлекают подданных от повиновения панам и подстаростам, призывают к бунтам крестьян, которые разбойничают по лесам и дорогам»¹⁶⁴. Шляхта бросала имения и бежала в более безопасные места. По свидетельству современников, она опасалась, чтобы эта непригашенная искра когда-либо по примеру прошлых лет не стала причиной большого пожара народного восстания¹⁶⁵.

Особенно опасными для феодалов были повстанцы, руководимые С. Палием, поддерживавшим связь с другими казацкими полковниками на Правобережье — Абазиным, Самусем, Искрой¹⁶⁶.

Гетман Левобережной Украины И. Мазепа с тревогой следил за успехами Палия и ростом его популярности. В одном из своих писем в Москву он писал: «Чтоб не был он другой Хмельницкий, надо заблаговременно размыслить, как с ним поступить, лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить, особенно для того, чтоб не произвел он в Малой России мятежа и презовом жителей опустошения»¹⁶⁷.

В борьбе против шляхетской Речи Посполитой Палий искал поддержки и защиты у Русского государства. Он стремился к тому, чтобы присоединить Правобережную Украину и Белоруссию к России, указывая, что «нас, российских сынов, некому иному защитить»¹⁶⁸. Надеясь на посредничество Мазепы, он писал ему, в частности, следующее: «Наипаче прошу честного ходатайства себе через милость вашу у пресветлых монархов... дабы принят был»¹⁶⁹. «А в листе ево (Палия.— А. И.) написано,— сообщал в Москву в октябре 1699 г. Хованский,— чтоб ты, великий государь, пожаловал, велел ево принять под свою, великого государя, высокодержавную руку в Киев или где ты, великий государь, ему быть с казаками укажешь»¹⁷⁰. Таким образом, С. Палий выражал стремления украинцев и белорусов, оставшихся по условиям Андрусовского перемирия в составе Речи Посполитой и подвергавшихся тяжелому социальному и национальному угнетению, к воссоединению с Россией.

Осенью 1691 г. восставшие, руководимые С. Палием, активно действовали не только на Правобережной Украине, но и в южной Белоруссии. Отдельные отряды повстанцев появились даже в районе Быхова, Слуцка, Бреста. К ним присоединялись белорусские крестьяне и низы городского населения.

«Неповиновение и значительный бунт против двора» отмечены в 1692 г. в с. Чели и Меркунце Ошмянского повета. Эти деревни Жупранского имения князей Радзивиллов находились в аренде у шляхтича Педарского. На крестьян этих сел после подавления «бунтов» был наложен штраф в 250 золотых¹⁷¹. В этом же году крупное антикрепостническое восстание крестьян произошло близ Могилева¹⁷².

Для борьбы с повстанцами осенью 1692 г. на Полесье стали собираться войска. 7 ноября 1692 г. польский полковник Дружкевич сообщал полковнику Гладкому из г. Острога, что он послал все свои полки, «чтоб палеевцев, как неприятелей короны польской, из Полесья и со всех становищ, на которых в земле нашей стали, выгоняли и их разрушали, а себе те становища занимали и на них становились безопасно. Кто хочет мед есть, надобно пчелы выкуренети, а хто за хлеб не пробьетца, тот и ести не будет»¹⁷³. Несколько позже коронный гетман подтвердил распоряжение виленского воеводы направить литовское войско в места, занятые повстанцами Палия. Уже 29 ноября 1692 г. сотник М. Дорошенко сообщил Палию, что 30 литовских хоругвей двинулись от Бреста и Кобрина вдоль Припяти к р. Случь¹⁷⁴.

Польское войско и местное шляхетское ополчение вытеснили сотни Палия из Белоруссии и подавили восстание крестьян.

Вскоре, однако, на территории Белоруссии появились новые отряды повстанцев. Так, в мае 1695 г. на сеймике Новогрудского повета сообщалось о вторжении сотен палиевцев «с другими своевольными людьми» в пределы Новогрудского воеводства. Об этом был немедленно поставлен в известность виленский воевода и гетман Великого княжества Литовского К. Сапега.

Для борьбы с палиевцами и предотвращения вспышки восстания местного населения воевода приказал эконому Слуцкого княжества Незабытовскому в спешном порядке укрепить границы воеводства и прежде всего слуцких и копильских имений. В распоряжение эконома были переданы три рейтарские и одна венгерская пешая хоругви. Незабытовский получил при этом широкие полномочия «каждого такого наездника, покоя посполитого нарушителя» беспощадно наказывать и усмирять¹⁷⁵.

И все же принятые меры не дали желаемых результатов. Как только распространились слухи о приближении палиевцев, среди крестьян Слуцкого княжества начались волнения, принявшие характер вооруженного восстания.

Слуцкое княжество являлось яблоком раздора между крупнейшими польскими магнатами — Радзивиллами и Сапегами. Развернувшиеся в 1695 г. военные действия между отрядами этих магнатов причинили огромные бедствия жителям княжества. К этому добавились стихийные не-

взгоды. В 1695 г. Слущина, как и вся центральная Белоруссия, была охвачена неурожаем. Все это наряду с феодальным гнетом вызвало в 1695 г. вооруженное выступление крестьян ряда волостей, прилегавших к Слуцку. По приказу службого коменданта были закрыты городские ворота. Между повстанцами и войсками службого гарнизона произошли столкновения. Было захвачено много повстанцев, которых отправили в Слуцкую крепость. Восставшие взяли в плен несколько солдат, в том числе одного вахмистра. Комендант Слуцка писал, что «повстанцы за одного вахмистра всех заключенных, в Слуцке сидящих, требуют». В самом городе также было неспокойно. Опасаясь восстания в Слуцке, комендант просил разрешить обменять пленных, мотивируя эту просьбу тем, что «болезни от них в городе распространяются». Магнаты забеспокоились. Были забыты прежние раздоры. Великий гетман литовский Сапега прислал в июне 1695 г. Незабытовскому письмо, в котором требовал, чтобы тот «сборища дерзкие разгромил», для чего передавал ему командование присланными для подавления восстания хоругвями рейтарской, татарской и казацкой. В результате этих мер крестьянское движение было подавлено¹⁷⁶. Войска феодалов вскоре вытеснили из Слуцкого княжества и отряды палиевцев, которые ушли в пределы Киевского воеводства.

В следующем, 1696 г., конные повстанческие отряды казачков в количестве нескольких тысяч человек вступили в пределы Брестского воеводства. Передовые отряды, насчитывавшие несколько сот всадников, поддерживаемые местным населением, добрались до Дивина. Однако решительные меры шляхты Брестского воеводства вынудили палиевцев отступить¹⁷⁷.

Крупное восстание крестьян и горожан произошло в ноябре 1696 г. в Кричеве и его окрестностях. Оно было вызвано бесчинствами солдат и командования хоругви гетмана Великого княжества Литовского Огинского, расположившейся в Кричевском старостве на постой. Еще до прибытия в староство основных сил хоругви у населения насильственно было взыскано 3 тыс. польских злотых. Когда же солдаты вступили в Кричев, городским жителям было приказано в течение трех дней кормить их. Крестьяне же деревень, в которых расположилась хоругвь, должны были, кроме выполнения повинностей, предусмотренных инвентарями, содержать за свой счет солдат и, кроме того,

давать по 50 золотых. Лиц, которые не могли или не желали поставлять продовольствие и давать деньги, насильственно лишали имущества, избивали, подвергали всяческим унижениям.

Все это и привело к тому, что население Кричева 8 ноября 1696 г. подняло восстание. К горожанам присоединились вооруженные крестьяне соседних сел и местечек. На центральной площади, улицах города и около замка развернулось сражение, в ходе которого было убито и ранено несколько десятков солдат и повстанцев. Гетманская хоругвь была разгромлена, а ее остатки изгнаны из города¹⁷⁸.

В 1699 г. вспыхнуло восстание городского населения в Слуцке. Доведенные до отчаяния насилиями и грабежами, жители города во главе с мещанином Буйминовичем напали на дом войта Кучарского. В решении суда по этому поводу говорилось, что Буйминович «с другими своими единомышленниками, главарем которых он был, с собравшейся толпой до несколько сот городского посольства напал на дом его милости пана Кучарского, войта в то время слуцкого, намереваясь его убить, а остальных городских должностных лиц вырезать». Восстание было подавлено силами слуцкого гарнизона. Его руководители, в том числе Буйминович, были схвачены, публично наказаны плетями и брошены в тюрьму¹⁷⁹.

Таким образом, во второй половине XVII в. в Белоруссии произошло свыше 30 крупных вооруженных выступлений. Крестьяне и горожане не желали признавать условий Андрусовского перемирия 1667 г. и «вечного мира» 1686 г., мириться со старыми порядками. Борясь против светских и церковных феодалов, народные массы Белоруссии в то же время боролись и за осуществление своей вековой мечты — воссоединение с братским русским народом.

Наибольшего размаха народное движение приобрело в районах, расположенных в непосредственной близости от русских границ и Украины.

Стихийные, разрозненные выступления белорусских крестьян и горожан не привели да и не могли привести к освобождению от социального и национально-религиозного гнета. Тем не менее они содействовали обострению классовых противоречий и готовили новый подъем борьбы белорусского народа за воссоединение с Россией.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В БЕЛОРУССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В начале XVIII в. положение трудящихся масс Белоруссии ухудшилось в связи с военными действиями, происходившими на ее территории в период Северной войны (1700—1721 гг.).

Еще до вступления в войну Речи Посполитой, когда польский король Август II участвовал в ней лишь в качестве курфюрста Саксонии, белорусские села и города были обложены тяжелым налогом на содержание саксонских войск. Например, в 1699 г. жители Могилева должны были уплатить этот налог в сумме 150 тыс. злотых¹⁸⁰. В начале 1701 г. по приказу Августа II у купцов Витебска были конфискованы деньги и товары на гораздо большую сумму (свыше 150 тыс. талеров). В результате, как отмечалось в королевской грамоте, изданной в том же году, «город Витебск... дошел до значительного разорения своего состояния» и «большой бедности»¹⁸¹.

Тяжелое положение крестьян и городского населения усугублялось развернувшейся после смерти короля Яна III в 1697 г. междоусобной войной за престол Сакс — сторонников шведской ориентации, с одной стороны; Радзивиллов, Вишневецких и Огинских — сторонников польского короля Августа II и русской ориентации, с другой. Ведя борьбу друг с другом, магнаты разоряли имения, деревни и местечки своих противников, ухудшая и без того тяжелое положение народных масс.

Рост податей и повинностей, междоусобицы, бесчисленные поборы еще более обострили классовые противоречия, вызвали новые восстания народных масс Белоруссии. Так, в 1700 г. крестьяне Шкловского графства отказались выполнять натуральные повинности и подняли «бунт»¹⁸². Летом того же года начались волнения в Слуцке. Великий гетман литовский вынужден был прислать эконому Незабытовскому три драгунских эскадрона «для подавления бунтов в Слуцке»¹⁸³. В этом же году крестьяне пяти деревень Слонимского староства — Мелькановичи, Соленика, Клепачева, Нехлодова и Соколова — отказались от выполнения барщинных и натуральных повинностей. Владелица имения — вдова литовского гетмана князя Сапеги — понесла большой убыток (около 7 тыс. злотых), так как урожай был собран только глубокой осенью¹⁸⁴.

Княгиня обратилась к королю с жалобой. По ее словам, когда явился наместник державцы для получения меда, то крестьяне «из деревень меда, причитающегося двору, не дали, а господарского представителя прогнали». В другой раз, когда представитель двора прибыл, чтобы сдать в аренду чужим и местным крестьянам пустые волоки, то крестьяне «выгнали его... и угрожали, что если он еще будет появляться в деревнях, то может не вернуться»¹⁸⁵.

Специальный королевский универсал, требовавший от крестьян беспрекословного повиновения государю, оказался недейственным. «Взбунтовавшиеся хлопы... сопротивляются воле короля, оскорбляют его письмо, никакого послушания не чинят двору и не желают работать», — сообщал властям представитель феодальной администрации. Только через год, когда в Слонимское староство были посланы войска, выступление было подавлено¹⁸⁶.

Особенно крупные восстания крестьян, в которых участвовало до 40 тыс. человек, произошли в восточной Белоруссии, охватив одновременно почти всю территорию Оршанского повета и прежде всего Дубровенское графство и ближайšie к нему местности, а также Быховское графство Мстиславского воеводства и т. д.¹⁸⁷ Вспыхнуло крестьянское восстание и в районе Лоева¹⁸⁸.

Поводом для этих выступлений явился невиданный рост повинностей и поборов, взимаемых на содержание войска. Так как в соответствии с Олькеницким постановлением имения церковных феодалов были освобождены от податей на содержание войска Речи Посполитой, то основная их тяжесть падала на крестьян государственных и шляхетских имений, которые, будучи не в состоянии их выполнять, бросали дворы и бежали в Россию. «И многие де ево сапегины люди и из города Дубровны мещаня, — сообщал 28 декабря 1700 г. в Москву смоленский воевода В. П. Шереметьев, — прибежали из женами из детьми в Смоленской уезд в село Зверовичи и в Зверовицкую волость и живут у розных мещан и крестьян»¹⁸⁹. Угнетение и вымогательства со стороны феодалов, экзекуции воинских отрядов, разорение многих деревень во время междоусобной борьбы большей части белорусской шляхты и Сапег привели к движению, которое переросло в восстание¹⁹⁰.

Крестьянскими отрядами руководили, как правило, казаки, ушедшие из царских войск, стоявших под Псковом и Ригой. Их охотно принимало местное население, видевшее

в украинском народе верного союзника в совместной освободительной борьбе. В начале 1701 г. на помощь белорусским повстанцам из Фастова прибыло около 1500 казаков-палиевцев¹⁹¹. Восставшие громили имения светских и церковных феодалов, беспощадно расправлялись со своими угнетателями. Шляхта, бросая имущество, в панике бежала в Польшу¹⁹².

Сапеги, враги белорусского, литовского и украинского народов, использовали классовые противоречия в своих интересах. Они привлекали на свою сторону отдельные повстанческие отряды, восстанавливая белорусское и литовское шляхетство против России¹⁹³. Виленский каноник Белозер, прибывший с тайной миссией в Москву, говорил, что «не токмо де их, Речь Посполитую, бьют они, сапегане, но и подданные царского величества казаки, и чтоб Речь Посполитая учинила союз против царского величества с свейским королем»¹⁹⁴.

Чтобы воспрепятствовать объединению сапежинских войск с повстанцами, против последних была направлена регулярная армия Великого княжества Литовского, которая нанесла несколько ударов по крестьянским партизанским отрядам и отрядам украинских казаков¹⁹⁵.

Одновременно феодалы Великого княжества Литовского обратились к Петру I с просьбой отозвать находившихся на службе у Сапег казаков, а также направить в район Быхова, где действовали отряды повстанцев, русские войска. «И естли тот Быхов,— писал каноник Белозер,— будет разорен, своевольство сапежинское и свейская факция перестанет»¹⁹⁶.

Царское правительство заявило, что отзовет казаков, и дало согласие направить в помощь литовскому войску 500 калмыков и 1000 донских казаков¹⁹⁷. Регулярное литовское войско с помощью царских войск и местного шляхетского ополчения завершило разгром восставших крестьян.

В 1702 г. на Правобережной Украине вновь вспыхнуло мощное народное восстание. Непосредственным поводом для его начала послужило предписание короля Августа II вывести казаков из Киевского и Брацлавского воеводств и распустить казацкую милицию¹⁹⁸. Первоначально во главе восставших стал наказной казацкий гетман Самусь, который вел борьбу под лозунгом присоединения Правобережной Украины к России и присягнул на верность

Петру I¹⁹⁹. Вскоре руководство восстанием перешло в руки фастовского полковника Семена Палия.

Пламя народного движения быстро разрасталось. В ряды восставших вливалось не только казачество, но и крепостные крестьяне Правобережной Украины и южной Белоруссии. В конце ноября повстанцы захватили крепость Белая Церковь²⁰⁰.

Это мощное казацко-крестьянское движение вызвало озабоченность среди правящих кругов Речи Посполитой. К нему было приковано внимание не только польских магнатов, имения которых находились в районах, охваченных восстанием, но и литовских феодалов, в том числе и литовского гетмана князя Вишневецкого, так как «не токмо коронные, но и литовские Радзивиллы, Вишневецкие повинны суть силы домовые туды обращать, опасаясь, чтобы имения их не забрали и не пожгли казаки»²⁰¹. Учитывая сложившуюся обстановку, великий литовский канцлер К. Радзивилл послал на юг Белоруссии воинский отряд из 200 солдат²⁰². В боевую готовность привели свою милицию Сапег, Огинские и другие магнаты.

Будучи не в состоянии собственными силами справиться с повстанцами, феодалы Речи Посполитой неоднократно обращались с просьбами о помощи к русскому правительству, подчеркивая, что события на Украине используются шведами и их сторонниками как важный источник для агитации против России и ее союзника Августа II²⁰³.

Однако царское правительство воздержалось от военной экспедиции на Украину. Мазепе же было приказано не оказывать никакой помощи восставшим и соблюдать строгий нейтралитет по отношению к Речи Посполитой²⁰⁴.

11 февраля 1703 г. последовал указ, на основании которого предлагалось гетману добиваться от восставших прекращения борьбы против польских магнатов и шляхты и потребовать их участия в общей борьбе против шведских захватчиков²⁰⁵.

Лишь в середине 1703 г. польному гетману Сенявскому удалось частично подавить восстание. Но главная твердыня повстанцев — Белая Церковь по-прежнему оставалась в руках Палия. Гетман был вынужден отказаться от борьбы за нее²⁰⁶.

В 1708 г. прокатилась волна крестьянских восстаний на Смоленщине. Часть крестьян, «поднявися целыми селы и деревни», «з женами и детьми и з животы, оставя двory»,

уходила на реку Ипуть, где основывались новые слободы, и на Украину. Проходя «по селам и деревням» Смоленского, Брянского уездов, а также Мстиславского воеводства Белоруссии, они «крестьян с собой подговаривают, и многие к ним пристают»²⁰⁷. Попытки местных властей подавить крестьянское движение собственными силами и остановить беглых не увенчались успехом²⁰⁸. Оказались бессильными ранее направленные против восставших карательные отряды правительственных войск.

Опасаясь дальнейшего распространения крестьянского движения, на военном совете в Витебске, где находился штаб царских войск, было принято решение послать «еще к прежним в прибавку солдат с ружьем, тако ж и шляхты и рейтар конных пристойное число з добрыми офицеры». Воинским командам предписывалось громить отряды повстанцев, а их участников и «пущих заводчиков к тому бив кнутом, отдавать по-прежнему тем помещикам, за кем кто жил»; тех крестьян, которые «будут им бороница ружьем», ловить и «во страх иным» вешать. Начальники карательных отрядов обязывались, кроме того, «по всем городам и в уездах у церквей» прибить указы, запрещающие «под смертным страхом, дабы никто впредь ис крестьян таких побегов во Брянский уезд и никуда противности помещикам своим чинить не дерзал». Брянский комендант должен был задерживать беглых крестьян и, «чиня им наказанье», отправлять в «прежние места, откуда кто бежал»²⁰⁹. В результате основные очаги крестьянского движения были подавлены.

Развертывание освободительного движения на Правобережной Украине, восстания крестьян в России еще более активизировали борьбу народных масс Белоруссии. Союзниками белорусского крестьянства в этой борьбе являлись низы городского населения, которые постоянно выступали против бесконечных поборов и вымогательств, бесчеловечного обращения и неимоверной эксплуатации как со стороны гражданских, так и военных властей. В январе 1705 г. вспыхнуло восстание городского населения в Слуцке. Поводом явилась попытка драгун генерала Сеницкого взыскать с горожан 13 тыс. золотых на выплату жалованья солдатам. Когда жители города отказались внести требуемую сумму, драгуны стали их избивать. Под звон церковных колоколов на рыночную площадь бросились вооруженные мушкетами и саблями жители города и вступили в бой

с солдатами. Солдаты бежали в один из городских домов, где оказались в осаде. Для прекращения боя комендант крепости направил шесть рот солдат слудского гарнизона. Горожане вступили в борьбу и с княжеским войском. Прибывшим на рыночную площадь солдатам с величайшим трудом удалось прекратить восстание. В результате схватки было убито около полутора десятка солдат. Их оружие и снаряжение попало в качестве трофеев в руки восставших. Потерпев поражение в открытом бою, драгуны вышли из Слудка и подвергли его блокаде, однако вскоре по договоренности между великим гетманом литовским и слудским экономом Незабытовским сняли осаду и отступили от города ²¹⁰.

17 июля 1706 г. восстало городское население Могилева. Это выступление было вызвано тяжелыми поборами с солдат хоругви литовских татар, входившей в состав воинского соединения генерала Сеницкого ²¹¹. Чашу терпения горожан переполнило требование генерала Сеницкого внести для уплаты жалованья татарам 30 тыс. тынфов. «Мещане ударили в колокола на тревогу. Народ сбежался, дабы непременно татар из города выгнать» ²¹². По приказу татарского ротмистра солдаты открыли огонь по восставшим и разогнали их. Члены могилевского магистрата не только не оказали помощи восставшим, а, наоборот, «прибегши, мятеж успокоили». Татары арестовали городского войта и бурмистров, изъяли из магистратской кассы 30 тыс. тынфов и ушли из города ²¹³.

Еще более крупное восстание городского населения произошло в Могилеве в 1708 г. Поводом для этого выступления явились злоупотребления арендатора могилевской таможенной заставы М. Горелика, который взимал с мещан непосильные пошлины ²¹⁴. Когда арендатор обобрал могилевского мещанина Р. Подписка, последний собрал толпу «своевольных могилевских жителей» и поднял восстание. В ночь с 19 на 20 октября 1708 г. горожане, вооруженные огнестрельным и холодным оружием, напали на дом, где жил Горелик. Хотя сборщику пошлин удалось бежать, дом его был разгромлен. В доме Горелика повстанцы уничтожили долговые обязательства могилевских мещан, купцов и ремесленников, а также купцов других родов и местечек. Были изъяты также не только личные деньги арендатора, но и скарбовые, вырученные за продажу водки, меда, муки, сукна и других товаров. Общий убыток,

причиненный Горелику во время восстания, исчислялся в 53 025 золотых 10 грошей²¹⁵.

Городские власти встали на защиту арендатора. В ту же ночь были арестованы наиболее активные участники восстания. Однако троим заключенным (Родиону и Стефану Хомичевым, а также Родиону Подписку) удалось сбежать на Украину. Другие активные участники выступления 14 декабря 1708 г. предстали перед судом могилевского магистрата и понесли жестокое наказание²¹⁶.

В начале XVIII в. происходили волнения крестьян на юге и западе Белоруссии, особенно в Стрешенской и Каменецкой волостях, в Ореволе и других местах. В связи с выступлением крестьян, подданных виленской капитулы, в 1713 г. в Сыгнеты (Стрешинская волость) был направлен из Вильно каноник Гецевич²¹⁷.

Широкую известность получило крестьянское движение, начавшееся в 1717 г. во владении монастыря католического ордена камедулов в Гродненском повете. Королевская грамота, направленная гродненской шляхте, вынуждена констатировать, что крестьяне «подняли бунт против панов своих... а затем разошлись по разным владельцам»²¹⁸.

В 1720 г. в ответ на действия старосты, пытавшегося ввести барщину вместо оброка, крестьяне Слонимщины «взбунтовались и перестали выполнять свои повинности»²¹⁹. Староста передал дело в референдарский суд, который в ноябре 1720 г. выслал в Слоним специальную комиссию. На суде представитель старосты заявил: «Поля остались не паханы и не засеяны, хлеб не собран, а что собрано, то нанятым людом и не вовремя... На работу не только сами взбунтовавшиеся не выходили, но и другим людям той же волости запрещали и наниматься не разрешали, почему староста понес немалую шкodu, считая злотые — 30 тысяч, медов половичных не отдали, сторожей ко двору не давали, чиншев, дякла житние и овсяные по большей части задержали; администрацию и самого пана старосту всякими словами обзывали, а кто был послушен двору, того карали и немилосердно били... Своевольные купы собирали, чтобы на Борецкий двор наехать, двор сжечь, а его администратора, ротмистра Дроздовского, убить пытались и даже для этого злого дела уже собрались. Подвойского Любошицкого послушного двору били и хотели убить. То же угрожали сделать с любошицким войтом. Не только бунтовали у себя, но и подданных сапежинских (т. е. личных

имений) до таких же бунтов привлекали. Брань и угрозы пану администратору, слугам и людям дворовым и подданным послушным двору посылали неоднократно, чинили посягательства на их здоровье и муки»²²⁰.

Представитель крестьян заявил на суде, что «администрация поступает против их прав, наденных королями, согласно которых они должны платить лишь голый чинш — 4 злотых 10 грошей и ничего более». Не обращая внимания на королевские листы, администрация же не только взимала различные поборы, но и отнимала у них ульи с пчелами, творила другие издевательства и беззакония. Прибывшие для усмирения крестьян войска, «собравши арестованных до одного дома, стали кормить их сеном и поить водой, отчего масса людей попухла и поумирала». Солдаты выгоняли крестьян на барщину, требовали снаряжать подводы за несколько десятков миль, «до жнивья не только дворового, но собственно сапежинского выгоняли, несносные подати не согласно повинностям накладали, били и всякие другие шкоды чинили»²²¹.

Судебное разбирательство тянулось более года. Суд постановил запретить собрания крестьян, всех зачинщиков и непослушных ловить и наказывать²²².

В 20—30-х годах XVIII в. крестьянское движение приобрело широкий размах в пограничных с Россией районах Мстиславского, Витебского и Полоцкого воеводств. Так, в Кричевском старостве в 1719 г. крестьяне не выполнили приказа державцы: не привезли в замок ни топлива, ни сена, убили шляхтича Медведского, присланного к ним замковой администрацией²²³. В 1727 г., по словам князя Радзивилла, здесь уже было «так много непокорных, которые не желают платить денежные поборы, что для их экзекуции не хватает солдат»²²⁴. В Полоцком воеводстве также действовали насчитывавшие несколько сот человек повстанческие отряды. Они комплектовались из «своевольных людей», как их называли феодалы, не только Белоруссии, но и России. В результате действий этих отрядов многие шляхтичи бежали из своих поместий. Сеймик Полоцкого воеводства в 1718 г. обратился в сейм с просьбой восстановить существовавшие ранее при Невельском и Себежском замках казачьи хоругви для скорейшей ликвидации «своевольных отрядов» и усиления охраны границ²²⁵.

В январе 1732 г. начались волнения, которые переросли в вооруженное выступление, жителей Казадовской волости

Полоцкого воеводства. Поводом для него явилась попытка радзивилловских слуг выловить рыбу из оз. Синего, которое крестьяне считали своим. Получив такое известие, крестьяне, вооруженные ружьями, рогатинами, кольями и цепями, явились на озеро. Когда попытка уговорить радзивилловских слуг прекратить облов озера не увенчалась успехом, крестьяне напали на них и разогнали²²⁶.

Неоднократно совершали нападения на владения иезуитской коллегии крепостные д. Коровка на Витебщине. Они захватывали церковные пахотные земли, пастбища и лесные угодья, сжигали монастырские постройки и угрожали иезуитам расправой. Действия восставших можно сравнить с событиями 1648 г. Об этом писал и ректор коллегии. Владельцы д. Коровка оказались бессильными подавить выступление крестьян и просили присылки войск²²⁷.

О широком размахе освободительного движения в Белоруссии в первой половине XVIII в. говорит и тот факт, что феодалы Речи Посполитой вынуждены были постоянно держать свои войска в состоянии боевой готовности, принимать меры для укрепления своих замков, готовить силы для защиты от «внутреннего врага». Так, чтобы обучить жителей Несвижа военному делу для «защиты замка и города во время нападения», Радзивилл издал в 1735 г. специальный устав «стрельбищ». В соответствии с этим уставом все взрослое население города обязывалось научиться владеть оружием, показывать свое мастерство, участвуя в специально проводимых для этой цели соревнованиях. Стрельбища организовывались ежегодно на третий день троицы. Первый выстрел принадлежал князю, второй его жене, затем стрелял комендант замка, войт города и все жители по очереди. Победитель именовался королем, его с триумфом провожали в ратушу, ему жаловали аксамитовый пояс, награждали значками, имя «на память потомству» записывали в особую книгу. В течение года победитель соревнований освобождался от всех повинностей в пользу князя и государства. Кроме того, ему разрешалось без уплаты пошлины перегнать один вар горелки и два пива. В свою очередь король должен был держать у себя ключи от цейхгауза, построенного на месте стрельбищ, охранять его и производить необходимый ремонт. Победитель справлял за свой счет серебряную табличку весом в один лот со своим именем и датой избрания и укреплял ее на своем доме²²⁸.

В середине 30-х годов XVIII в. под влиянием политических событий в Речи Посполитой классовые противоречия в Белоруссии еще более обострились.

В начале 1733 г. умер польский король Август II. На собравшемся в августе того же года сейме для выбора нового монарха развернулась ожесточенная борьба между двумя магнатскими группировками. Одна из них, составлявшая значительное большинство, поддерживала французского ставленника С. Лещинского, женатого на дочери французского короля, вторая — саксонского курфюрста Августа III.

12 сентября 1733 г. сейм большинством голосов избрал королем С. Лещинского. Этот акт был прямым вызовом «союзу трех черных орлов» (России, Австрии и Пруссии), созданному в 1732 г. в Берлине. При поддержке России сеймовое меньшинство опротестовало это решение, покинуло сейм и, провозгласив конфедерацию, объявило королем Августа III. Русское правительство, не желавшее усиления в Польше французского влияния, выступило против избрания королем Лещинского и по просьбе сеймового меньшинства направило свои войска на территорию Речи Посполитой.

Одна часть белорусских феодалов поддержала сторонников С. Лещинского, другая — Августа III. Повсеместно образовались конфедерации, началась междоусобная борьба. Русский полковник князь Репнин доносил 16 марта 1735 г. в Военную коллегию, что «неприятель воеводы витебского, Агинского сын, с 24 хорунгами вступил в Белую Русь... и в воеводствах и поветах чинил немалое возмущение и собирал великие поборы, а наиболее в Оршанском повете и чинил шляхетству немалые разорения»²²⁹. Поскольку оба шляхетских лагеря были бессильны вести борьбу собственными силами, они призывали к участию в ней и своих крестьян, вооружая их пиками, деревянными карабинами и даже пушками с дубовыми стволами, скрепленными железными обручами²³⁰. Однако белорусские крестьяне не хотели ни Лещинского ни Августа III. Будучи насильственно вовлеченными в борьбу магнатских группировок, они выступали против шляхетской Речи Посполитой, за воссоединение Белоруссии с Россией.

Летом 1733 г. для борьбы против конфедератов, поддерживавших С. Лещинского, на территорию Белоруссии вступили русские войска. В Бресте расположились 400 ка-

заков и сибирский пехотный полк во главе с полковником Давыдовым, около Бреста — полк полковника Кондырева, в Гродно — 400 казаков, в Витебске и Быхове — вологодский пехотный полк, батальон смоленского гарнизона и рославльский эскадрон под общим командованием полковника Репнина. Кроме того, при князе Радзивилле, стороннике русской ориентации, находился драгунский полк в количестве 1 тыс. казаков и при воеводе Огинском — 2 тыс. казаков. Всего на территории Белоруссии оказалось около 10 тыс. русских солдат²³¹. Крестьяне были уверены, что русские войска изгонят шляхту из пределов Белоруссии и присоединят ее к России.

Царское правительство и русское командование издали ряд указов и распоряжений, на основании которых солдатам и офицерам запрещалось самовольное взимание с крестьян фуража и продовольствия, брались под защиту имена лиц, выступавших в поддержку Августа III. В указе императрицы Анны Иоановны от 12 июля 1733 г. генералу Лесси, выступившему с рижским корпусом к Гродно, предписывалось, чтобы, «идучи в дороге, тамошним обывателем никаких обид отнюдь не чинить, о чем во всей вашей команде накрепко подтвердить под смертною казнию и за подкомандными своими и за теми полками смотреть того прилежно, дабы ни малейших обид и озлобления показано к ним не было, а что потребно во время того походу по необходимой нужде, то покупать за настоящую цену и платить деньги без удержания. А кто из войск наших в противность сему обидою к ним поступит или что безденежно брать будет, про таковых следовать и немедленно чинить сатисфакцию и виновных штрафовать и наказывать по важности вин по нашим указам»²³².

Русский посланник в Речи Посполитой барон Кейзерлинг издал 3 ноября 1735 г. универсал, которым доводилось до сведения и исполнения «войск ея императорского величества», чтобы «в маетностях господина Слизня.., лежащих в повете Ошмянском, Костики и Ольшевичи, никаких обид и разорений не чинить и сверх определенного провианту, положенного по тарифу, ничего не требовать»²³³.

С другой стороны, русские военачальники получили право любыми способами вести борьбу против сторонников С. Лещинского, брать у них продовольствие и фураж, разорять их имения. Так, в соответствии с инструкцией,

полученной в октябре 1733 г. полковником Репниным, ему было «велено, будучи в Витебске, смотреть и разведывать накрепко о состоянии всех тамошних обывателей, а особливо о шляхетстве, кто из них к российской стороне склонны и кто противную партию держит и, разведав подлинно, всех противников слобиза и собрания превращать и сначала разгивать, буде же будут противиться, с такими поступать, яко с неприятели, с маетностей их собирать порцию и рацию на тую команду по воинскому уставу»²³⁴.

Русские войска начали военные действия против конфедератов. Большую помощь им оказывали белорусские крестьяне и горожане. Они сообщали русскому командованию о путях продвижения войск конфедератов, их планах и целях, выполняли роль связных и проводников. 30 сентября 1733 г. князь Репнин сообщал в Военную коллегия, что им был послан в Оршанский повет к секунд-майору Орлову витебский мещанин «с письмами»²³⁵. 14 мая 1735 г. Репнин писал, что от крестьянина м. Черяя он получил сведения о том, что сын воеводы Огинского с хоругвями бежал к д. Гумны, расположенной в восьми милях от Борисова; он же, взяв в качестве проводника этого же крестьянина и «посадя на кони гренадеров, маршировал за ними чрез болота и переправы всю ночь», настиг врага около д. Гумны и уничтожил четыре хоругви²³⁶.

Иногда крестьяне присоединялись к русским войскам и действовали вместе с ними: нападали на шляхетские усадьбы, громили их, истребляли долговые обязательства и т. д. Так, в сентябре 1733 г. русские солдаты вместе с примкнувшими к ним крестьянами разорили имения «противной партии» шляхтичей Ласовского и Медонецкого, находившиеся в Витебском повете; в том же месяце выступили против своего владельца крестьяне шляхтича И. Клепши в Оршанском повете²³⁷.

Крупное восстание крестьян началось в Могилевской экономии. Вскоре оно перебросилось на другие районы. «Своевольные купы» повстанцев действовали на всей территории Белоруссии²³⁸. Летом 1735 г. вспыхнуло восстание и в Могилеве. Мещане, объединившись с городскими «жолнерами» и окрестными крестьянами, захватили замок и укрепились в Немецкой башне²³⁹.

Для подавления восстания король Речи Посполитой Август III направил в восточную Белоруссию «белорусскую» дивизию во главе с новогрудским каштеляном и про-

пойским старостой, полковником Б. Незабытовским. Кроме того, ему же подчинялись кавалерийская хоругвь полковника Кости, хоругвь новгородского воеводы и королевский полк подляского воеводы. С этими воинскими частями он должен был успокоить «домашние невзгоды» и разгромить «своевольные купы»²⁴⁰.

Прибыв в Могилев, Незабытовский попытался овладеть замком. Однако восставшие отбили атаку. Понеся большие потери, Незабытовский вынужден был отступить. 20 августа 1735 г. он обратился к защитникам замка и прежде всего к их руководителям с требованием, чтобы «нарушители общественного спокойствия под охрану мою были выданы». «Большой позор чести польской и всей Речи Посполитой,— говорилось в воззвании,— когда холопы шляхетской кровью руки умывают», а подданные, объединившись с жолнерами, убивают и калечат компутовых (т. е. солдат регулярной армии.— *А. И.*), терроризируют офицеров. Воззвание заканчивалось угрозой, что если не будут выданы убийцы, то он будет атаковать замок и добывать укрывшихся «как агрессоров и своевольных Речи Посполитой холопов»²⁴¹. К сожалению, нам неизвестно, как разворачивались дальше события в Могилеве и чем они окончились.

Царское правительство, напуганное мощным размахом крестьянского движения на Украине и в Белоруссии и опасаясь, чтобы пламя народной борьбы не перебросилось на территорию России, издало ряд указов и распоряжений, направленных на укрепление своих границ. Так, 24 февраля 1735 г. смоленскому коменданту Ф. Шепелеву было строго приказано «ни под каким предлогом без особых указов к российской границе гайдамаков не допускать»²⁴². В марте того же года Военная коллегия предписала генерал-майору Репнину отобрать 500 солдат и отправить их для пополнения полковой команды генерал-лейтенанта Измайлова, который вел борьбу с повстанцами. Генерал Измайлов обязывался выслать на русско-польскую границу, откуда ожидалось вторжения восставших, «из смоленской шляхты конных и вооруженных людей столько, сколько собрать возможно»²⁴³. Помимо этого, коллегия приказала «собраться всем псковским и торопецким мещанам и бывших служб чиновным людям и дворянам на лошадях с оружием, кто какое имеет, и стать в надежных местах по границе»²⁴⁴.

В марте 1735 г. Военная коллегия вновь приказала губернаторам Новгородской, Великолуцкой и Смоленской губерний, чтобы на форпостах «по польской границе крепко остерегались» восставших, а специальный царский указ от 11 марта обязывал смоленского коменданта Шамордина бдительно следить за польско-русской границей и о всех ее нарушениях немедленно сообщать в Военную коллегияю.

Под влиянием украинских событий особенно широкий размах приобрели бунты и волнения крепостных крестьян на юге Белоруссии, в Полесье, и прежде всего во владениях Виленской капитулы — Каменщине, которые начались в 1736 г. и продолжались с перерывами более двух десятилетий²⁴⁵.

В связи с этим в ноябре 1736 г. гетман польный Великого княжества Литовского Радзивилл обратился к полковнику пятигорской хоругви Слизне со специальным ордонансом, в котором приказывал привести хоругвь в состояние полной боевой готовности, расположив ее в наиболее вероятных местах военных конфликтов. Одновременно гетман просил полковника ежедневно доносить ему о происходящих событиях²⁴⁶. Аналогичные приказы тогда же были направлены двум татарским хоругвям — Козегульского и Ахматовича, которые должны были расположиться в Мозырском повете вдоль границы с Украиной²⁴⁷. Спустя несколько месяцев, в феврале 1737 г. в помощь ранее направленным в южные районы Белоруссии войскам были посланы части легкой кавалерии, специально подготовленные для борьбы с гайдамаками, во главе с ротмистром татарской хоругви Барановским. Расположив свой штаб в Каменщине, он обязывался занять как можно более обширный район²⁴⁸.

Однако оказалось, что посланных войск явно недостаточно. Стоявший в районе Мозыря татарский полк был не в состоянии противостоять растущим силам восставших. Поэтому в феврале 1738 г. в Мозырский повет был направлен со своей хоругвью полковник Неслуховский, под командование которого передавались хоругвь маршалка Великого княжества Литовского Сангушки, а также четыре пятигорские хоругви — Понятовского, новогрудского каштеляна Незабытовского, надворного подскарбия Сапеги и любошинского старосты Новосельского. С этими силами и татарскими хоругвями, которые находились в Мозыре, Неслуховский должен был «пристадно наблюдать» за

действиями повстанцев и не допускать вторжений гайдамаков в пределы Великого княжества Литовского.

В январе, апреле и июне 1739 г. гетман вновь издал ряд приказов об усилении охраны шляхетских и своих собственных имений, расположенных в юго-восточной части Полесья, от вторжений гайдамаков. Все хоругви должны были расположиться вдоль р. Припяти от Мозыря до Чернобыля, а затем от Чернобыля до Брагина. В Брагине основывался гарнизон в 30 человек, солдаты которого должны были уничтожить «гультайство», проникшее через заслоны татарской хоругви. Верховное командование над войсками передавалось уполномоченному коронного гетмана Вишневецкого пану Каневскому, который имел в своем распоряжении еще несколько хоругвей, стоявших от Пропойска до Гомеля.

В результате принятых мер удалось разгромить отряды повстанцев, вытеснить гайдамаков и установить на некоторое время в этой части Белоруссии относительное спокойствие. В ноябре 1740 г. войска частично были отведены на прежние квартиры. Однако и здесь они должны были находиться в состоянии полной боевой готовности на случай новых «своеволий и беспорядков»²⁴⁹.

В конце 30-х годов XVIII в. начались волнения крестьян в приднепровских старостах. Борьбу против магнатов и шляхты здесь вели партизанские отряды повстанцев, в официальных документах именуемые «шишами», т. е. бандитами. Местные должностные лица, депутаты земель неоднократно обращались к гетману Великого княжества Литовского с просьбой направить против «шишей» регулярное войско. В ответ на эти просьбы в сентябре 1739 г. гетман приказал полковнику Слизне выступить со своей хоругвью, усиленной командами четырех других хоругвей, на борьбу против «гультаев и шишей»²⁵⁰.

Борьба против социального угнетения тесно переплеталась с борьбой широких слоев белорусского народа против все возрастающего национально-религиозного гнета, насильственного окатоличивания и колонизации. Нередко эта борьба перерастала в открытые вооруженные выступления.

Широкую известность в Белоруссии получило выступление весной 1740 г. крестьян д. Сидоровичи и мещан м. Дашковка (Оршанский повет Быховского графства), которые принадлежали ловчому Великого княжества Литовского М. Сапеге. Поводом была попытка М. Сапег

закрывать православные церкви и утвердить унию в своих владениях. С этой целью он отдал распоряжение губернатору Быховского графства Ф. Буховецкому передать православные церкви в руки униатов. Выполняя эти указания, Буховецкий распорядился утвердить унию в первую очередь в Дашковке и Сидоровичах.

Узнав об этом, жители Дашковки подняли восстание. Они избили прибывшего в местечко униатского протопопа и, отобрав у него церковную утварь, изгнали из города. Затем восставшие обрушились на феодальную администрацию, изгнали управляющего и перебили его людей.

Одновременно активную подготовку к выступлению развернули крестьяне Сидорович. Они объединились с жителями близлежащих деревень, установили связь с крепостными крестьянами Могилевской экономии, с которыми, по словам возного, стояли в одной «раде и змове», и создали отряд, насчитывавший более 200 человек. Во главе восставших, вооруженных огнестрельным и холодным оружием, стояли крепостные Василий Ярошенко, Герасим Бушня, Мартин Козел и Василий Гетман²⁵¹.

Как и жители Дашковки, сидоровичские крестьяне начали борьбу не только против попыток насадить унию, но и против феодального угнетения. В своем письме к баркалавовскому священнику Погорельский, администратор Сидорович, прямо указывал, что по этой причине он вынужден был покинуть деревню²⁵².

Местные власти обратились с просьбой к быховскому губернатору направить в Дашковку и Сидоровичи военную силу. Солдаты быховского гарнизона подавили выступление в Дашковке и утвердили униатского попа Баневского.

27 апреля 1740 г. по приказу быховского губернатора Буховецкого на Сидоровичи в сопровождении отряда солдат быховского гарнизона направились старобыховский наместник Д. Стаховский, ксендз Е. Климантович и ксендз Ф. Корбовский для усмирения крестьян и приведения их к унии. Восставшие, вооруженные мушкетами, копьями, кольями, косами, цепями и палками, в четверти мили от Сидорович устроили засаду. Когда каратели приблизились, крестьяне вначале открыли по ним стрельбу, а затем бросились в атаку и полностью разгромили отряд. В результате были убиты Стаховский, Климантович и военный слуга быховского гарнизона Легкий. Восставшие расправились и с другими людьми Сапеги²⁵³. Пленные солдаты быхов-

ского гарнизона были разоружены. Только небольшой группе карателей удалось, бросив оружие, бежать. Крестьяне захватили девять ружей, три штыка, две венгерские сабли, пистолет, топор, девять патронных сумок венгерской пехоты и много другого военного снаряжения²⁵⁴. Кроме того, восставшие уничтожили церковную утварь, бокалы, кубки, книги, потиры и другие вещи²⁵⁵.

Вскоре в д. Сидоровичи были направлены крупные военные силы, которые учинили кровавую расправу над повстанцами. В результате шесть крестьян были убиты и многие ранены. Однако попытка карателей увезти раненых в Быхов не увенчалась успехом, так как «люди никоим образом не дали возможности забрать побитых»²⁵⁶.

События, имевшие место в Быховском графстве, свидетельствовали о тесной связи светских и церковных феодалов в их политике проведения в жизнь принципа «чья власть, того и вера». Вместе с тем они подтверждают, что крестьяне боролись не только против попыток введения церковной унии, но и против феодального угнетения.

Полоцкий униатский архиепископ Гребницкий в письме от 21 мая 1740 г. к быховскому губернатору Буховецкому требовал жестокой расправы над восставшими крестьянами в назидание другим. Вместе с тем он выразил опасения духовенства относительно новых выступлений народных масс и просил губернатора оказать помощь «встревоженному клиру»²⁵⁷.

Быховские события нашли отклик даже в Риме. 4 сентября 1740 г. кардинал Валенти направил послание князю Сапеге, призывая его встать на защиту унии против «схизматиков и лжеепископов» (т. е. неуниатов.— А. И.)²⁵⁸.

Таким образом, хотя отдельные из выступлений крестьян и горожан нередко имели религиозную окраску, они носили антифеодальный характер и были направлены на воссоединение Белоруссии с Россией. Выступая против светских и церковных феодалов, народные массы Белоруссии боролись за «хорошего», «единоверного» царя, рассчитывая тем самым освободиться от тяжелого социального и национально-религиозного гнета. Эта борьба была стихийной и неорганизованной. Крестьяне, как правило, боролись только против своих владельцев. В. И. Ленин, характеризуя классовую борьбу в России, писал, что крестьяне боролись «несознательно, просто потому, что им стало невтерпёж, что они не хотели умирать бессловесно и без

сопротивления»²⁵⁹. Эта ленинская оценка целиком применима и для белорусских крестьян.

Несмотря на то что светские и церковные феодалы жестоко подавляли крестьянские выступления, борьба народных масс не прекращалась. Она приобретала все более активные формы, перерастая в крупные вооруженные восстания, которые стали угрожать самому существованию Речи Посполитой.

КРИЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Наиболее значительным народным выступлением на территории Белоруссии в середине XVIII в. было восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг. Причиной его явилась жестокая эксплуатация крестьян и городской бедноты со стороны местного арендатора.

Кричевское староство, которым во второй половине XVII—XVIII в. владели князья Радзивиллы, было одним из крупнейших феодальных владений в восточной Белоруссии. В его состав входила большая часть современных Кричевского, Климовичского, Костюковичского, Краснопольского и Мстиславского районов. По данным инвентаря 1747 г., оно имело 1 город, 5 местечек и 138 деревень²⁶⁰.

В 1731 г. И. Радзивилл сдал Кричевское староство за 102 тыс. злотых в аренду своему казначею и откупщику Г. Ицковичу. Получив во временное владение староство, арендатор, по свидетельству современника, сельского священника П. Чоловского, начал «отягощать безмерными денежными податями тамошних крестьян, излишне вымолвив рабочие лесовые заводы, где построил поташные и гардашные заводы и под оный поташ и гардаш брал хотя с наймом с уезду подводы для поставки оных товаров к пристани, отчего немалую излишнюю нужду и крайнее разорение крестьяне претерпевали»²⁶¹. Резко пала урожайность полей, а обессиленные крестьяне раньше времени теряли трудоспособность. Гдалию нужны были деньги, а для их получения он не брезговал никакими средствами. Он ввел «откупные кабачные и прудовые денежные великие зборы и продажу пеньки, покупку соли и прочие несносные отягощения на крестьян»²⁶². Крепостные безвозмездно, в порядке трудовой повинности, строили мосты, дамбы, плотины, дороги, корчмы, мельницы. За проезд же через речку, помол

на мельнице в пользу арендатора взималась плата. Даже княгиня Анна Сангушка-Радзивилл вынуждена была признать, что хищничество арендаторов привело жителей староства к тому, что те «налогов государственных и казенных княжеской казне не могут платить».

Тяжелым бременем для населения староства являлась насильственная поставка пеньки, имевшая в это время большой спрос на западноевропейских рынках. Администраторы запрещали крестьянам продавать пеньку и коноплю приезжим купцам, обязывая сбывать их лишь своим скупщикам по низким, ими же установленным, ценам. Нередко крестьян заставляли возить пеньку, поташ и другие товары в Невель, Великие Луки, Петербург, Слуцк и другие города ²⁶³ и тем самым надолго отрывали от сельского хозяйства рабочие руки и тягловую силу. За невыполнение этой повинности у крестьян забирали пеньку, лен, мед, воск, а также различные изделия домашнего ремесла в виде штрафов.

Существовала еще одна форма эксплуатации крестьян — ростовщичество. Арендаторы давали деньги в долг на год. За это время процент задолженности увеличивался наполовину. Задержка выплаты одолженной суммы и процентов по ней влекла за собой конфискацию имущества должника.

Большие убытки крестьянам причиняли шляхетские наезды, сопровождавшиеся, как правило, разграблением движимого и недвижимого имущества крестьян, переселением семей из одного имения в другое и т. д. Еще в январе 1738 г. крестьяне подали прошение И. Радзивиллу, в котором просили защиты «от тяжелых обид и насилий, чинимых соседями Кричевского староства их милостями панями, шляхтой, жителями Мстиславского воеводства, которые постоянно совершают насилия и грабежи, перехватывают на дорогах людей, избивают, захватывают незаконно земли» ²⁶⁴.

Стремясь держать крестьянство в повиновении и опасаясь его выступлений, администрация создала в старостве специальную воинскую часть, казармы для которой должны были быть построены за счет местных жителей. Крестьяне, не имевшие возможности уплатить деньги, обязывались отработать определенное число дней на строительство. На содержание войска население должно было поставлять продукты и фураж.

Солдаты бесчинствовали в старостве, грабили его население. Так, когда 22 февраля 1735 г. в Кричев вступил со своими войсками витебский воевода М. Огинский, солдаты сожгли значительную часть города, убили многих жителей, а оставшимся в живых причинили большие убытки²⁶⁵. Даже гетман Великого княжества Литовского М. Вишневецкий в письме от 25 августа 1740 г. на имя заместителя поручика хоругви, стоявшей в Кричеве, выразил недовольство тем, что «его м-сть пан наместник с компанией осмелился нарушить солдатский обычай» и солдатскую дисциплину и, не обращая внимания на распоряжение кричевского двора и замка, «гиберну сами себе выбирали из населения староста»²⁶⁶.

Крестьяне неоднократно обращались к князю Радзивиллу с жалобами на притеснения, грабежи и произвол арендатора. В одном из таких прошений, относящемся к началу восстания, описываются невыносимые условия жизни и подчеркивается, что народ, доведенный до обнищания, уже не в состоянии вносить требуемые подати. «Откуда нам, несчастным, взять,— писали крестьяне,— если мы с трудом можем прокормить наши души. Мы уже имеем массу долгов, одни на невыносимые подати, другие на хлеб, потому что нам запретили его иметь, всегда не только из амбара, но прямо из гумна забирали у нас хлеб арендаторы, арендные содержатели и их слуги». Жалоба требовала отмены непосильных налогов и избавления населения от своеволия арендаторов и панских слуг. В ней указывалось, что в результате бесчинств сборщиков податей и от непосильной работы в старостве погибло несколько тысяч человек²⁶⁷.

Крестьяне и горожане не раз «слезно» просили Радзивилла освободить их от незаконных поборов, защитить от грабежей, требовали отстранить арендатора от управления староством и заменить подстаросту их кандидатом²⁶⁸. Многие уходили за польско-русскую границу. Князь строго приказывал администрации, «чтобы никто из городов, а также со слобод не уходил, ибо от этого большой убыток наносится княжеской казне»²⁶⁹.

В начале 1740 г. в старостве начались волнения: крестьяне отказывались выполнять повинности, не выходили на барщину²⁷⁰. Уже в апреле администратор Прилецкий сообщал Радзивиллу, что крестьяне «не хотят слушать никаких наших распоряжений». В другом письме, датированном тем же днем, он уточнял, что крестьяне не только перестали

подчиняться замковой администрации, но и публично угрожают, заявляя, что «лишат ее этого света, а сами уйдут за границу»²⁷¹. Сами крестьяне жаловались Радзивиллу, что им ничего не остается делать, «как взяться за руки и выступить, чтобы защитить себя от гибели»²⁷².

Весной 1740 г. в старостве появились первые вооруженные крестьянские отряды, которые нападали на должностных лиц, препятствовали работам в лесах и на будах. Особенно активно в это время действовал К. Вашило, который собрал вокруг себя несколько сот крестьян. В мае 1740 г. возглавляемый им отряд напал на буду у д. Самотевичи в Лучицком войтовстве; в том же месяце была разгромлена Бухановская Буда²⁷³. К концу мая положение в Кричевском старостве стало настолько напряженным, что его администратор просил Радзивилла о присылке войск. По его словам, здесь создалась «настоящая казаччина»²⁷⁴.

Лишь в начале июля 1740 г. администрации староства с помощью конных землян, прибывших из Копоси, удалось нанести поражение отряду К. Вашило. Руководитель повстанцев был схвачен и отправлен «в тые краи». После этого, как сообщал Прилецкий Радзивиллу 17 июля 1740 г., на некоторое время «бунты в старостве утихли, а крестьянские купы, которые собирались, разошлись»²⁷⁵.

Многочисленные жалобы, с которыми неоднократно обращалось население, близость границ Русского государства, куда постоянно бежали крестьяне и горожане, и, наконец, начало открытой вооруженной борьбы заставили Радзивилла отказать Гдалию в аренде. Староство было передано новому арендатору, брату Гдалия, Ш. Ицковичу. Однако эта полумера не удовлетворила население староства. В новой жалобе крестьяне, поблагодарив Радзивилла за отставку Гдалия и выразив уверенность, что впредь арендаторы прекратят свои бесчинства, настойчиво требовали отмены всех тех налогов, которые ввел прежний арендатор.

Несмотря на то что староство было отдано новому арендатору, положение народных масс осталось, по сути, прежним. Более того, в июне 1740 г. Радзивилл с целью повышения налогов и повинностей поручил Ш. Ицковичу произвести проверку земель, находившихся в пользовании у населения староства. Одновременно Радзивилл издал специальный универсал, в котором предписывалось, что «все крепостные люди Кричевского староства должны давать

половину меду и неотложно устраивать поташни, где укажет замок, для которых всякий хозяин обязан доставить ежегодно: а) по пяти осьмин зола и, сколько потребуется по замковому расчислению, клепки; б) кроме того, большие деревни сего моего Кричевского староства обязаны доставить к ближайшей от них пристани ежегодно по два срубленных со пня и надлежаще отделанных бревна, а меньшие — по одному бревну. Причем настоятельно и под строгим наказанием приказываю, чтобы настоящему моему универсалу никто не смел оказывать в чем-либо сопротивление»²⁷⁶. Особенно обременительными были новые работы, установленные на поташных «заводах» и лесных промыслах.

Проверка земель и повышение повинностей затронули интересы не только крепостного крестьянства, но и значительной части православной шляхты, земли которой были обмерены, а на крестьян, принадлежавших ей, возложены дополнительные обременительные налоги²⁷⁷.

В середине июля 1740 г. в Кричевском старостве началось открытое вооруженное восстание. Основными движущими силами его были крепостные крестьяне, городская беднота, а также «своевольные люди», бежавшие из России в Белоруссию. Во главе восставших встал В. Вашило, житель и войт д. Селища²⁷⁸. Ближайшими его помощниками были И. Карпач, С. Бачко, В. Ветер, И. Трус и др.

18 июля 1740 г. несколько сот повстанцев во главе с В. Вашило напали на отряд шляхтичей, их слуг и копыских земян, с которыми администратор староства Прилецкий прибыл в м. Михалево для усмирения крестьянских волнений. Оставив на произвол судьбы своих панов, «войско» Прилецкого бежало²⁷⁹.

Первоначально повстанцы ограничились лишь тем, что разгромили поташные буды, взяли под контроль управление староством и сбор податей с населения. По свидетельству современника, сельского священника П. Чоловского, «и был после того оной Вошилов, сам во оном городе и уезде управителем, чрез несколько времени собирая со крестьян принадлежащие всякие подати по прежнему обыкновению на князя»²⁸⁰. Поэтому на данном этапе крестьяне пользовались некоторой поддержкой городских купцов, мещан и даже определенной части белорусской православной шляхты, рассчитывавшей воспользоваться антифеодальной борьбой крестьянства в своих узкоклассовых интересах, а поэтому нередко посылавшей им на помощь своих крепостных.

Так, Стесь, Карпач, Никита и другие руководители восстания показывали во время следствия, что ушачский староста Х. Волович «Вошле же приказывал всегда иметь при себе конных 200 и больше со всяким оружием. Держитесь, говорил он, не поддавайтесь. Он то нас всегда бунтовал»²⁸¹. Хиславичский староста Цехановецкий, приезжавший в Забочанье к Стесю, говорил крестьянам: «Те солдаты и люди, которые приедут от Шмулы — бейте всех их, я вам дам совет и помощь. И вот, когда мужики в первый раз хотели сделать нападение на кричевский замок, дал он, г. Цехановецкий, кричевским мужикам в помощь 300 людей своих, для чего и выгонял в Кричев людей своих из деревни Каничи или Каницкого двора посредством своего урядника»²⁸². По их же утверждению, «давали те же самые советы и возбуждали бунты» до 1/3 всей шляхты Мстиславского воеводства²⁸³.

В восстании, особенно в его начальной стадии, принимали участие представители низших слоев православного духовенства — сельские и городские попы.

Князь Радзивилл в письме от 16 февраля 1744 г. к могилевскому православному епископу И. Волчанскому жаловался: «Необычное дело и соблазн, всему свету оглашенный, в старосте Кричевском чинится. Понеже доказательную инквизицию по обыкновению и по праву ясно оказалось, что пресвитеры некоторые, с своевольным многолюдством збунтовав, нескольким тысячам крестьянства волю дали и поблагославили их на такое дело, чрез которое больше 1000 чел. смертно побили, и, присутствуя свое имея при разбойниках, разные рухледи и деньги людские кровавым действием к себе позабирали и оных же крестьян к дальнейшим непотребным делам, не щадя и домом божьим, побудили»²⁸⁴. В другом письме от 21 февраля к тому же Волчанскому Радзивилл вновь обвинял священников, что они «сами для нападения на людей моих, в замке обретающихся, с своевольным многолюдством крестьянства совокупились и больше 10 чел. позастреляли.., на всякое зло подговаривали, как и нападение учиня, людей тирански побили и тех же убогих людей убитых и потопленных забранные вещи у помянутых пресвитеров остались»²⁸⁵.

В. И. Ленин, объясняя закономерность объединения различных социальных слоев общества в борьбе против крепостничества, писал: «Крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего день-

жонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»²⁸⁶. Поэтому в дальнейшем, когда движение приняло антифеодальный характер, эти попутчики не только отошли от народных масс, но и приняли участие в подавлении восстания.

Особенно активно поддержали восставших крестьяне пограничных районов России. Повстанцы с радостью встречали людей из русских сел. Их появление обычно сопровождалось активизацией борьбы местного населения²⁸⁷. Не случайно поэтому Радзивилл принимал меры к тому, чтобы не допустить русских крестьян в пределы Кричевского староста и тем самым лишить восставших их верного союзника. С этой целью он неоднократно приказывал администрации староста задерживать всех беглых из России и передавать их на русские форпосты²⁸⁸.

Руководитель восстания Василий Матвеевич Вашило объявил себя внуком Богдана Хмельницкого. Восставшие преследовали ту же цель, которая выдвигалась во время освободительной войны украинского и белорусского народов середины XVII в., — воссоединение Белоруссии с Россией. Именно это обстоятельство, а также наличие среди повстанцев «своевольных людей» из России вызвали у правительства Пруссии и Саксонии, наблюдавших за разворачивавшимися событиями, подозрение, что Кричевское восстание инспирировано российским правительством²⁸⁹.

По имеющимся сведениям, Кричевское восстание, действительно, находило поддержку со стороны царского правительства. Оно, хотя и не в меньшей степени, чем господствующий класс Речи Посполитой, угнетало народные массы, но в Белоруссии проводило гибкую политику, постоянно защищало религиозные интересы православного населения, терпевшего гнет со стороны католического и униатского духовенства. Известно, например, что в это время в старосте широко распространялись «московские университеты»²⁹⁰. Коронный гетман Речи Посполитой И. Потоцкий в специальном указе, изданном 28 октября 1740 г., писал,

чьея в виду события в Кричевском старостве: «Понеже я ведомость получил, что во владениях его величества в областях республики некоторые из чужестранных подданных временем и насильством не токмо всенародному благу земли противны, но и они могут чрез то другим державам о некотором согласии подозрение подать»,— и приказывал «региментарям всех войск его величества», чтобы «они прилежно внутреннюю тишину наблюдали и безопасность границ республики хранили», немедленно сообщая ему о появлении иностранных подданных в пограничных районах²⁹¹.

Русские власти, в свою очередь, обвиняли польские правящие круги в нарушении пограничного спокойствия. «Смоленской губернатор ко мне великой пакет писем прислал,— сообщал 23 февраля 1740 г. из Варшавы в Петербург русский посол Кейзерлинг,— в которых учиненные на границах вашего императорского величества зело великие и многие предезности поляков и увезенные насильственно или под обнадеженную протекциею подданные имянно означенных находятся. В то же время ко мне и резидент Голембовский писал, что он о том уже с министрами в Варшаве говорил, да и от подканцлера литовского два письма получил, дабы они о прекращении сих жалоб наилучшее старание прилагали»²⁹².

Царское правительство даже намеревалось ввести свои войска в восточные районы Белоруссии. Так, 13 ноября 1741 г. по распоряжению Правительствующего Сената Военная коллегия обратилась со следующим предписанием к армейскому командованию: «Для предосторожности от польской стороны поставить по тамошней границе из обретающихся на Украине полков при Смоленску драгунских два и пехотных два полка, да для разъездов компанейский Чесноков полк, рославской шквадрон и малороссийских казаков 1000 человек и для того оным как регулярным, так и нерегулярным войскам быть к походу во всякой готовности и ежели какой чрезвычайной нужды невоспоследует, то оным выступить и следовать как рано только весна настанет и путь свободен будет, а ежели нужда востребует, то и прежде того следовать, как о том особливым указом повелено будет»²⁹³.

Руководитель восстания В. Вашило находился в районе Хотимска и Радева, т. е. вблизи русской границы. По словам наместника староства Керсновского, прибывшего в

Кричев в начале 1741 г., Вашило днем находился в Хотимске и Радеве, так как отсюда было недалеко до границы с Украиной, а на ночь уезжал в д. Ольшево, располагавшуюся на территории Российской империи. Более того, Керсновский указывал даже на наличие тесных связей, «дружбы» Вашило с русским форпостом²⁹⁴. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что руководители крестьянского движения были в какой-то степени связаны (не без согласия центральных властей) с пограничной русской администрацией, что давало им возможность смелее и активнее действовать по мобилизации крестьян на борьбу против своих эксплуататоров²⁹⁵.

Опасаясь, однако, осложнения обстановки, царское правительство отказалось от отправки своих войск в пределы Речи Посполитой²⁹⁶.

Узнав о «своеволии и начинающихся бунтах» крепостных крестьян, Радзивилл приказал своему наместнику принять все меры к подавлению «бунтов» и наказанию восставших²⁹⁷.

Будучи вовлеченным в длительную междоусобную борьбу с сандомирским воеводой Яном Тарло за имения Собеских²⁹⁸, И. Радзивилл вначале рассчитывал расправиться с восставшими местными силами²⁹⁹. Однако эти надежды не оправдались. Местные власти оказались бессильными подавить крестьянское движение.

Обеспокоенный, Радзивилл вынужден был обратиться к королевским властям и гетману Великого княжества Литовского князю М. Вишневецкому с просьбой оказать помощь в борьбе с повстанцами. В ответ на эти просьбы 13 сентября 1740 г. Вишневецкий приказал минскому стольнику и гусарскому поручику Володкевичу, хоругвь которого находилась в Кричеве, подавлять «всеми средствами всякие бунты», а если при этом возникнут трудности, то «давать знать самому гетману» и тогда будут направлены новые войска³⁰⁰.

Однако посланный против повстанцев воинский отряд оказался не в силах подавить восстание, так как, по словам описывавшего Кричевское восстание А. Мейера, «все дороги и леса были заняты разбойниками, и никому нельзя было выйти из местечка». Тот же А. Мейер подчеркивал, что «во время сего мятежа Речь Посполитая хотя и посылала для усмирения оногo войско, но оно, вместо того чтобы внезапным своим нашествием дальнейшее смятение отвра-

щать, Кричевскую область в бедственное еще привело состояние. Многие деревни были разорены, и бедные крестьяне вышли из разграбленных домов и по полям скитались»³⁰¹.

К середине 1741 г. антифеодальная борьба, в которую к этому времени было вовлечено несколько тысяч человек, охватила большую часть староства. Помимо Кричева, активными очагами восстания стали м. Хотимск, Милославици, Климовичи, д. Свирель, Церковищи, Каничи и др. Вскоре движение вышло за пределы Кричевского староства и охватило северную часть Мстиславского воеводства и даже значительную часть Витебского — Оршанский повет, где восстали крепостные крестьяне Сапег и Огинских³⁰². Непокойно было в это время в Шклове, принадлежавшем князю Чарторийскому, а также в Могилевской экономии³⁰³.

В апреле 1741 г. гетман Великого княжества Литовского получил известие о волнениях городского населения в Витебске. Он немедленно направил полковнику Огинскому распоряжение выяснить, «откуда пошло зло», и установить в городе порядок. В случае же бунта Огинский должен был направить в Витебск солдат полка пешей гвардии, который находился в районе Минска³⁰⁴.

В связи с создавшимся положением Радзивилл вынужден был отказать Ш. Ицковичу в аренде и передать на два года староство шляхтичу Хрептовичу. Обстановка несколько нормализовалась, но не надолго³⁰⁵.

Новый арендатор стал проводить ту же политику ограбления крестьян, что и его предшественники. Он облагал сельское население денежными поборами, заставлял обрабатывать не только свои, но и шляхетские земли, отправляя жителей староства с подводами для перевозки грузов, обязывал продавать ему по заниженным ценам сельскохозяйственные продукты, взимал непомерные штрафы, требовал подарки и т. д.³⁰⁶ Владелец староства, в свою очередь, неся большие убытки от приостановки работ на лесных промыслах, пытался вернуть крестьян к их прежнему принудительному труду. В марте 1743 г. он обратился к населению со специальным универсалом, который гласил: «Всем вообще и каждому в отдельности извещаю, что так как мои поташные буды, расположенные в этом же старостве, в связи с создавшейся обстановкой, по причине вашего неповиновения в течение нескольких лет, разрушены до

основания и не дают моей казне никакого дохода, я, желая видеть их в прежнем состоянии, настоящим моим универсалом приказываю всему кричевскому посполству, чтобы все названные поташные буды были немедленно восстановлены и полностью возобновили работы»³⁰⁷.

Летом 1743 г. после временного спокойствия антифеодалная борьба в старостве вновь резко обострилась и приобрела характер открытых вооруженных действий.

Крепостные крестьяне и низы городского населения убивали купцов, арендаторов и ростовщиков, разрушали их дома, уничтожали долговые обязательства и другие кабальные документы, избивали и изгоняли из староства княжеских чиновников³⁰⁸. Городские заправила жаловались Радзивиллу, что восставшие обложили высокими податями богатых и за счет собранных таким путем средств оказывали помощь бедноте³⁰⁹.

Представители господствующей верхушки, католическое и униатское духовенство, бросая имущество, бежали из староства³¹⁰.

Осенью 1743 г. Радзивилл прислал в Кричев нового губернатора П. Телецкого. Попытка последнего установить свою администрацию во всех волостях Кричевского староства натолкнулась на решительный отпор со стороны восставших. Под предлогом проверки полномочий Телецкого В. Вашило вместе с собравшимися в Кричев сельскими войтами заставил его выехать из города³¹¹. Управление староством фактически оказалось в руках восставших.

Район восстания разрастался. Намечался поход на Могилев, Шклов, в Оршанский повет³¹², в пределы центральной, западной Белоруссии и даже Литвы. С этой целью, как видно из манифеста 1744 г., адресованного Главному трибуналу Великого княжества Литовского, одна часть повстанцев под командованием полковника Харьки должна была выступить борисовским трактом, вторая во главе с майором Антипко — на Брест, третья, возглавляемая самим Вашило, — на Вильно. В этом же документе В. Вашило, «атаман и великий гетман», провозглашал, что будет вести борьбу в защиту «христианства» против ростовщиков, арендаторов и их покровителей в Белоруссии и Литве, гарантировал неприкосновенность шляхетского имущества. Под свои знамена В. Вашило призывал всех желающих³¹³.

В начале января 1744 г. за усмирение восстания взялся И. Радзивилл. Он навербовал новых рекрутов, из Крулевца

доставил снаряжение и порох, из Слуцка в староство была направлена радзивиловская милиция — несколько сот казацкой конницы и несколько сот пехоты с пушками, из Невеля и Себежа — 200 конных солдат и пушки. На наем войска, его обеспечение и содержание в связи с «кричевской нуждой» Радзивилл израсходовал около 200 тыс. злотых³¹⁴.

Собрав и вооружив значительные силы, Радзивилл направил их в Кричевское староство. Предвидя, что восставшие крестьяне и горожане смогут бежать, спасаясь от расправы, за польско-русскую границу, он обратился с письмом к командованию русского форпоста, находившегося на границе с Кричевским староством, с просьбой не пропускать их, а задерживать и выдавать бунтовщиков в руки его военных властей³¹⁵.

15 января 1744 г. карательные войска, возглавляемые полковником Пестжецким, вступили в Кричев и расположились в замке. Попытки Пестжецкого склонить восставших к повиновению путем распространения среди населения староства универсалов Радзивилла, призывавших к покорности, не увенчались успехом. Не явились в Кричев для получения соответствующих распоряжений и сельские войты³¹⁶.

Основные силы повстанцев концентрировались в это время в восточной части староства — в районе Михалева за р. Сож. На вооружении у них были ружья, рушницы, диды, косы, рогатины, колья и даже дубовые пушки. Последние изготавливал крепостной шляхтича Гольинского П. Козмячко.

Восставшие были организованы в отряды во главе с атаманами. Как видно из манифеста Вашило, помимо гетмана, у них были полковник, майор и, надо полагать, другие командные должности³¹⁷.

Получив известие о прибытии радзивиловского войска в Кричев, повстанцы решили атаковать его. 18 января 1744 г. свыше 2 тыс. восставших подошли к городу. Окружив замок, крестьяне и поддерживавшие их горожане вначале обстреляли его из пушек, а затем под барабанный бой, с криками «наш город, наш город» бросились на его укрепления. Развернулось ожесточенное сражение. В битве погибло свыше 100 крестьян и горожан, 500 человек было ранено, 77 попало в плен³¹⁸. Повстанцы были вытеснены из города.

Однако, несмотря на поражение, крестьяне и горожане не сложили оружия. Сконцентрировавшись в с. Царковице, они собирали силы для новых боев. Руководители восстания разработали план дальнейшей борьбы, в соответствии с которым намечалось осадить кричевский замок и путем длительной блокады заставить гарнизон капитулировать. Узнав об этом, полковник Пестжецкий решил предупредить восставших и неожиданно напасть на их лагерь. Ранним утром 26 января войска незаметно подошли к повстанцам и атаковали их. Захваченные врасплох, крестьяне и горожане не смогли оказать сколько-нибудь организованного сопротивления. В лагере началась паника, которая еще более усугубила обстановку. Во время боя повстанцы понесли большие потери³¹⁹.

Каратели учинили кровавую расправу над побежденными. «Кричев,— писал А. Мейер,— весь тогда был обгарен кровью, и расставленные по всем улицам на правом берегу виселицы и колья через несколько дней грозное и страшное представляли позорище (т. е. зрелище.— А. И.)»³²⁰. Многие повстанцы были брошены в тюрьмы.

Василию Матвеевичу Вашило удалось бежать на Украину в г. Мглин. Через русскую границу на Украину бежал и Богдан Вашило, по-видимому, брат Василия, также активный участник крестьянского восстания³²¹. Радзивилл неоднократно и настойчиво требовал выдачи Богдана, для чего специально посылал на Тимошковский форпост своих людей. Однако командование форпоста отказалось его выдать, ссылаясь на отсутствие царского указа, заявив, что Богдан уже направлен в Биев, откуда будет отослан в Киев³²². Ближайшие помощники В. Вашило попали в плен.

Состоявшийся 22 февраля 1744 г. суд в присутствии бурмистров и радцев под председательством губернатора староства П. Телецкого обвинил руководителей восстания «в организации бунтов в течение четырех лет, во время которых не желали признавать универсалов Радзивилла, принимая их за вымышленные, изгоняли со староства губернатора, комиссаров и подстарост, некоторых из них избивали, отнимали у них имущество, избивали и убивали арендаторов, купцов и других мещан, забирая все их богатство, и, наконец, с оружием в руках дважды выступали против войск самого Радзивилла»³²³. 16 крестьянских вожаков были приговорены к смертной казни. Другие наиболее активные участники были наказаны розгами.

Жестокая расправа над крестьянами и горожанами Кричевского старства вызвала народные волнения во многих ближайших районах. Сотни людей, спасаясь от зверств карателей, бежали в Россию и на Украину.

Основной причиной поражения Кричевского восстания явилась его стихийность и неорганизованность. Кроме того, руководители восстания допустили ряд ошибок: они не превратили Кричев в укрепленный центр, не организовали разведки и не смогли расширить район действий повстанцев.

Разгром основного очага восстания в Кричеве и жестокая расправа над его участниками не дали желаемого спокойствия светским и церковным феодалам. Отдельные отряды повстанцев еще долго действовали на территории старства, нагоняя страх на панов и городские верхи. Именно этим обстоятельством было продиктовано обращение в конце февраля 1744 г. руководящей верхушки Кричевского старства к Радзивиллу: «Господин наш милостивый, смилуйся над нами, мещанами, и всем подданством войтовства и волости, чтобы мы были свободны и сидели без боязни в своих избах и домах без гонения со стороны тех же самых главарей, т. е. Василия Ващилы, Стеся Карповича, Ветра Папетышки, которые несколько лет тому назад казне вашей светлости... сборов на повинностях отдавать не хотели и не вносили или от нас из волостей забирали, и еще раз просим милости нашего пана защитить нас в избах, домах и костеле»³²⁴. В том же месяце большой отряд повстанцев напал на Хотимск и разгромил дом наместника. Повстанцы ушли из города только при приближении отряда войск в 150 человек, высланных из Кричева³²⁵. Вскоре, однако, каратели настигли повстанцев и разгромили их. Многие крестьяне были взяты в плен и казнены³²⁶. В другие районы Белоруссии, охваченные восстаниями, были направлены войска, которые учинили кровавую расправу над крестьянами³²⁷.

В обстановке непрекращающегося крестьянского движения владелец старства вынужден был пойти на некоторые уступки населению. Несколько позже, в 1749 г., князь И. Радзивилл в специальном обращении к жителям старства писал: «Хотя за прошлые бунты в течение нескольких лет князь и наказывал, однако сейчас он навсегда возвращает давние вольности и предлагает крестьянам вернуться на свои земли, освобождает крестьян от многих

повинностей и обещает им быть во всем защитником». Одновременно Радзивилл требовал от своих администраторов прекратить своеволие и злодеяние католических священников и монахов, которые стремились насильственно окатоличить жителей Кричевского староства. Кроме того, князь освобождал население от всяких работ на поташных заводах и по содержанию дорог, разбежавшихся крестьян призывал в годичный срок вернуться в свои дома, а всем купцам разрешил, как и прежде, скупать пеньку, масло, воск и вести торговлю, обещая оказывать им свое покровительство³²⁸. Однако остановить освободительное движение, ослабить остроту классовой борьбы в Белоруссии уже было невозможно.

ВЛИЯНИЕ ВОССТАНИЯ ГАЙДАМАКОВ НА АКТИВИЗАЦИЮ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В БЕЛОРУССИИ

В середине и второй половине XVIII в. большое влияние на развертывание классовой борьбы в Белоруссии (прежде всего в ее южной части) оказали казацко-крестьянские восстания на Украине, которые начались в 1710 г. и продолжались в течение нескольких десятилетий. Эта длительная и упорная борьба украинского народа против магнатов и шляхты Речи Посполитой вошла в историю под названием «гайдамачество».

В 40-х годах XVIII в. в связи с активными действиями отрядов гайдамаков на Правобережной Украине вновь оживилось антикрепостническое национально-освободительное движение в Белоруссии. Так, в 1743 г. в Мозырском повете произошло крупное выступление крестьян в Любечах, которые «зрбовали» село, принадлежавшее ксендзам Кембровским, и бежали на Украину³²⁹. В ноябре 1745 г. ротмистр Ш. Барановский получил приказ литовского гетмана выступить со своей хоругвью к Горволою и, объединившись с находившейся в этом районе хоругвью ротмистра Козловского, подавить начавшееся там восстание, а руководителей его пленить. Войска находились в районе Горволя около года и только в сентябре 1746 г. были отведены на зимние квартиры. Весной 1746 г. гайдамаки разорили Стрепшин. Виленская капитула была вынуждена обратиться за военной помощью к литовскому гетману.

В начале 1747 г. гайдамаки появились около м. Воробьевка. В связи с этим гетман приказал ротмистру татарской хоругви Ахматовичу, усилив ее радзивилловскими казаками и милицией, направиться к Воробьевке, установить местонахождение отрядов гайдамаков и, «если это будет по силе команде», разгромить их. Если же, говорилось далее в приказе, разгромить гайдамаков окажется невозможным, следует просить срочной помощи у ротмистра Олеевского, хоругвь которого находилась недалеко от Голохвастова, о чем последнему были даны соответствующие указания.

Вскоре, однако, оказалось, что силы гайдамаков настолько велики, что для их разгрома двух хоругвей, даже усиленных радзивилловскими казаками и милицией, явно недостаточно. Поэтому в декабре того же года гетман Великого княжества Литовского приказал польному стражнику Барановичу направить для борьбы против повстанцев еще две хоругви: Ш. Барановского, находившуюся на зимних квартирах в Мозыре, и Лисовского, стоящую в м. Загалье. С этим войском Баранович должен был «громить, хватать и уничтожать» новые «своевольные купы», появившиеся в Мозырском повете³³⁰. Однако и эта армия оказалась бессильной.

В декабре 1747 г. гетман получил известие о появлении вооруженных отрядов «гультайства» в Гомельском старостве. Туда в спешном порядке были направлены две хоругви литовских войск, остальные также должны были быть в любой момент готовы к выступлению.

Действия отрядов повстанцев на юге Белоруссии способствовали оживлению освободительной борьбы и в центральных районах. Так, в 1744 г. происходили волнения среди горожан Слуцка. Радзивилл приказал коменданту крепости предотвращать «подобные бунты»³³¹. В апреле 1748 г. против бесчинствующего отряда шляхтичей восстали жители д. Домошаны в радзивилловском имении Драчково Минского воеводства. В выступлении принял участие свыше 100 крестьян, которые разгромили отряд шляхтичей. Во время боя был убит управляющий владением, тяжело ранены несколько шляхтичей. Выступление домошановских крестьян перепугало администрацию имения. Один из управляющих сообщил Радзивиллу, что под влиянием этого выступления «заволновалось все минское воеводство и немало должностных лиц сбежало в Минск»³³². Одновременно он просил владельца имения принять реше-

тельные меры для подавления восстания, опасаясь повторения событий, происходивших в Кричевском старостве³³³.

Летом 1743 г. вспыхнуло восстание крестьян Чечерского староства. В августе того же года заместитель командира пятигорской хоругви Рейницкий получил приказ выступить со своей хоругвью в Чечерское староство и разгромить повстанцев. В 1751 г. в Чечерск прибыл еще один воинский отряд в составе 60 человек³³⁴. Киевский генерал-губернатор М. И. Леонтьев писал в послании к наместнику Киево-Печерской лавры в 1748 г., что за Днепром как в «малороссийских, так и в Польше в разных местах весьма многие и неслыханные оказались разбой»³³⁵.

В середине XVIII в. серьезные крестьянские волнения происходили в Глуском графстве Радзивиллов. Они отражены в инвентаре 1756 г., где говорится, что крестьяне Погостского войтовства ранее поднимали «бунт и восстание», выходили из повиновения, совершали «разбойные действия». Администратору от имени магната предписывалось добиваться от подданных повиновения, строго наказывать непокорных, «усмирять бунты и своеволие»³³⁶.

В середине 50-х годов XVIII в. на Правобережной Украине снова развернулось мощное гайдамацкое движение. В основе его лежала борьба против феодально-крепостнического гнета. Этому движению были свойственны формы, типичные для всех крестьянских восстаний эпохи феодализма, — захват помещичьих имений, уничтожение документов на владения, убийства феодалов-крепостников, арендаторов и ксендзов. Повстанцы стремились освободиться от тяжелого национального гнета, направленного на колонизацию украинского и белорусского населения. Борясь против католицизма, они выступали в роли борцов за православную веру. Как это нередко бывало в эпоху феодализма, выступления против социального гнета приобретали форму борьбы против религиозных притеснений³³⁷.

Отряды гайдамаков состояли в основном из крестьян и запорожской «голытбы». Встречались в их составе и мещане, разорившиеся вследствие упадка ремесла и торговли и вынужденные покинуть город. Руководящую роль в этом движении играли запорожские казаки, обычно выдвигавшие руководителей отрядов, именовавшихся атамами или ватажками.

Вместе с украинскими крестьянами и горожанами активное участие в движении гайдамаков принимали выход-

цы из Белоруссии³³⁸. Так, например, перед военным судом в 1749 г. дал «добровольное сознание» И. Лях из с. Мокрицы Новогрудского воеводства, которому «от дому шляхетского имя... было Иван Сулистрович»³³⁹. В составе гайдамацкого отряда, действовавшего в прикиевских селах в 1758 г. и громившего шляхетские имения, активное участие принимал некий П. Лях³⁴⁰. В 1759 г. привлекался к ответственности за участие в нападении на м. Гостомель поданный Речи Посполитой А. Лях³⁴¹ и т. д.

В связь с гайдамаками вступали посылаемые против них казаки, а также солдаты русских форпостов, расположенных вдоль русско-польской границы. Терпя материальные недостатки, издевательства от своих командиров, а также сочувствуя освободительному движению, русские солдаты не только пропускали гайдамацкие отряды за границу, но даже нередко выступали в роли их проводников. Гайдамаки Г. Кисленко и Г. Пархоменко, пойманные 15 мая 1752 г. ротмистром Ошмянского повета, рассказывали, что ночью прошли они вдоль р. Сож к с. Хоминки в трех километрах от Лоева, «где на той стороне против деревни стоит караул»³⁴². Пока они готовили «кушание», местный шинкарь и какой-то «мужик» были посланы за лодками. Шинкарь нашел две лодки, а «мужик» сбежал и сообщил караулу о гайдамаках. Однако караульные солдаты отнюдь не спешили преследовать повстанцев. Более того, гайдамаки сами явились к караулу за «мужиком», «там его немилостиво били», а затем, «запрося с караула солдата», ездили в с. Хоминку «на польскую сторону». Эти же гайдамаки признались, что там, «где караулы были без команды (т. е. без офицеров.— А. И.), там они никакого не имели затруднения, но паче солдаты и казаки караульные просили у них хлеба, но гайдамаки, как сами были скудны, не давали, а при возврате обещались им дать хлеба и нечто из денег»³⁴³.

Ведя борьбу за освобождение от социального и национально-религиозного гнета, отряды повстанцев проявляли исключительную храбрость и героизм. По словам современника И. Китовича, гайдамаки, «зная, что в случае поимки им угрожает мучительная смерть, защищались постоянно до последней крайности; обыкновенно нужно было выставить отряд в 200—300 и более человек нашего войска, для того чтобы одолеть 50 гайдамаков. Равному или незначительно только превосходящему их числом войску они никогда не уступали»³⁴⁴.

С весны 1750 г. гайдамацкое движение стало быстро распространяться на юге и юго-западе Белоруссии. Прибывшие с Правобережной Украины небольшие гайдамацкие отряды, состоявшие в основной своей массе из белорусских крестьян и горожан, быстро пополнялись за счет местного населения и, рассеявшись по всей долине Припяти, громили имения церковных и светских феодалов, захватывали и сжигали шляхетское добро, уничтожали все попадавшиеся им долговые документы, разрушали костелы и униатские церкви, нередко убивали католических и униатских священников, арендаторов, корчмарей, ростовщиков, представителей белорусской православной господствующей верхушки — шляхтичей, купцов и т. п. Так, в апреле—мае 1750 г. на территории России были пойманы 15 гайдамаков из отрядов, действовавших на Полесье, разорявших имения шляхты и арендаторов в м. Чернобыле, Толокуне и Норовле. Пленные гайдамаки на допросе показали, что «было их всех в тех местечках в собрании в одной партии 20, в другой 11 человек..., а из них поляками по поимке повешено двое, да третий застрелен»³⁴⁵. В связи с этим государственная военная коллегия предписывала киевскому генерал-губернатору М. И. Леонтьеву «в сыску, поимке и искоренении вышеписанных вновь появившихся гайдамаков найприлежнейшее старание, дабы оных не только чтоб до больших собраний и грабежей допустить, но и во всем искоренить»³⁴⁶.

Весной 1750 г. волнения крестьян начались в районе Хальчи и Речицы. Близость русской границы способствовала тому, что вскоре здесь появились отряды беглых крестьян и гайдамаков, которые были привлечены магнатом Халецким для борьбы против А. Радзивилла за Хальч, Жлобин и другие города и местечки.

Опираясь на восставших крестьян и гайдамаков, Халецкий нанес в июле 1750 г. поражение милиции Радзивилла и в конце года изгнал его из старства³⁴⁷.

Опасаясь вспышки крестьянского восстания в своих имениях и появления нескольких десятков отрядов гайдамацких «мятежников», Альбрехт Радзивилл просил своих двоюродных братьев Иеронима и гетмана Великого княжества Литовского Михаила Радзивиллов оказать ему военную помощь в борьбе против Халецкого. Получив ее, Альбрехт 28 мая 1751 г. вблизи Хальчи наголову разгромил отряды Халецкого. В сражении, продолжавшемся пять

часов, погибло свыше ста восставших, столько же попало в плен. Несколько сот повстанцев, спасаясь от преследования, утонуло во время переправы через реку. Альбрехт занял Жлобин и другие имения³⁴⁸.

Одному из предводителей «куп гультайства» Мурашке удалось уйти от поражения. Будучи раненным в ногу, Мурашке переплыл Сож и вновь стал собирать вокруг себя отряды. Однако в конце мая — начале июня Альбрехт нанес ряд новых поражений повстанцам. 15 июня Мурашко был схвачен. 23 других атамана были отосланы под конвоем в Слуцк.

Летом 1750 г. отряды повстанцев разгромили монастырь цистерцианцев в Кимбровке, в окрестностях Мозыря, опустошили имение Пинской иезуитской коллегии и т. д.³⁴⁹ Ротмистр Ошмянского повета Рокицкий жаловался 25 августа 1750 г. киевскому генерал-губернатору М. Лентьеву, что «в Брагине и Лоеве не имеет покоя от гайдамацких компаний»³⁵⁰.

26 сентября 1750 г. Рокицкий вновь писал киевскому генерал-губернатору, что на его имения, расположенные близ м. Лоева, непрерывно нападают гайдамаки, разоряют и жгут их, а поэтому даже «посреди дня... в домах сидеть небезопасно», и просил оказать военную помощь в борьбе с повстанцами. Из письма видно, что в отрядах, действовавших в этих районах, наряду с украинскими гайдамаками активно боролись белорусские крестьяне и горожане, бежавшие на Украину. «...Понеже тех разбойников товарищ (кой в Любечу обретається под караулом) сознал пред смертью, прежде нежели ево повешено в Мозыре, яко они все три родом были с польской стороны», — и Рокицкий просил выдать ему и остальных двух повстанцев, содержащихся под караулом в Любече³⁵¹.

Хотя некоторые отряды, действовавшие в этом районе, были немногочисленны (насчитывали по 12 человек), но они наводили страх даже на регулярные команды русских форпостов. Секунд-майор Голоцом из Любечского форпоста сообщал 23 июля 1750 г., что 17 июля на подданного Любечской волости в лесу напали «два разбойника, росту большого, оруженные и, взяв ему руки назад, завязали и привели на свое становище»³⁵². Этот же крестьянин увидел на «становищи» «человек с 13, тако ж росту большого и у всякого по паре пистолет, по ружью и по великому долготому ножу»³⁵³. И русский капитан Свешников не стал

преследовать отряд повстанцев, объясняя это тем, что «будучими при мне шестью человеками солдатами такой сильной оруженной руки взять было не можно»³⁵⁴.

31 июля 1750 г. эти 12 человек напали в с. Верхние Жары на местного священника и арендатора. Они же в с. Игрушины «попа Павла Лазниченко разбили и двор огнем спалили». Такая же участь постигла и арендатора. Тогда же гайдамаки сожгли двор арендатора и в с. Сувиды³⁵⁵.

Активно действовал в августе 1750 г. отряд повстанцев в районе Петрикова. Пленный гайдамак И. Павленок показал при допросе, что отряд сформировался в Киеве, прибыл к Припяти и, взяв в проводники местного крестьянина, на двух лодках поплыл вниз к местечку, в котором жил маршалок Оскирка. Когда гайдамаки подошли к местечку, стало светать, и они вынуждены были спрятаться в кустах. В полдень отряд был обнаружен разъездом регулярных войск. Во время перестрелки повстанцы убили одного солдата, разогнали разъезд, отбили у него две лошади и двинулись в д. Бабичи, где разорили дома священника и арендатора³⁵⁶.

В том же месяце небольшой отряд гайдамаков, состоявший из 11 человек, напал на Брагин, разорил дворы арендаторов и скупщиков, да «в том же местечку Брагине отбили он, Филип, з товарищами своими,— показывал в Нежинском полковом суде гайдамак Ф. Клименко,— в польском дворце двух человек колодников и единого хлопця, кои содержались тамо под караулом в колодках, и те колодники объявили им о себе, что они полку Нежинского, местечка Олишевки жители, еден Стефан, а другой — Иосиф, третий же хлопец»³⁵⁷. Затем отряд гайдамаков, к которому пристали освобожденные колодники, разгромил дворы арендаторов в м. Хомичи³⁵⁸.

В сентябре 1750 г. Ф. Москал, крепостные крестьяне Гордей, Лаврин и некоторые другие, приговоренные ранее за участие в гайдамацком движении к смертной казни, но бежавшие из-под стражи, действуя в составе «своевольной купы», напали на имение Пинской иезуитской коллегии Махновичи, разгромили его, избили сельского войта, взяли у него деньги и имущество³⁵⁹.

Осенью 1750 г. белорусское Полесье было наводнено многочисленными гайдамацкими отрядами. Светские и церковные феодалы из-за ухода крестьян к гайдамакам или

же из-за их отказа от выполнения барщины и внесения оброка лишались дохода с имений. Прекратилось ведение судебных дел в городских и земских судах. Города подвергались нападениям со стороны повстанцев.

Важнейшим залогом успеха гайдамацких отрядов, действовавших на территории Белоруссии, являлась, по свидетельству Рокицкого, широкая помощь, оказываемая местным населением и солдатами русских форпостов. В письме киевскому генерал-губернатору М. Леонтьеву от 10 сентября 1750 г. он писал: «То неблагополучие, которым со всех сторон мы окружены, чрез непрерывные разбои, грабительства и гайдамацкие нападения, побуждает меня к частой корреспонденции с В. Я., донося, что за теми разбойниками, которые в сих часах вотчины мои ограбили... в погоню людей моих посылал и оных угнали над рекою Сожею, где из них компании двух гайдамак подстрелено, моих же четырех людей до смерти они убили, а несколько ранено, а то неблагополучие впоследствии имело чрез неустойку собственных моих мужиков, ибо, усмотря убитые тела, тотчас разбежались»³⁶⁰. Совершенно очевидно, что не убитые явились причиной бегства «мужиков» с поля боя, а их нежелание бороться против своих собратьев по классу.

Особенно активно на территории Белоруссии действовал повстанческий отряд под предводительством И. Подоляко. Сам Подоляко происходил из бедной крестьянской семьи с. Крапивны на Переяславщине. После смерти отца двенадцатилетним мальчиком он ушел в Запорожскую Сечь, где 16 лет работал по найму, а затем с другими запорожцами он ушел на р. Ташлик и жил среди ногайцев.

Вскоре, оставив бродяжничество, И. Подоляко решил стать монахом и поселился в Киеве вначале в Михайловском, а затем в Софийском монастыре. Здесь он познакомился с сечевым казаком Матвеем, «литовцами» Антоном и Данилой Путятами³⁶¹. Собрав еще 9 человек и раздобыв «стрильб чотыри ручьных, пороху... и олову»³⁶², они двинулись в путь. Перейдя выше Гостомля через р. Ирпень на территорию Речи Посполитой, гайдамаки направились к Горнойстайполю, «не беручу нигде переведника, бо Пущятове ведали дорогу»³⁶³.

Обойдя Горностайполь, отряд Подоляко по р. Тетерева на челне двинулся к Приборску. В Приборске произошла первая стычка с местной охраной, во время которой несколько охранников было убито. Приборск был взят, «за

тое... же поп и староста приборецкие Пуцятов, утекающих з Литвы, перед тим судили и били»³⁶⁴. Отсюда отряд Подоляко по р. Тетереве спустился вниз и направился в Полесье, где, пользуясь широкой поддержкой местного населения, переходил с места на место, громил имения светских и церковных феодалов. Особенно большую помощь оказывали отряду проводники, в числе которых были не только крестьяне, охотно предлагавшие повстанцам свои услуги, но и мещане, ремесленники и даже «директора» (т. е. домашние учителя.— *А. И.*). Так, из с. Сукачи до Обухович гайдамаков провели двое Иванковских крестьян, а до м. Народичи — крестьянин Данила. В д. Сельцы в отряд пришел сын местного мельника Яков, проживший в Запорожской Сечи четыре года. Возобновив знакомство и доставив продовольствие, он сказал гайдамакам: «Возьмете з меня пояс и звяжите мне руки, и проведте, жебы люди знаиман не мовили, же я самохотне вас проведжу»³⁶⁵. Когда повстанцы подошли к м. Народичи — имению крупного феодала Ласковского, Яков заявил: «Ажидайте меня здесь, а я пойду в Народичи абачу, ежели есть, або нема варти, ежели есть, то пришовши на дорогу недалеко вас поставлю крестик мали, а на нем положу два карби (т. е. коробки.— *А. И.*), а ежели нема и добри час буде напасть, то три карби». Четыре дня гайдамаки ожидали сигнала, пока, наконец, в условленном месте появился крестик и три коробки, что означало: «Охраны нет — можно нападать на имение». В это же время Ласковский, узнав о появлении гайдамаков, собрал свою дворню и, взяв того же Якова в качестве проводника, выступил им навстречу. Однако Яков повел карателей не к гайдамакам, а в обратную сторону, где они, «перетрясши лес и ничего не знайшовши», вынуждены были разойтись по домам. Ночью гайдамаки напали на имение, разгромили его, отобрали оружие у панских казаков и, взяв проводника, выступили на Кесарево — Великую Дубраву, а затем к Радомышлю. Им удалось поймать губернатора Радомышля Притыку. Вместе с пленником гайдамаки подошли к замку и, «поставивши под палисада дилов два, семь гайдамаков перелезло, варти человек сорок повязало». Притыка вынужден был приказать сторожам открыть ворота. Повстанцы захватили городок и замок.

Через некоторое время отряд И. Подоляко распался, так как часть его ушла через границу в Россию, некоторые

были пойманы правительственными войсками, другие вернулись в Киев ³⁶⁶.

Осенью 1750 г. И. Подоляко со своим сподвижником Павло, выйдя из Киева, поплыл вниз по Днепру к Ташлыку Плетеному, где, «змовившись з своими ведомими.., купу (т. е. отряд.— А. И.) забрал».

Следует подчеркнуть, что и в этом отряде И. Подоляко наряду с украинцами и запорожскими казаками были также выходцы из Белоруссии, о чем свидетельствуют их фамилии — Т. Литвин и С. Минский. В качестве проводника был Л. Хромой из м. Мотовиловка, охотно согласившийся провести гайдамаков за русско-польскую границу. Путь отряда проходил мимо Канева, Богуслава, Лиснянки, Корсуня, Белой Церкви, Фастова, Мотовиловки, Ясногородка «аж ку Днепру».

Скрываясь днем в прибрежных камышах, повстанцы ночами на лодках поднялись вверх по Днепру и Припяти, высадились в окрестностях Мозыря. В лесу недалеко от Любеча гайдамаки встретили крепостного кембровских ксендзов Стефана, который согласился вести их на Брагин. По пути к гайдамакам пристал еще один крестьянин, который также «поднялся добровольне провадити» отряд на Брагин. Захватив город, повстанцы разорили местную житочную верхушку, забрав «сукмани, монисто, серебро и деньги: в монете твердой (т. е. в крупной, полноценной.— А. И.) каждому по 10 руб., а дробной монете московской по рублей 5 и гривень шесть» ³⁶⁷. Из Брагина гайдамаки двинулись вдоль Припяти, громя имения феодалов.

По пути к отряду присоединялись все новые и новые люди. Так, при подходе к Припяти к гайдамакам присоединилось 5 человек, в том числе братья Вакула и Прокоп. Последний участвовал в разгроме шляхетских имений и раньше. В д. Волчково к отряду пристали «паробок» местного попа Ф. Малашниченко, два брата Каранденко. Стал проводником, а затем вступил в отряд сторож из с. Калиновка П. Сергиенко и т. д.

Повстанцы при активном содействии местного населения громили имения шляхты, расправлялись с купцами, местными должностными лицами — старостами, подстаростами и т. д. Когда отряд гайдамаков подошел к д. Волчки, ее жители просили повстанцев, «дабы подстаросту Волчковского збили и здерли, мовячи, же вельми злий» ³⁶⁸. По призыву И. Подоляко жители села сами наказали под-

старосту, которого «зрбовали, велми збили»³⁶⁹, а затем присоединились к повстанцам. Такая же участь постигла подстаросту в д. Базары³⁷⁰.

Действия отряда И. Подоляко вызвали переполох среди местных феодалов и должностных лиц. Для борьбы с повстанцами было послано местное шляхетское ополчение и регулярные войска. В лесу у с. Болешевичи произошло сражение гайдамаков с отрядом шляхтичей, которыми командовал брацлавский хорунжий В. Якубовский. Отряд наголову разбил карателей. Однако в следующем бою, на этот раз с воинским отрядом, гайдамаки, несмотря на мужественное сопротивление, потерпели поражение. И. Подоляко, раненный в ногу и грудь, вместе с другими повстанцами попал в плен. Часть отряда во главе с казаком В. Великим пересекла русско-польскую границу и ушла в Россию³⁷¹.

В борьбе против гайдамаков на помощь польским панам пришли царское правительство и старшина Запорожской Сечи: царизм опасался, чтобы пламя крестьянско-казацкого восстания 1750 г. не перебросилось на территорию крепостнической России; старшина же боялся выступлений запорожской казачьей бедноты.

К концу 1750 г. польская шляхта и царские войска подавили основные очаги восстания в районах Корсуня, Фастова, Медведовки. Были рассеяны наиболее крупные повстанческие отряды и на юге Белоруссии.

Однако разгром основных очагов восстания 1750 г. не дал желаемого спокойствия феодалам. Борьба против магнатов и шляхты не прекратилась. Хотя крестьяне и потерпели поражение, но они не были покорены и, опираясь на помощь украинских повстанцев, продолжали оказывать упорное сопротивление своим угнетателям.

Весной 1751 г. гайдамаки вновь появились в Белоруссии. Активизировалось и движение местных крестьян. Ротмистр Ошмянского повета А. Рокицкий в письме от 10 мая 1751 г. сообщал киевскому генерал-губернатору, что «немалое число» гайдамаков, перейдя границу, «больше прошлогоднего чинит в нашей стороне нападения, грабительства и великие обиды» шляхетским имениям, расположенным вдоль Припяти³⁷². Российская коллегия иностранных дел в своем предписании Военной коллегии, а также в грамоте украинскому гетману Разумовскому от 9 июля 1751 г. констатировала, что гайдамацкое движение, несмотря на посылку

в 1750 г. крупных воинских команд, не только не ослабло, но даже усилилось. В предписании подчеркивалось, что гайдамаки уже не ограничиваются нападениями на панские имения. Они вступают в бой с регулярными войсками. Исходя из этого, Военная коллегия приказывала гетману принимать решительные меры для ликвидации движения гайдамаков³⁷³.

19 апреля 1751 г. отряд гайдамаков, в составе которого были С. Шарой, С. Верчич, И. Лапай, Р. Лях и другие, напал на имение канцлера Великого княжества Литовского Чернобыль, а также разгромил дом «знатной тамошней арендарки» Мейнихи. О решительности этого нападения свидетельствует то, что произошло оно не ночью, а днем³⁷⁴. Из Чернобыля гайдамаки двинулись дальше «с тем.., чтобы учинить нападение на местечко Наровлю» — имение мозырского маршала Оскерки. По пути следования отряд попал в засаду хоругви регулярного войска Великого княжества Литовского. Во время боя с жолнерами гайдамаки потеряли восемь человек, двое из которых, в том числе и атаман, были пойманы и повешаны, третий убит, а пять человек попали в плен³⁷⁵. Однако 26 апреля повстанцы с примкнувшими к ним белорусскими крестьянами разгромили Наровлю, забрали «деньги, клейноты, разное платьё, знаменитую серебряную посуду... и то все, на 4 дуба положа, пошли в длину р. Припятью до Днепра». В связи с этим Рокицкий просил киевского генерал-губернатора принять решительные меры для успокоения «разъезжающих в Польше гультаев и непропуске их чрез малороссийские границы»³⁷⁶.

6 мая гайдамаки вновь появились в Наровле. Они объявили местным жителям, что хотят атаковать панский двор и «свое искусство в местечке тамошнему губернатору показать»³⁷⁷. Об этом заявлении стало известно губернатору. Однако он «в разсуждение робости крестьян», не желавших сражаться за чуждые им интересы и открыто сочувствовавших повстанцам, не осмелился дать бой в местечке, а решил «для вящей безопасности» защищаться в своем дворе, надеясь «на ограду и на стрельцов, коих он у себя малое число имел»³⁷⁸.

7 мая гайдамаки, чтобы выманить защитников двора за его стены, подожгли корчму. Однако губернатор не поддался на эту хитрость, а, «одевшись в крестьянское платьё, защищал двор с людьми безотлучно».

Около полудня гайдамаки подошли к дворовым бастионам. Чтобы избежать кровопролития, атаман предложил осажденным уплатить 100 талеров контрибуции и выдать арендаторов и ростовщиков. Когда осажденные отказались сдаться, «все вдруг через ворота перескочили и с несказанною скоростью с копьями и рогатинами так шибко управлялись, что в одно мгновение оне всех людей разогнали»³⁷⁹.

В результате штурма двор был взят, губернатор попал в плен. Пушки и «худшее ружье», медную и оловянную посуду, а также кабальные документы повстанцы бросили в реку, а затем на рыночной площади организовали гулянье.

Только активной поддержкой местного населения и беспримерным мужеством повстанцев можно объяснить то, что небольшой отряд гайдамаков, вооруженных главным образом копьями и рогатинами, осмелился штурмовать городские укрепления, защищенные артиллерией, а после победы не спешил уходить из местечка.

Местные власти и направленные ранее в Мозырский и Речицкий поветы войска оказались бессильными в борьбе против повстанцев. В страхе перед крестьянским «бунтом» шляхта стала усиленно домогаться присылки новых воинских частей и их постоянного расквартирования в пределах этих поветов. Местный шляхтич Валович, например, в начале 1751 г. писал Радзивиллу, что на него напали гайдамаки и забрали несколько тысяч золотых, которые он получил за отданные в аренду села, расположенные около Холмеча. В связи с этим Волович просил гетмана послать в пограничные районы войска, так как, по его словам, солдаты двух хоругвей, находившихся недалеко от местечка Холмеч, при появлении гайдамаков разбежались³⁸⁰. В марте 1751 г. послы Мозырского повета, прибывшие к литовскому гетману, также жаловались на постоянные наезды гайдамаков и бунты собственных подданных, прося присылки новых военных сил. В ответ на эту просьбу гетман направил в Мозырь полковника Барановского с четырьмя хоругвями. Всего в этот район Полесья прибыло около половины всей кавалерии Великого княжества Литовского. Войскам предписывалось явиться в Мозырь к 12 мая и, расположившись там, громить отряды повстанцев и гайдамаков, обеспечивая спокойствие в Мозырском и Речицком поветах³⁸¹. Пойманных с оружием гайдамаков, прибывших из России или Украины, Барановский должен был отправлять к гетману. «Нашего же края людей» (т. е. выходцев

из Белоруссии.— *А. И.*), присоединившихся к гайдамакам, следовало отдавать гродскому или какому-либо ближайшему местному суду³⁸².

Однако ни посылка войск, ни жестокая расправа не привели к «искоренению» восстания. Так, в мае 1752 г. отряд гайдамаков в количестве 25 человек осуществил ряд военных актов в районе Лоева³⁸³. Этот отряд сформировался в Киеве, откуда вверх по Днепру приплыл к р. Брагинке, а затем поднялся к Лоеву. По пути повстанцы сожгли корчмы в д. Хлибовке, Жары и Рудне, убили шляхтича Вышпольского, разорили гуту около д. Хоминка и несколько шляхетских дворов под Гомелем. В районе Лоева отряд повстанцев был обнаружен солдатами местного гарнизона. Вначале повстанцы «свежих лошадей под себя и под телеги по дворам брали и к русской границе утекали». Но когда погоня настигла гайдамаков, они, «отоборясь возами взаимно по лойвским жолнерам стреляли и с коляями выбегали», оказывая в течение нескольких часов упорное сопротивление карателям. Потеряв троих убитыми и двух пленными, гайдамаки бежали за границу³⁸⁴.

В октябре 1752 г. толпы повстанцев появились в Пропойском старостве. Против них гетман Великого княжества Литовского направил 7 хоругвей регулярного войска³⁸⁵.

Подсудья Мозырского повета Я. Пржибора 14 декабря 1755 г. писал секретарю русского посольства в Речи Посполитой Ржичевскому, что «показанные в реестре собственные мои подданные», бежавшие в Россию, «в гайдамаки обратились» и, возвратившись обратно, громят его имения. Я. Пржибора подчеркивал, что его подданные для него более опасны, нежели гайдамаки, так как «о гайдамаках издали только слышно, а они» (т. е. крестьяне.— *А. И.*) имеют в его деревнях «своих родных братьев и сродственников и, находясь в близости, за границею могут ведать каждого дня, где я обращаюсь». Пржибора сообщал далее, что он «принужден находиться во всегдашней опасности и себя беречь», так как крепостные крестьяне «намерены меня живота лишить, кои уже и ожидали приезду моего из Кенигсберга, укрываясь в лесах чрез 2 недели и у своих сродственников, и, чиня разные грабительства», разорили его дом, захватили ружья, разрушили церкви и «за границу назад возвратились». Я. Пржибора «нижайше» просил принять все меры для того, чтобы защитить его жизнь и имущество³⁸⁶.

В 1756 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Мозырских имениях князя М. Радзивилла. Местная администрация оказалась не в состоянии справиться с этим выступлением, поэтому за его усмирение принялся сам Радзивилл. Восстание было подавлено, а его руководители казнены.

Упорную борьбу против церковных феодалов в 1754—1756 гг. вели крестьяне Стрешинской и Каменецкой волостей Мозырского повета. В д. Можары эти волнения переросли в восстание, для подавления которого были направлены две хоругви войск Речи Посполитой во главе с полковниками Барановским и Швыковским. Прибывшие регулярные войска подавили выступление крестьян.

Еще более ожесточенная борьба крепостных против феодалов в Стрешинской и Каменецкой волостях началась в следующем году. В нее было вовлечено несколько тысяч человек. Польский исследователь Б. Барановский указывал, что во время этого восстания за оружие взялось около 3 тыс. крестьян³⁸⁷. Характеризуя движение крепостных Каменецкой и Стрешинской волостей, польский историк М. И. Лех пишет, что «это была крестьянская война, по силе и масштабам до сих пор неизвестная для Великого княжества Литовского даже в сравнении с восстанием в Кричевском стростве»³⁸⁸. Восставшие были хорошо организованы, строили земляные укрепления, высылали разведку и даже пытались искать справедливости в шляхетских судах³⁸⁹.

В самом начале восстания Виленская капитула обратилась к нунциатуре (т. е. посольству папского двора.— *А. И.*) в Польше с просьбой склонить крестьян к послушанию. Больше всего капитула боялась, что крестьяне будут требовать земли³⁹⁰.

Попытка феодалов мирным путем склонить крепостных к повинности не увенчалась успехом. Поэтому для борьбы с восставшими в Каменецкую волость в октябре 1755 г. были направлены две хоругви под командованием ротмистра Швыковского. Силы восставших оказались настолько значительными, что прибывшее войско было разгромлено и отброшено за пределы Каменецкой волости³⁹¹. Характерно, что шляхетское войско вообще не спешило вступать в борьбу с каменецкими повстанцами в такой трудной болотистой местности, как Полесье. После первых же стычек шляхта дезертировала из отрядов, разъезжалась по домам³⁹².

6 ноября 1755 г. гетман Великого княжества Литовского направил на подавление восстания еще три хоругви под командованием поручика Н. Понятовского. Считая, однако, эти силы недостаточными, гетман приказал Понятовскому договориться с полковником Храповицким о привлечении для борьбы с повстанцами находившихся под его командованием воинских отрядов. Вскоре на помощь Понятовскому была направлена радзивилловская пехота с пушками и 300 казаков из украинских имений гетмана во главе с полковником Мотовидлой, а также отряд польских войск³⁹³.

Когда каратели вступили в пределы волости, восставшие выслали делегацию для переговоров. Соглашение, по-видимому, не было достигнуто, и поэтому крестьяне с семьями и имуществом ушли в Каменщину. Там они устроили укрепленный лагерь. Когда войска подошли к лагерю, крестьяне открыли по ним сильный ружейный огонь, а затем перешли в наступление. После часового боя войско Понятовского начало отступление, превратившееся в беспорядочное бегство. Восставшие преследовали их до Убороти, расположенной в 15—20 км от Каменца.

Понятовский позже жаловался, что каноники обманули его, сообщая о том, будто взбунтовалась только одна д. Можары. В действительности район восстания оказался гораздо более значительным. По словам одного из офицеров, вся Каменецкая волость, насчитывавшая 700 хозяйств, единодушно восстала. Непокойно было также в Уборецкой волости³⁹⁴.

Разбив и изгнав карателей, крестьяне сел и местечек, находившихся в нескольких милях от Каменщины, вывезли ценное имущество в леса, а сами, оставив дома пустыми, ушли в м. Славечно. Здесь восставшие создали укрепленный лагерь, в котором собралось несколько тысяч человек. Место это было хорошо защищено холмами, болотами и рвами.

В начале 1756 г. район восстания расширился, охватив всю территорию Каменщины. Повстанцы поклялись защищать свои интересы до конца. Не помогла агитация со стороны подсланных из Уборецкой волости попов. Восставшие заявили, что они «не поддадутся, а будут защищаться до последнего, даже если придется сложить свои головы». Они продолжали укреплять замок, перекрыли все дороги и готовились к решительной борьбе.

Опасаясь дальнейшего расширения района восстания и новой «хмельниччины», Понятовский решил неожиданно напасть на лагерь повстанцев и захватить руководителей восстания. С этой целью глубокой ночью воинский отряд из 80 человек вступил в Славечно и подошел к замку. Однако защитники «так сильно из самопалов стали стрелять, что несколько лошадей сразу упало». Каратели вынуждены были отступить.

Положение Понятовского, дважды потерпевшего поражение, было тяжелым. Он находился во враждебном окружении, затруднена была доставка продовольствия для солдат и особенно корма для лошадей. Наконец, недостаток пехоты и артиллерии не давал ему возможности предпринять сколько-нибудь решительных действий против восставших. В отчаянии Понятовский просил гетмана освободить его от возложенных на него обязанностей.

Только в марте 1756 г. к Понятовскому из Несвижа прибыла пехота и артиллерия под руководством капитана Гиля, а также гетманская милиция и казаки под командованием Мотовидлы. Теперь отряды Понятовского направились под Славечно и, подойдя к местечку, осадили замок. Понятовский еще раз обратился к восставшим с требованием о капитуляции. Однако крестьяне вновь заявили, что будут защищаться до последнего. Тогда войска начали штурм повстанческих укреплений. Местечко было подожжено со всех сторон. 60 восставших во время штурма было убито, несколько десятков погибло в болотах и лесах при бегстве, 60 раненых было взято в плен. Победленных согнали на площадь. Одних приговорили к смертной казни через повешание, других к наказанию кнутом, пять человек были посажены на кол. 10 активнейших восставших были отправлены к князю Радзивиллу в Несвиж. Однако руководителям восстания удалось бежать. Хотя Понятовский заверял, что сделает все, чтобы сбежавшие никогда более не нарушали спокойствия, поймать их не удалось³⁹⁵.

Торжествовать победу было еще рано. Крестьяне потерпели поражение, однако они не смирились с крепостническим гнетом и вместе с гайдамаками продолжали борьбу. Так, в декабре 1759 г. полковник Храповицкий получил приказ гетмана Великого княжества Литовского мобилизовать свои хоругви для подавления усиливающегося крестьянского движения³⁹⁶. 25 июня 1760 г. подольский воевода В. Ржевусский в письме на имя польского надворного мар-

шала Е. Мнишка отмечал: «Гайдамаки очень усиливаются, по 600 всадников рыскает, литавры, знамена, флажки имеют»³⁹⁷. В другом послании тому же Мнишку 29 июня 1760 г. Ржевусский писал: «По триста гайдамаков в одной своевольной группе ходят. Ни одно служебное лицо не сможет сопротивляться такому количеству людей, все в Каменце сидят»³⁹⁸. В одном из документов за 1761 г. подчеркивалось, что в имени Каменщина несколько лет тянулись «крестьянские бунты, угрожающие всему Белорусскому краю», на усмирение которых по распоряжению гетмана Великого княжества Литовского вновь были двинуты войска³⁹⁹.

Упорная борьба, которую вели крестьяне Стрешинской и Каменецкой волостей, заставила Виленскую капитулу пойти на уступки. Так, в уставе 1767 г. для Стрешина было записано: «Усердно рекомендуем держателю, чтобы бедные не были обижены богатыми», чтобы распределение чинша производилось в присутствии всех жителей и войта, предлагалось с большой осторожностью и без «отягощения подданства» взыскивать долги. Инструкция предписывала сохранить всю волость на чинше, как это было предусмотрено прежними инвентарями, требовала ограничить подводную повинность двумя подводами для доставки доходов в Вильно⁴⁰⁰.

Летом 1757 г. вспыхнуло крупное восстание в Новогрудке. Жители города отказались подчиняться власти воеводы и выполнять в его пользу повинности, а также «противились» королевским привилеям и «праву посполитому». Новогрудский воевода князь Яблонский обратился с жалобой к королю. В сентябре этого же года Август III специальной грамотой предписал новогрудским мещанам под угрозой штрафа в 2 тыс. коп (копа — 60 грошей.— А. И.) литовских грошей подчиняться власти воеводы, внести все налоги и быть послушными королевским привилеям⁴⁰¹.

В 70-х годах XVIII в. классовые противоречия в Белоруссии вновь обострились. Варшавский сейм 1764 г. вынужден был принять специальное решение об усилении охраны Мозырского повета от отрядов гайдамаков. В нем подчеркивалось, что «пограничный Мозырский повет не охраняется от набегов гайдамаков, уже неоднократно имевших место, поэтому, проявляя заботу о его безопасности, мы поручаем вельможному гетману Вел. кн. Лит., чтобы он обеспечил безопасность этого повета в соответствии

с его требованиями и настояниями при помощи постоянных войск Бел. кн. Лит.»⁴⁰².

Усилившееся крестьянское движение нашло свое отражение и в постановлении этого же сейма о привлечении к суду лиц, совершавших нападения на шляхтичей и их дома, и осуждении их на смертную казнь. Сейм 1764 г., проявляя заботу о неприкосновенности имущества и личности феодалов Великого княжества Литовского, вновь подтвердил решения многочисленных сеймов XVII — первой половины XVIII в. об уничтожении «банд» гетманами, военачальниками и другими должностными лицами и усмирении нарушителей общественного порядка. Его конституция предписывала воеводам и городским старостам, а также маршалам поветов преследовать и вылавливать с помощью солдат, а также ополчений местной шляхты тех, кто совершает нападения на шляхетские дома, и передавать их в городские, а во время бескоролья — в каптуровые суды. В постановлении подчеркивалось, что нарушители закона, нападающие на шляхетские дома и посягающие на личность феодала, должны быть приговорены к смертной казни⁴⁰³.

В связи с ростом крестьянского движения в 70-х годах XVIII в. в Белоруссии распространились слухи об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Светские и церковные феодалы, запуганные этими слухами, предпринимали все меры, чтобы не допустить этого. Так, шляхта Стародубского повета давала своим делегатам на сейм 1766 г. наказ о том, чтобы они «боролись против всяких попыток освобождения крестьян». Инструкция, врученная послам, гласила: «Не только в Литве, но даже во всем Польском королевстве разнесена весть на жаль (т. е. к огорчению.— *А. И.*) законнорожденного и перед родиной заслуженного обывателя, будто бы подданные простого состояния, купленные частью кровью предков, частью за гроши, заработанные в поте лица, приобретенные вместе с землей и крепко привязанные к ней многими конституциями, на ближайшем сейме будут добиваться вольности и этим самым шляхетскому сословию начинает угрожать полное разорение и нищета»⁴⁰⁴.

В 1768 г. началось восстание крестьян Киевского и Милейчицкого ключей Брестской экономии, находившихся в держании канцлера Чарторийского. Его непосредственным поводом явилась попытка дворовой администрации присоединить к фольварочным полям земельные участки,

разработанные крестьянами на лесных угодьях. Вначале крепостные игнорировали распоряжения двора и засевали освоенные ими участки земли. Однако урожай с них был собран двором. На второй год администрация фольварка отвела эти земли под озимую рожь, но крестьяне вновь засеяли их. И на этот раз доход достался казне его королевской милости⁴⁰⁵.

Доведенные до отчаяния, в марте 1768 г. крепостные подняли восстание. Они, как сообщала администрация экономии писарю польному Великому княжества Литовского, «никакого послушенства не чинят, повинностей согласно инвентарю выполнять не хотят, на дворовую администрацию дерзко покушаются и бунтуют»⁴⁰⁶.

Центрами восстания стали д. Крощинка и Добрянка, а его руководителями — М. Каминский, И. Сухарук, Н. Бобко и Мчульский в Крощинке; М. Жук, И. Жук и Л. Матыйчик в Добрянке.

Для усмирения крестьян в Брестскую экономию были направлены комиссары и экзекуторы. Они арестовали «зачинщиков» бунта и приговорили их к смертной казни. Но при попытке приведения приговора в исполнение, крестьяне взялись за дубины и не допустили казни своих предводителей.

Следует подчеркнуть, что трудящиеся Брестской экономии боролись не только против феодального угнетения. Это восстание имело политический характер, так как крестьяне, по словам администрации экономии, не только «повинностей выполнять дерзко отказываются и податей отдавать и платить не хотят, из подчинения двору выламываются», но и «обращаются к роснейским войскам за покровительством»⁴⁰⁷.

По просьбе администрации экономии на подавление восстания в конце апреля 1768 г. Королевская скарбовая комиссия направила воинский отряд. Только под сильной военной охраной арестованные были вывезены из Киевецкого двора в Варшаву. Однако и после этого крестьяне Брестской экономии отказывались повиноваться администрации. Более трех месяцев в экономии находилась воинская часть. После ее ухода отмечалось, что те же деревни вновь «никакого повиновения не оказывают, повинности выполнять не хотят, дерзко покушаются на начальство и бунтуют». Поэтому сюда снова был направлен воинский отряд.

Спустя пять лет после описанных событий администрация экономии, убедившись, что крестьяне не успокоились, вынуждена была удовлетворить отдельные их требования. В конце мая 1763 г. Скарбовая комиссия издала распоряжение, в котором, не признавая за крестьянами прав на отнятые у них земельные участки, обязывала тем не менее администрацию экономии выделить отдельным крестьянам, имеющим небольшие участки «своей» земли, дополнительные наделы, на условии взимания с них в течение трех лет только чинша ⁴⁰⁸.

В мае 1768 г. на Украине началось крупнейшее крестьянско-казацкое восстание, вошедшее в историю под названием Коливищины. Оно охватило огромную территорию Правобережной Украины — Киевщину, Брацлавщину и другие районы. Одним из выдающихся предводителей восстания стал М. Железняк. Выступив из Мотронинского монастыря, он двинулся через Заботин на Смилу, Черкассы, Корсунь, Богуслав, Канев, Можаны, Лисянку. По пути следования к отряду присоединялись крестьяне и горожане. Армия повстанцев превратилась в грозную силу.

Наряду с украинцами в этом движении активное участие принимали русские крестьяне и беглые солдаты, запорожские казаки, а также белорусские крестьяне и горожане. Например, современник этих событий Я. Липпоман писал о переходе на сторону Железняка 500 «казаков» радзивилловской милиции под руководством Бенедзинского, посланных на помощь польским панам ⁴⁰⁹.

Руководители восстания стремились поднять на борьбу против общего врага и польское крестьянство, которое угнеталось так же жестоко, как украинское и белорусское. С этой целью в Польшу были направлены посланцы, распространявшие следующее воззвание на польском языке: «Жители короны (т. е. Польши.— А. И.), обитающие во владениях шляхетских, королевских и духовных. Ваш час настал! Пришло время освободиться из неволи, скинуть панское ярмо — то бремя, которое вы до сих пор влачите... Спешите на помощь к тем, кто хочет сделать вас свободными и наделить вольностями. Пришло время отомстить за все муки, терзания, издевательства, за неслыханные обиды, которые вы терпите... Посылаем к вам предводителей, которым вы должны верить и за которыми должны следовать. После того как бог поможет нам одержать победу над врагом и вы истребите змеинное отродье панов

ваших, которые до сих пор сосут кровь вашу, будете себе вечно панами вашими!»⁴¹⁰.

Польские крестьяне сочувственно отнеслись к борьбе народных масс Правобережной Украины и Белоруссии. «Многие с тамошних польских подданных католического закона люди,— говорится в одном из документов,— приезжая к нему (Железняку.— А. И.) с разных тех мест, коих уже ляхи вконец разорены, просят у него, Железняка, начальства. И оный Железник всяко по достоинству жалует и дает от себя письменный всем людям приказ», чтобы на местах был порядок и чтобы все подчинялись его власти⁴¹¹.

Во второй половине мая — начале июня 1768 г. восстание еще более расширилось. Районы Чигирина, Медведовки, Черкас, Канева, Белой Церкви, Фастова, Богуслава, Лиснянки, Корсуня, Умани были охвачены его пламенем.

Для борьбы против повстанцев феодалы Речи Посполитой прислали из Умани «надворных казаков» — войско, набранное из местного населения. Однако казаки вместе со своим сотником Иваном Гонтой перешли на сторону восставшего народа и присоединились к Железняку. 9—10 июня 1768 г. объединенные силы Железняка и Гонты взяли Умань. Этот успех способствовал дальнейшему распространению восстания.

Опасаясь переброски пламени народной борьбы на Левобережную Украину и в Запорожскую Сечь, царское правительство вновь выступило в защиту крепостников Речи Посполитой. По просьбе польских феодалов русские войска заняли Правобережную Украину и Белоруссию. Железник, Гонта и их ближайшие соратники были взяты в плен. Совместно с армией Речи Посполитой царские войска жестоко подавили основные очаги Колиивщины. Захваченных в плен подданных Речи Посполитой судило польское правительство, русских — русское.

Шляхетские суды приговаривали гайдамаков к жесточайшим наказаниям. Особенно свирепо расправлялся с повстанцами полковник О. Стемковский, который, получив от короля право безапелляционного, в 24 часа, решения судьбы плененных, казнил тысячи гайдамаков. «Разосланные по селам и малым местечкам воинские команды,— писал Липпоман,— везде разыскивали причастных к восстанию крестьян, брали их и отправляли в разные места, но более всего в местечко Кодню близ Житомира, где находилась воинская команда. Там же над выкопаную глубокую

ямой каждому из захваченных, привязанному к колоде, положенной на край ямы, палач топором отрубал голову, а затем и голову и тело бросали в яму. Когда одна яма наполнялась, копали другую. Таким способом лишено было жизни большое количество крестьян»⁴¹². Другой современник, Я. Охотский, так описывал эти события: «После поражения гайдамаков команды приводили их сюда со всех сторон: их вешали, четвертовали, рубили им головы, некоторым дарили жизнь, но отрезали правую руку и левую ногу. Будучи мальчиком, я сам видел несколько таких изувеченных... Долго потом на Украине народ говорил как проклятие: что б тебя святая Кодня не минула. О, много там пролито крови»⁴¹³. В отдельных местах в результате репрессий было уничтожено все мужское население⁴¹⁴. Трупы казненных каратели выставляли по городам, местечкам и селам, вешали на столбах по большим дорогам, запрещая предавать их земле.

Из 336 дел, имеющихся в одной лишь «Коденской книге судебных дел», по 218 вынесены смертные приговоры, причем из 218 казненных 9 были четвертованы, 151 обезглавлен, 57 повешаны и один посажен на кол. В целом же в Кодне было казнено около 3 тыс. участников казацко-крестьянского восстания⁴¹⁵.

Среди судимых в Кодне и так или иначе разделивших участь украинских повстанцев были выходцы из Белоруссии — Михаил и Иван Ивановы, Иван Васильев, Иван Ткач «из Белой Руси» и другие⁴¹⁶.

Характерно, что к судебной ответственности привлекались белорусские крестьяне и горожане не только из близлежащих, но и значительно удаленных от района восстания местностей. Так, например, за участие в гайдамацком движении в январе 1770 г. в Кодне судили «поляка» из Оршанского повета Я. Михаловского⁴¹⁷, в ноябре 1771 г. там же допрашивался В. Вузлик родом из д. Выдры под Витебском, выросший в д. Картошевичи, который с наступлением голодного времени «пошел за хлебом под Лоев на Полесье и там зарабатывал хлеб»⁴¹⁸. Тогда же в Кодне суд разбирал дела 24-летнего С. Пилипова, который до 18 лет жил в Кричеве «на Белой Руси», а затем ушел на Полесье, 60-летнего И. Василевича — выходца из Чаус, захваченного в м. Ивановке⁴¹⁹.

Судили восставших также в с. Сербах, недалеко от Могилева над Днестром. Здесь зверски был замучен Гонта⁴²⁰,

В м. Тетереве вместе с другими повстанцами допрашивали шляхтича Я. Строменецкого, обвинения его в том, что выписывал паспорта для гайдамаков, приплывших на четырех плотах к Ясногородку и направлявшихся к Шклову ⁴²¹.

М. Железняк, жившего в Запорожье и считавшегося русским подданным, «яко главного нарушителя пограничной тишины» царские судьи вначале постановили «колесовать и живого положить на колесо», но затем изменили решение: «бить кнутом, дать сто пятьдесят ударов и, вырезав ему ноздри и поставя на лбу и на щеках указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно». По дороге в ссылку Железняк вместе с частью гайдамаков бежал, но был пойман. Конец его жизни неизвестен; существует предание, что он принимал участие в Крестьянской войне 1773—1775 гг. ⁴²²

Однако жестокая расправа с повстанцами не приостановила вооруженной борьбы народных масс. В середине лета 1768 г. восстание охватило не только южную, но и северную часть Брацлавщины, Киевщины, распространилось на Волинь и южную часть Белоруссии. Король Речи Посполитой Станислав-Август писал 20 июля 1768 г. гетману Браницкому о тревожной обстановке на Волини, о том, что принимаются меры против волнующегося крестьянства и что сходная ситуация складывается в Познанском воеводстве «в связи с надвигающимся там крестьянским бунтом» ⁴²³. В трех письмах, адресованных в июле того же года польному писарю Великого княжества Литовского Сосновскому, жмудскому старосте и гетману Великого княжества Литовского, король с тревогой сообщал о положении в Мозырском повете, где, по его словам, «хлопство начинает восставать против своих панов» ⁴²⁴.

Командующий русским экспедиционным корпусом, находившемся в Речи Посполитой, генерал-майор П. Кречетников записал 1 июля 1768 г. в своем «Журнале»: «Получено письмо от графа Браницкого, коим требует, чтобы крестьян, возмущившихся против своих комиссаров, господина подканцлера Литовского, Прездецкого, командою наших войск усмирить». Однако, ссылаясь на то, что «сие возмущение есть партикулярное», Кречетников отказался направить войска, а, чтобы «без некоторого удовольствия его (т. е. Браницкого.— А. И.) не оставить», распорядился послать «с комиссаром офицера и 10 казаков в те деревни и велеть объявить, чтобы крестьяне жили в домах своих

спокойно, или они будут штрафованы.., не мешаясь больше ни в какие их партикулярности и не чиня ни малейшей обиды и притеснения мужикам»⁴²⁵.

2 августа 1768 г. Кречетников отметил, что отряд полковника Мещерского захватил в плен 28 гайдамаков, 13 из которых оказалось запорожцами, а 15 — белорусскими крестьянами, а «до 100 человек гайдамаков через леса ушли в Полесье, за коими он послал партию»⁴²⁶, 14 августа полковник Мещерский донес Кречетникову о поимке в Белоруссии и об отправке в Киев еще 69 гайдамаков и запорожцев⁴²⁷.

В сентябре 1768 г. король Станислав-Август писал Браницкому, что «уже начался был крестьянский бунт в имениях гетмана Огинского на Литве, но он был придушен казнью нескольких руководителей». Одновременно король с тревогой сообщал, что «вспыхнули новые восстания крестьян на Украине, Волыне и даже Руси»⁴²⁸. И действительно, разрозненные антифеодальные выступления крестьян происходили летом и осенью 1768 г. не только на юге, но и на востоке, северо-востоке Белоруссии. Так, летом 1768 г. вспыхнуло восстание в имениях Огинских, расположенных в Оршанском повете⁴²⁹. Крупные вооруженные выступления крепостного крестьянства произошли осенью в Витебском и Мстиславском воеводствах. На подавление их были направлены регулярные воинские части, которые жестоко расправились с повстанцами, казнили их руководителей⁴³⁰. Как сообщал русский полковник Протасов генералу Прозоровскому, отряды гайдамаков появлялись в это время даже в окрестностях Смоленска⁴³¹.

В 1769 г. в руках восставших оказалась Каменецкая волость Мозырского повета. Виленский епископ обсуждал с капитулой, каким образом «успокоить» волость — силой оружия или же «мирным» путем. Последний способ был признан слишком дорогостоящим, ибо требовал найма сил, которые смогли бы окружить бунтовщиков, преградить путь их союзникам — украинским гайдамакам — и с помощью длительной осады принудить их к капитуляции⁴³³. Волнения крестьян в Каменецкой волости были подавлены лишь в 1771 г.⁴³²

Таким образом, в 50—70-х годах XVIII в. народные массы Белоруссии вели непрерывную и напряженную борьбу против социального и национально-религиозного гнета, за воссоединение с Россией. Число вооруженных крестьян-

ских восстаний в это время, по сравнению с первой половиной XVIII в., резко возросло. Господствующему классу Речи Посполитой с величайшим трудом удавалось подавлять эти выступления и удерживать в повиновении эксплуатируемые массы.

Основными причинами поражения крестьянско-казацких восстаний середины и третьей четверти XVIII в., помимо помощи царской России феодалам Речи Посполитой, были характерные вообще для крестьянских выступлений стихийность и локальность, разрозненность действий, отсутствие четко разработанного плана борьбы.

Это, однако, не умаляет значения восстаний как одного из звеньев антифеодальной борьбы белорусского народа, которая расшатывала основы феодально-крепостнической Речи Посполитой и приближала ее гибель.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ В 80—90-х ГОДАХ XVIII в.

В 80—90-х годах XVIII в. активизировались выступления народных масс Белоруссии в той ее части, которая оставалась в составе Речи Посполитой после первого (1772) ее раздела. Это была классовая, антифеодальная борьба, направленная против светских и церковных феодалов, но вместе с тем она тесно переплеталась с национально-освободительным движением белорусского народа за воссоединение с Россией.

Крупное крестьянское выступление развернулось, например, в 1778 г. в Брестской экономии⁴³³. В 1780 г. в Слонимском старостве вспыхнуло волнение крепостных Межевичского войтовства, вызванное приездом отряда шляхтичей для взыскания недоимок по уплате налогов. В д. Межевичи, где остановились прибывшие шляхтичи, собралось несколько сот крестьян, вооруженных кольями, жердями и «другим орудием, обычным для бунтующих мужиков». Крестьяне напали на шляхтичей и жестоко их избили⁴³⁴.

В эти же годы развернулась борьба крестьян в Гродненской и Кобринской экономиях, а также в крупных староствах Борисова, Бобруйска и др.⁴³⁵. В 1784—1788 гг. возросло число крестьянских выступлений и «бунтов» на территории Польши⁴³⁶. В деревнях все чаще раздавались голоса о том, что наступает, наконец, время расплаты угнетенных и обездоленных с господами. Началась новая волна

массового бегства крестьян за польско-русскую границу. В связи с этим король Станислав-Август снова подтвердил закон о запрещении крепостным уходить с помещичьих земель, предприняв одновременно и некоторые меры по улучшению быта крестьян.

Углубление экономического и политического кризиса Речи Посполитой, рост выступлений крестьянства и городской бедноты заставили шляхетско-буржуазные круги приступить к проведению реформ государственного строя, заняться обсуждением аграрной проблемы, вопросов городской жизни и т. д. Эти задачи должен был решить общегосударственный сейм, собравшийся в 1788 г. Заседания сейма продолжались четыре года, в связи с чем он вошел в историю под названием «великий», или 4-летний.

Сейм начал свою работу в напряженной обстановке: феодалы ожидали всплеск новых крестьянских выступлений. Особая паника царила среди магнатов и шляхты восточных воеводств, где еще свежо было в памяти восстание 1768—1769 гг.

Озабоченность шляхты создавшимся положением была так велика, что сейм был вынужден заняться вопросом о целесообразности объявления посполитого рушения в местностях, где назревали крестьянские выступления.

Оживлению классовых противоречий благоприятствовала и международная обстановка. Большое влияние на усиление народного движения в Речи Посполитой оказала буржуазная революция 1789—1794 гг. во Франции. «Французская революция 1789 г.,— говорил Ф. Энгельс в речи на собрании в Лондоне 23 января 1875 г., посвященном годовщине польского восстания 24 января 1863 г.,— тотчас же нашла свой отклик в Польше. Конституция 1791 г., провозгласившая права человека и гражданина, стала знаменем революции на берегах Вислы, сделав Польшу авангардом революционной Франции...»⁴³⁷. Выступая на этом же собрании, К. Маркс подчеркнул, что «Польша проливала свою кровь в американской войне за независимость; ее легионы сражались под знаменем первой французской республики»⁴³⁸.

Идеи французской буржуазной революции широко распространялись и в Белоруссии. Весной 1794 г. по доносу капитана Цибульского в Петербурге был арестован мозырский шляхтич И. Еленский, у которого во время обыска были обнаружены три революционных документа на поль-

ском языке. В одном из них, подложном королевском манифесте, объявлялось о ликвидации крепостного права и сословных шляхетских привилегий, провозглашался лозунг французской революции: «Свобода, равенство, братство». В другом — присяге короля стране — сообщалось об отмене крепостничества, провозглашалась веротерпимость и свобода вероисповеданий, равенство граждан, а также выборность всех духовных и гражданских лиц. В третьем документе — революционной прокламации, обращенной к народам Польши — на ярких примерах, доступным для простого народа языком, была дана страшная картина крепостнической действительности. «И чего ж, любезнейшие братья, в течение тысячи с лишним лет вашей неволи не спытали, чего не претерпели... никто не может бывшего вашего несчастья описать. Например, не одного из вас, невольников, горяч барин, рассердясь на лошадь, человека убил, за небрежной удар собаки барской — человека замутил, за неснятые шапки перед баринном — до смерти засек, за разбитие стакана — зубов несколько или жизнь потерял. С одного неудовольствия господина один ли из вас в воде утоплен, повешен, в огне сжарен, в кипятку сварен, в кандалах сгноен, в тюрьме червями скормлен, на морозе заморожен и прочее. Или того не случилось ли, ежели барину понравилась ваша жена, дочь, сестра или какая-нибудь девушка, а вы... не согласились или не дозволили на незаконное, сколько то вас тысяч умертвлено, и один ли с вас променен на лошадь, на собаку, на свинью, на какую-нибудь бездельцу барину, один ли на карту поставлен, продан на деньги от жены, детей, от родителей и родни, несмотря на слезы и плачевные рыдания, хуже, как скотину какую. Ох, не тысячи так вас пропало через столь веков — миллионы, миллионы считать можно»⁴³⁹.

Автор прокламации призывал крестьян объединить свои усилия в борьбе против эксплуататоров: «Кто против вашей силы устоять может? Неужели те, которые назывались господами, и один человек, держа вас несколько сот или тысяч в неволе... или солдаты неприятеля нашего и врага нашего не есть люди и не хотят быть людьми? Против кого они пойдут, когда мы равно их друзьями находимся?»⁴⁴⁰. В заключительной части воззвания подчеркивалась общность интересов русских и поляков в борьбе против царизма, душителя свободы обоих народов. Екатерина II, ознакомившись с подложным манифестом, писала, что в

«этой возмутительной бумаге... по примеру французов сравниваются все состояния в Польше, достоинства и чины уничтожаются»⁴⁴¹.

Известия об успехах борьбы французского народа против эксплуататоров, революционные воззвания и прокламации активизировали трудящиеся массы Речи Посполитой на борьбу. Как свидетельствуют источники, в это время крепостные часто угрожали своим панам расправиться с ними «по-французски». Посланный на подавление одного из крестьянских выступлений офицер доносил, что на вопрос, заданный крестьянам, почему не выполняют возложенных на них повинностей, они ответили, что наступили уже лучшие времена. Офицер справедливо видит в этом ответе прямую связь с событиями во Франции⁴⁴². Огромнейшее воздействие на народные массы Белоруссии, как и всей Речи Посполитой, оказала Крестьянская война в России под предводительством Е. Пугачева. Слухи о ней, о расправах русских крестьян с помещиками широко распространялись и находили благоприятнейшую почву в Речи Посполитой⁴⁴³.

В 1788—1789 гг. крестьянскими волнениями были охвачены почти все восточные воеводства Речи Посполитой. В одной из статей, помещенных в польском экономическом журнале того времени, так характеризовалась обстановка на Украине и в Белоруссии в июне 1788 г.: «Крестьяне все время ждут бунта, так как паны и арендаторы притесняют их теперь барщинными работами и денежным чиншем более, чем когда-либо... Приходят все новые вести, что по корчмам, стоящим в поле, крестьяне уже убивают корчмарей, а вскоре должна прийти очередь и до шляхты..., ибо крестьяне, не видя солдат, смело начинают мстить своим панам за различные притеснения»⁴⁴⁴.

Король Станислав-Август при открытии 4-летнего сейма обратил внимание депутатов на новый подъем крестьянских выступлений. Более того, в своей речи от 6 ноября 1788 г. он предостерегал членов сейма в том, что «во время войны с Москвой мы можем иметь от своего хлопа злейшего неприятеля»⁴⁴⁵. 3 февраля 1789 г. на заседании сейма были заслушаны сообщения, поступившие из Умани и Волыни, будто крестьяне готовятся к бунту, толпами собираются во время праздников, запасаются оружием и угрожают шляхте⁴⁴⁶. Киевский воевода Стемпковский сообщил в марте королю, что крестьянские брожения вызывают

большое беспокойство среди дворян Киевского воеводства, многие из которых, бросая свои имения, бегут за границу⁴⁴⁷. Из Житомира было получено подписанное 60 шляхтичами коллективное заявление, в котором указывалось на опасное настроение крестьян и требовалась присылка войск⁴⁴⁸. В это же время Луцк был объявлен на осадном положении. Шляхта и духовенство, проживавшие в городе, обязывались запастись огнестрельным оружием⁴⁴⁹.

Начавшееся на Правобережной Украине крестьянское волнение перебросилось и в Белоруссию. 4 апреля 1789 г. капитан Целецкий сообщал Новоградскому подкоморию Цешковскому о вооружении крестьян в окрестностях Бреста, Турова и других районах белорусского Полесья. По его словам, крестьянский бунт здесь должен был начаться одновременно с восстанием крестьян на Волини⁴⁵⁰. Вскоре крестьянское волнение охватило не только южные и западные, но и центральные районы Белоруссии — имения Сапег, Радзивиллов и других земельных собственников⁴⁵¹. В 1790 г. в одном из писем короля польскому послу в Англии Букатому указывалось, что на протяжении прошлого «1789 года множились признаки какого-то заговора крестьян, могущего вызвать движение хлопов от Подолия до Слудка»⁴⁵².

Не желая вникать в истинные причины недовольства крестьян, представители господствующего класса утверждали, что виновником напряженной обстановки на Правобережной Украине и в Белоруссии является русское правительство, которое якобы с целью призвать крестьян к восстанию направило в пределы Речи Посполитой под видом монахов, пилипонов и маркитанов⁴⁵³ тысячи своих агентов, наделив их соответствующими инструкциями, деньгами, холодным и огнестрельным оружием⁴⁵⁴. В среде местной шляхты распространялись слухи, что в последнее время через русско-польскую границу вместе с пилипонами и маркитанами проследовало более 2 тыс. повозок, груженых ружьями, порохом, пулями и ножами, 1 тыс. из которых направилась к Владимиру, а другая — к Бресту⁴⁵⁵. Шляхтичи и местные должностные лица доносили правительству, что якобы по поручению русских агентов православные священники распространяют царские манифесты, ведут широкую агитацию среди крестьян, готовят всеобщее восстание⁴⁵⁶. Так, на заседании сейма 21 апреля 1789 г. К. Сапега огласил несколько писем, полученных из Белоруссии,

авторы которых обвиняли слущкого православного архимандрита В. Садковского и подведомственное ему православное духовенство в том, что они подстрекают в его имениях крестьян к бунту, втайне приводят их к присяге на участие в заговоре и т. д. Ссылаясь на рапорты, полученные от управляющих слущкими имениями, эти же известия подтвердил и князь Радзивилл ⁴⁵⁷.

На основании выдвинутых обвинений сейм принял решение арестовать Садковского и доставить его в Варшаву. Однако назначенная для расследования этого дела специальная сеймовая комиссия признала, что Садковский не имеет никакого отношения к крестьянским волнениям. Более того, из изъятых во время ареста бумаг было установлено, что православный архимандрит прилагал все усилия к тому, чтобы не допустить крестьянских бунтов. Он постоянно доносил местным властям об угрозе общественному спокойствию, следил за благонадежностью подчиненных ему священников и монахов и т. д. ⁴⁵⁸ Члены комиссии пришли к заключению, что основной причиной враждебного отношения к господствующему классу Речи Посполитой белорусского крестьянства, его не уступающей борьбы является тяжелый социальный и национально-религиозный гнет ⁴⁵⁹. Одновременно комиссия констатировала о наличии тесных контактов между белорусским и русским народами. На одном из заседаний сейма в 1790 г. была оглашена «реляция» комиссии, отмечавшая, что «польские дизуниты (православные.— А. И.), и особенно их духовенство, получали обучение и посвящение в духовный сан от Москвы. Киевская митрополия была их высшей властью. Слуцкая архимандрия — Киевской коадиторией. Физическим положением дизуниты относились к Польше; умом и склонностью к Москве» ⁴⁶⁰.

Подобные заявления в официальном документе на заседании такого органа государственной власти, как сейм, являются весьма красноречивыми. Они с несомненностью свидетельствуют, что, несмотря на национальное угнетение, которому подвергался белорусский народ, на вековое гонение против православия, все попытки окатоличить народные массы Белоруссии и тем самым ослабить братские связи белорусского народа с русским окончились провалом.

Для предупреждения крестьянских выступлений феодалы под угрозой сурового наказания запрещали крестьянские сходки, строжайше приказывали администраторам имений

и фольварков арестовывать «зачинщиков» крестьянских бунтов, а в случае их сокрытия карать всю деревню. Под страхом смертной казни крепостным возбранялось иметь оружие. Однако эти меры не могли предотвратить народных выступлений.

23 февраля 1789 г. по решению сейма на местах были созданы так называемые «порядковые комиссии», которым поручалось собирать сведения о крестьянских волнениях и с помощью вооруженных отрядов, создаваемых на местах, принимать меры к их подавлению. Помещикам предписывалось немедленно сообщать о начавшихся выступлениях крестьян в комиссии и в случае необходимости предоставлять в их распоряжения свои надворные войска. Однако, как подчеркивал коронный стольник Елизар в сообщении от 21 апреля 1789 г. Станиславу-Августу, попытка создать из крепостных крестьян и городского населения вооруженные силы для борьбы с повстанцами «не дала желаемых результатов, так как эти комиссии не имеют в своем распоряжении средств для наказания за невыполнение их предписаний». Единственный способ, по его мнению, защитить себя от холопов — это «всем сесть на коней и заставить себя вооружиться», «держат постоянную связь с королем и сеймовыми сословиями», а также обратиться за помощью к соседним государствам ⁴⁶¹.

По настоятельному требованию магнатов и шляхты, находившихся под влиянием распространявшихся слухов о стремлении русского правительства поднять восстание среди украинского и белорусского населения, в середине апреля сейм издал постановление об «обеспечении общественного спокойствия, которое предписывало: 1) всем русским купцам, торгующим в пределах Речи Посполитой, немедленно приобрести паспорта; 2) прибывшим из-за границы пилипонам, маркитанам, а также монахам и священникам, не имеющим паспортов, под угрозой штрафа, в двухнедельный срок оставить пределы страны; 3) всем православным церковнослужителям, проживающим в Речи Посполитой, немедленно присягнуть на верность короне, не упоминать в своих молитвах иностранных монархов, а молиться только за короля» ⁴⁶². Был издан также универсал, обращенный к населению, в котором подчеркивалось, что «всякий хлоп должен повиноваться своему пану: право это освящено религией и законом... Мы надеемся поэтому, что каждый подданный постарается, чтобы земля,

которую он орошает потом тела своего, не была обогрена его кровью»⁴⁶³.

Одновременно на Волынь и Подоліе для борьбы с повстанцами было направлено свыше 2,5 тыс. регулярных войск Речи Посполитой, около тысячи войска Великого княжества Литовского прибыло в пределы Брестского и Минского воеводств и прежде всего в имения Любовню и Пинск князя Огинского⁴⁶⁴. 23 февраля 1789 г. секунд-майор Псел доносил правителю Киевского наместничества генералу Ширкову, что «начиная сверху Днепра расположены две бригады польских войск: от Лоева до Канева одна, а от Канева до окончания польской границы другая..., противу же Белой Руси стоят литовские команды»⁴⁶⁵. Сеймовая комиссия предписала генералу Потоцкому разослать по воеводствам воинские команды, поручив им следить за настроением населения, а в случае беспорядков немедленно являться на места, арестовывать всех виновных и отправлять их к начальству⁴⁶⁶.

Прибывшие войска учинили кровавую расправу над крестьянами. Современник событий И. Китович писал в своих «Воспоминаниях»: «При тщательных поисках выслежена по всей Руси (имеется в виду Белоруссия.— А. И.) и Литве и даже на Подляшье подготовка к бунту. Найдены пули, ножи, стрелы, укрытые по домам, по хлебным сараям. Бунт должен был начаться одновременно и скоро. Хлопов, у которых были спрятаны эти предметы, карали смертельной карой: из кожи пояса драли, затем обливали смолой, обсыпали паклей и жгли. А организаторов бунта в Варшаву отправляли»⁴⁶⁷.

4-летний сейм не затронул основных устоев крепостничества — привилегий шляхты и крепостное право. Остались неприкосновенными также права католического и униатского духовенства. Поэтому борьба белорусского крестьянства и низов городского населения против светских и церковных феодалов не только не ослабла, но и приобретала более широкие размеры. Летом 1791 г. крестьянские волнения отмечались в окрестностях Браслава, Пинска и в других местах⁴⁶⁸. В универсале, опубликованном 2 августа 1791 г., Станислав-Август вынужден был признать, что «во многих местах Речи Посполитой появились общего добра неприятели, которые благодаря умышленному или неправильному понимаю правительственной опеки перестают слушаться своих панов, отказываются отбывать барщину,

выполнять повинности. Другие же нарушители общественного спокойствия еще хуже. Хитрыми путями и различными обманчивыми наговорами они стремятся отвлечь людей от послушания своим панам, выполнения тех повинностей и даней, которые давать должны»⁴⁶⁹. Только в апреле 1792 г. король Станислав-Август с удовлетворением сообщил своему послу в Англии Букатому о том, что «когда прошлым летом в четырех местах в Литве и Короне показались искорки между хлопами, не хотевшими отбывать повинностей, ни платить податей,— я их придушил универсалами и вооруженной рукой»⁴⁷⁰. Однако в письме от 14 июля 1792 г. к тому же Букатому король вынужден был констатировать, что «подати уже вся Литва и чуть не половина Польши не платит»⁴⁷¹. Эту тревогу, вызванную массовыми отказами крестьян от повиновения помещикам вообще, Станислав-Август высказывал неоднократно.

Однако такие решения сейма, закрепленные в конституции 3 мая 1791 г., как отмена избираемости королей и установление конституционной монархии, введение правительства, ответственного перед сеймом, ликвидация либерум вето (принцип единогласия в решении сейма) и права шляхты на конфедерации, предоставление некоторых политических и экономических прав городской буржуазии, провозглашение государственной опеки над крепостными и дарование личной свободы тем крестьянам, которые когда-то покинули страну и желают вернуться на родину, имели большое прогрессивное значение. «В критический момент своего существования,— писал Ф. Энгельс,— когда разразилась французская революция, Польша была уже изуродована первым разделом... И, тем не менее, она имела мужество конституцией 3 мая 1791 г. водрузить знамя французской революции на берегах Вислы — акт, которым она поставила себя гораздо выше всех своих соседей. Старый польский порядок был этим уничтожен; несколько десятилетий спокойного, не нарушаемого извне развития,— и Польша стала бы самой передовой и самой могущественной страной к востоку от Рейна»⁴⁷². В конституции 3 мая Ф. Энгельс видел свидетельство того, «насколько ясно поляки уже тогда понимали, что их независимость вовне неотделима от свержения аристократии и от аграрной реформы внутри страны...»⁴⁷³.

Магнаты Речи Посполитой восприняли конституцию 3 мая 1791 г. как покушение на свою собственность и на-

чали против нее борьбу. Для ликвидации решений 4-летнего сейма реакционные польские круги в мае 1792 г. организовали в м. Тарговицы на Украине конфедерацию. Во главе ее стали представители крупной феодальной знати — Коссаковский, Броницкий, Потоцкий и Ржевусский. Но так как сами конфедераты были бессильны бороться против прогрессивного лагеря, они обратились за помощью к соседним феодально-крепостническим государствам — России и Пруссии. Царское правительство, стремясь противостоять влиянию революционной Франции на восток Европы, ввело свои войска на территорию Речи Посполитой. В апреле 1792 г. русские войска под командованием генерала Кречетникова вступили в Белоруссию. Они без боя заняли Минск, Несвиж, Гродно и другие города. Население Белоруссии радушно встречало русские войска и оказывало им всемерную поддержку. «Когда мы вошли в Польшу в 1792 году, — писал русский генерал Пистор, — жители деревень и хлопы были спокойны, только с польскими войсками имели стычки»⁴⁷⁴. Свои войска на территорию Польши ввела и Пруссия.

Польские правящие круги не смогли организовать защиту своего государства. Главное командование над войсками было отдано молодому, неопытному князю И. Понятовскому, брату короля. Не было ни разработанного плана борьбы, ни учета и мобилизации имевшихся сил. Поэтому войскам коалиции не стоило большого труда сломить сопротивление слабой польской армии, тем более что магнаты и шляхта, сторонники Тарговицкой конфедерации, сами переходили на их сторону, всеми мерами срывали оборону страны⁴⁷⁵. 23 июля 1792 г. к тарговичанам присоединился король Станислав-Август и отдал приказ армии прекратить сопротивление. Русские и прусские войска заняли территорию Польши. Тарговичане одержали победу. Конституция 3 мая была отменена. В стране был установлен жестокий режим.

Однако торжество польских магнатов было кратковременным. Подготовив военный разгром Речи Посполитой, они подготовили и второй ее раздел. 13 января 1793 г. Россия и Пруссия подписали акт о втором разделе Польши. К России отошли Центральная Белоруссия с Минском и Правобережная Украина. Пруссия получила коренные польские земли — Гданьск, Торунь и значительную часть Великой Польши.

Второй раздел и отмена конституции 1791 г. усилили национально-революционный подъем в Речи Посполитой. Во многих районах страны продолжались волнения крестьян. Летом 1793 г. вспыхнуло восстание крепостных на Брацлавщине. Произошли крестьянские выступления в районах Дисны, Любовни и Пинска⁴⁷⁶. Напряженная обстановка царила в городах. Уже 16 января 1793 г. прусское правительство писало в своей декларации, что «в Польше с каждым днем усиливается дух французского демократизма и глубоко пускает свои корни»⁴⁷⁷. Барон Игельстром в донесении от 28 марта 1794 г. генералу Дерфельдену подчеркивал, что «в Польше разносятся ядовитые замыслы якобинцев»⁴⁷⁸.

24 марта 1794 г. в Кракове вспыхнуло восстание. Во главе его стал выдающийся деятель польского национально-освободительного движения Тадеуш Костюшко.

Родился Костюшко 4 февраля 1746 г. в семье мелкопоместного шляхтича Новоградского повета. Образование получил в Варшавском кадетском корпусе, а затем как один из лучших его выпускников был направлен во Францию, где в течение четырех лет учился в военной академии. Там он изучил прогрессивные теории французских материалистов, которые оказали большое влияние на формирование его мировоззрения. Приобретая специальность военного инженера, Костюшко не смог, однако, получить место в польской армии и вынужден был уехать в Америку, где принял активное участие в борьбе за ее независимость. Вернувшись на родину, Т. Костюшко вскоре стал одним из руководителей патриотических сил, готовившихся к борьбе за возрождение Польши.

4 апреля 1794 г. повстанческая армия, возглавляемая Т. Костюшко, одержала первую крупную победу над царскими войсками под Рацлавицами. Этот успех окрылил повстанцев, вселил в них уверенность в свои силы, способствовал расширению восстания. «Первое известие о победе Костюшко под Рацлавицами,— писал генерал Пистор,— подняло повстанческий дух в воеводствах Холмском, Люблинском. Если бы Костюшко был побит под Рацлавицами, то он бы потерял доверие и вынужден был бы замкнуться со своим войском в стенах Кракова, не мог бы получить помощи и не мог бы усилить свою армию крестьянами, да и те, которые к нему пришли, в короткое время покинули бы его»⁴⁷⁹.

Рацлавичская победа напугала русского посла в Варшаве Игельстрома. В письме от 5 апреля 1794 г. он писал Екатерине II: «Все коронное войско взбунтовалось, кроме варшавского гарнизона, который состоит из 4000, а тех 18 000; по примеру якобинцев составились конфедерации в Краковском, Сандомирском, Любельском, Хельмском, Владимирском и Луцком, а таковые ж и в столичных тех воеводств городах. Буря сия видимо умножается, возрастает и идет поспешным шагом. Любельских конфедератов я ожидаю здесь почти всякой день, сам же наконец погибаю, имея надежду только на бога и на правость дела моей государыни. Литва верно неумедлить последовать примеру Короны»⁴⁸⁰.

17 апреля вспыхнуло восстание в Варшаве, где поднялось городское плебейство под руководством мастера сапожного цеха Я. Килинского. Остатки разгромленного русского гарнизона капитулировали. Вскоре, однако, шляхетско-буржуазному блоку удалось овладеть движением в столице и ограничить революционную борьбу масс.

23 апреля польско-литовские войска, возглавляемые полковником Ясинским, при поддержке шляхты захватили Вильно. Власть в городе перешла к Народному Совету провинций, заявившему о присоединении к польским повстанцам.

Восстание, начавшееся в Вильно, вскоре охватило почти все литовские и западнобелорусские воеводства. Активное участие в нем, наряду с частями польских и литовских войск, приняла средняя и особенно мелкая безземельная шляхта, а также городская верхушка. 27 мая 1794 г. «Свободная варшавская газета» сообщала, что «гродненские жители собрались для составления повстанческой декларации, согласно «Акту Краковского восстания»⁴⁸¹. В следующем номере эта же газета писала, что «жители местечка Новогрудка, получив сообщение о приближении неприятеля, выставили муниципальную гвардию до 3000 человек, вооруженную пиками, косами и топорами»⁴⁸². Генерал Кноринг доносил графу Салтыкову, что «в местечке Ошмяны обретается регулярного войска и вооруженных поселян под командой Ясинского до 10 000»⁴⁸³. Восставшие захватили власть в свои руки также в Бресте, Пинске, Слониме и других городах⁴⁸⁴.

Однако восстанию не удалось придать общенародный демократический характер. Польские крестьяне, принявшие

на первых порах активное участие в движении, стали отходить от него. Полонезкий универсал, изданный Костюшко 7 мая 1794 г., обещавший крестьянам личное освобождение и некоторое уменьшение феодальных повинностей, остался на бумаге. Подавляющее большинство польских магнатов и шляхты выступило против восстания. «Большая часть богатых собственников,— писал в своих «Воспоминаниях» М. Огинский,— проявляла подчеркнутое равнодушие к положению наших войск... Были среди этих собственников такие, которые с нетерпением ждали победы неприятеля. Вступление польских войск в Варшаву они стремились использовать для усиления спекуляции, что никак не вязалось с революционным духом»⁴⁸⁵.

Опасаясь перерастания национально-освободительного движения в крестьянскую войну, польские помещики шли на прямую измену, предательство. «Шляхта в значительной части,— писал один из современников,— заявляла: пусть нами управляет москаль, прусак и австрияк, но мы не освободим хлопов от подданства»⁴⁸⁶. Аналогичную оценку позиции представителей господствующего класса дают и официальные документы. Австрийский тайный агент Баум доносил 3 апреля 1794 г. своему правительству, что «когда начальник двинулся с войском из Кракова, наступил сильный спад энергии... Шляхта начала задумываться над своей ролью в восстании. Она хотела, чтобы Австрия скорее заняла воеводства Краковское и Сандомирское»⁴⁸⁷. Русский генерал Бенингсен писал в рапорте от 2 мая 1794 г., что когда его войско разбило возле д. Перебрановочи «скопище бунтовщиков, состоявшее из шляхты и черни, то польские шляхтичи без особого сопротивления указали на место хранения оружия (пистолеты, пики, ружья) и заявили, что навеки останутся под покровительством России»⁴⁸⁸.

Не поддержали восстания белорусские крестьяне и низы городского населения. Шляхетско-буржуазные революционеры, начиная борьбу за свободу и независимость Польши, стремились (как это видно из «Акта Краковского восстания») удержать в своих руках украинские и белорусские земли. В этом отношении их политика являлась продолжением политики магнатов и шляхты Речи Посполитой до разделов и вредила интересам освободительной борьбы польского народа⁴⁸⁹. Не помогли и неоднократные призывы Т. Костюшко. Не дал практических результатов изданный им 10 июня 1794 г. в лагере под Кельцами «Генеральный

приказ всем вооруженным народным силам, всем командирам корпусов постоянного войска, всем руководителям посполитого рушения, а также всем командирам добровольческой военной милиции», в котором приказывал отдельным отрядам польского войска «идти в границы прусские и московские и там провозгласить свободу для простого народа и поднять его на восстание, а крестьян, идущих в посполитое рушение, освободить от барщины». 22 августа 1794 г. генерал Тутомлин сообщал генерал-губернатору Берхману, что «польские войска в 8000 человек вошли в границы Минской губернии. Разоряют они здесь только тех, кто к нам проявляет явную приверженность, а вообще ласкают простой народ и надеются поднять простой народ на восстание»⁴⁹⁰. Однако специальные отряды, прибывшие в пределы Минской губернии со стороны Слонима, Вильно и Браслава с целью поднять крестьян на выступление, «по сути, оказались в изоляции. Один из командиров такого отряда сообщал в своем донесении, «что терят всякую надежду удержаться в стране, жители коей боязливы, мало склонны к возмущению и не дают никакой помощи»⁴⁹¹. Даже полковник Ясинский, которому удалось поднять в апреле 1794 г. восстание в Вильно, вынужден был заявить 9 августа этого же года, что «отчаяние берет при виде народа, совершенно недоброжелательного и напуганного»⁴⁹².

Белорусские крестьяне всячески уклонялись от рекрутских наборов, убегали в лагерь русских войск. Так, командир рязанского карабинерного полка бригадир Львов доносил 5 июня 1794 г. графу Салтыкову: «Явились к здешнему Варковичскому градоначальнику два мужика с польской стороны из селения Бушкевичи, принадлежавшего графине Ходкевичевой, и заявили, что в том селении вербуют мужиков для войска мятежного, в числе коих вербованы были и они, и что они, боясь сего, убежали отоль в наши границы»⁴⁹³. Уполномоченный польского повстанческого Высшего Совета в Литве И. Костел так оценил в июле 1794 г. сложившееся здесь положение: «С организацией всеобщего ополчения огромнейшая трудность. Значительная часть местных жителей, напуганных преследованиями неприятеля, скрывается. Из явившихся к местам лошадей, большая часть без оружия и пригодных к службе добрадей. Следует добавить к этому, что военачальники, избранные из гражданских лиц, большей частью не могут выполнить приказов и распоряжений командующего воору-

женными силами. Легко можно поэтому заключить, как мало получит вооруженной помощи генерал-лейтенант Вельгорский из таких поветов»⁴⁹⁴. 12 сентября 1794 г. Т. Костюшко писал: «Из предназначенных 500 рекрутов для моего обоза от Брест-Литовского воеводства доставлено только 372, остальные бежали по дороге»⁴⁹⁵. 27 сентября того же года генерал Орловский рапортовал, что подполковник Брониславский с четырьмя офицерами принял команду в Бресте из «380 контонистов, чтобы привести их в Варшаву, из которых вчера привел только 160 человек, не видя противника, потерял в походе 220 человек»⁴⁹⁶.

Крестьяне отказывались давать рекрутов даже в таких селах, как Вишнево и Щорсы, где в свое время владелец Хрептович провел реформу, несколько облегчившую их положение. Насильственная рекрутчина лишь обостряла отношения, усиливала враждебность крестьян. Ротмистр И. Гойжевский в своем рапорте сообщал, что в «Вишневе при помощи экзекуции выбираю пехотинцев... Но люди взбунтованы Москвой и не хотят быть послушными... Так же и в Смотовщизне и Щорсах хлопы взбунтовались и не хотят давать рекрутов»⁴⁹⁷.

Белорусское крестьянство потеряло веру в обещания не только своих панов, но и шляхтичей, руководивших восстанием. Оно возлагало надежды на Россию. Генерал Дерфельден писал 25 мая 1794 г. графу Салтыкову, что «в новоприсоединенных местах приметно доселе черни спокойствие и приверженность более к нам, нежели к полякам»⁴⁹⁸. Русский посол в Польше Н. В. Ревнин сообщал в Петербург, что «крестьяне более на нашей стороне, нежели мятежнической»⁴⁹⁹.

К тому же, во многих местах Белоруссии и Украины начались открытые вооруженные восстания. Крестьяне громили шляхетские имения, убивали светских и церковных феодалов, выдвигали в качестве основной задачи воссоединение с Россией. 2 мая 1794 г., например, бригадир Бенингсен доносил генерал-майору Кнорингу из Сморгони, что в Новогрудском и Брестском воеводствах восставшие, почти повсеместно выступая «мстителями за бесчеловечные налоги ко всему имени шляхтичей», уничтожают их имения и, «не щадя ни украшения, ни драгоценности домов, все разорили до основания со словами: нам де не навязать, а от отцов наших оставлену в память блаженство и щастие верноподданных ея императорскому величеству, следствен-

но, и мы де под высочайшею ея державою, избегая напоеннаго злобою польского шляхетства, навеки остаться желаем». Крестьяне многих деревень, будучи уверенными, «что оне останутся под защитою России», указывали те места, «где ружья и разная воинская амуниция в земле зарыта была, которую,— писал Бенингсен,— я и получил, как-то в пиках, саблях, ружьях, пистолетах, штыках немалое число». Более того, «квартиры мои,— сообщал Бенингсен,— все дни сряду наполнены их собраниями», на которые приходило множество крестьян не только деревень, занятых русскими войсками, но и «из самых тех деревень, где польское войско расположено»⁵⁰⁰. Губернатор Брацлавской губернии генерал-майор Берхман писал 20 мая 1794 г. графу П. А. Румянцеву-Задунайскому о намерении украинских крестьян «вырезать шляхту в день святого Петра»⁵⁰¹. В донесении от 30 июня он сообщал, что крестьяне «до крайности теснимы помещиками своими, и при всем недремленном со стороны правительства (Речи Посполитой.— А. И.) старании они не терпят их душевно и ожидают только той счастливой минуты, в которую они могут, оставя униатский обряд, насильно ими принятый, обратиться в веру православную грековосточную, искони их проотцами исповедуемую». Губернатор подчеркивал, что «доселе со стороны обывателей никакого явного злопредприятия вовсе не было, да и быть не может»⁵⁰².

О развертывании широкого крестьянского движения в восточных воеводствах Речи Посполитой писали и другие современники происходивших событий. Местный шляхтич, бежавший в Австрию, в письме от 8 мая 1794 г. в Варшаву признавался, что он «счастлив, что вырвался из Польши», и высказывал чувство неподдельного страха перед крестьянскими выступлениями. «Но если нам удалось избежать смерти от того строя, который был,— писал он,— то теперь нас пережут хлопы». Автор указывал и на серьезную опасность со стороны крестьян Белоруссии и Украины, которые, по его словам, «тоже поднимаются». Генерал-майор русской армии Кноринг доносил в мае 1794 г. генерал-адъютанту И. П. Салтыкову: «Находящийся в Минской губернии с деташтаментом господин бригадир и кавалер барон Бенингсен 13 числа сего месяца разбил посланными командами партию мятежников... Со времени нахождения там его деташтаamenta (отряда.— А. И.) в разных местах обезоружил он до 20 000 поселян, снабженных пиками и дру-

гим оружием»⁵⁰³. Этот факт может быть объяснен тем, что, вероятно, в числе этих вооруженных «поселян» были и шляхтичи, выступавшие против русских войск. Но, несомненно, большую часть восставших составляли крепостные крестьяне, боровшиеся против светских и церковных феодалов. Такой вывод подтверждается и другими документами. «Сведения вероятнейшие дошли ко мне,— писал 26 сентября 1794 г. в приказе русским войскам, располагавшимся недалеко от Бреста, генерал-поручик И. В. Ферзен,— что здешние польские крестьяне имеют всегда в предмет более в приверженность к нам и ныне точно открываются явным поведением против своих помещиков, отступив вовсе от повиновения к ним, и чтобы не быть насильно принужденными напротиво добромыслия своего, оставляют свои дома и пашни, скрываются по лесам»⁵⁰⁴. По его словам, крестьяне брались за оружие, чтобы защитить «свою безопасность, поелику без всякой пощады делаются им обиды, притеснения, грабительства и тираническим и варварским образом, даже убиваются»⁵⁰⁵.

Не найдя поддержки среди подавляющего большинства населения, польские повстанцы отступили из Белоруссии. 15 сентября 1794 г. А. Суворов писал из Бреста П. Румянцеву: «Не только в Лошице, но и в Седлеце мятежников нет. Они все бежали к Варшаве. Вся та страна вскрыта нашими легкими партиями»⁵⁰⁶. Несколько позже Суворов вновь доносил Румянцеву, что «косиньеры все бегут, кто только уйти может, и от одного Мокроновского по побеге через Буг ушло свыше 1500. Здесь пленных было близ 1000. Добровольно здавшиеся... распущены по домам»⁵⁰⁷. В сообщении от 26 сентября 1794 г. А. Суворов подчеркивал, что из стоявшей лагерем в 1,5 мили от Каменца-Литовского в с. Шаркове команды генерала Княжевича, насчитывавшей до 3-х тысяч человек, «конницы 1000 новых... после здешнего бою почти все разбежались, пехоты 1000 из старых полков разбежавшихся и 500 новых»⁵⁰⁸.

10 октября 1794 г. Т. Костюшко был разбит под Мадеевцами. Сам Костюшко попал в плен. Разгром восстания близился к завершению. В конце октября пала Варшава. Польские вооруженные силы капитулировали.

Подавив восстание, Пруссия, Австрия и Россия решили судьбу Польши. В 1795 г. произошел третий, последний, раздел Речи Посполитой. Польское государство перестало существовать. Король Польши отрекся от престола и пе-

реехал в Россию. «Раздел Польши,— писал Ф. Энгельс — был осуществлен в результате союза крупной феодальной аристократии Польши с тремя державами, принимавшими участие в разделе... Он являлся для крупной аристократии последним средством спасения от революции»⁵⁰⁹. Основную часть польских земель с Варшавой захватила Пруссия. Австрии досталась так называемая Малая Польша с городами Люблин и Краков. По третьему разделу, как и по предыдущим, Россия ничего не получила из этнографически польских земель. К ней отошли Литва, западная часть Волыни и Белоруссии. Это создало возможность объединения всех белорусских земель и воссоединения белорусского народа с великим русским народом.

Белорусские крестьяне и горожане с радостью приветствовали русские войска и представителей новой администрации. Прибывшего в Могилев генерал-губернатора Э. Г. Чернышева члены могилевского магистрата и представители купечества встречали верхом на лошадях за 7 верст от города. Весь день в Могилеве продолжалась стрельба из пушек, а вечером была устроена иллюминация⁵¹⁰. В Минске чтение манифеста о воссоединении с Россией происходило на главной площади при большом стечении народа и сопровождалось всеобщим ликованием. Восторженно приняли весть о присоединении белорусских земель к русским жители Несвижа и окрестных сел⁵¹¹.

Воссоединение Белоруссии с Россией, завершнное в 1795 г., отвечало кровным интересам белорусского народа, его вековому стремлению к объединению с великим русским народом. Огромный вклад в решение этой задачи внесли трудящиеся Белоруссии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XVII—XVIII в.— период дальнейшего усиления социального и национально-религиозного гнета на территории Белоруссии. Подавив крестьянские и городские восстания середины XVII в., феодалы Речи Посполитой все туже затягивали петлю на шее белорусского народа. Однако трудящиеся Белоруссии не смирились со своим положением и в ответ на наступление реакции развернули мощную борьбу за свое освобождение.

Борьба народных масс Белоруссии против социального гнета вместе с тем была борьбой за сохранение своих обычаев, языка и культуры, т. е. против национально-религиозного порабощения. Освобождение из-под власти светских и церковных феодалов Речи Посполитой являлось для белорусского народа насущной исторической необходимостью, коренным вопросом его дальнейшего существования.

Освободительная борьба трудящихся Белоруссии проявлялась в различных формах — в бегстве крестьян и горожан в пределы России и на Украину, разорении и поджогах имений светских и церковных феодалов, физическом уничтожении ненавистных эксплуататоров и, наконец, в массовых вооруженных выступлениях городского и сельского населения. Все эти формы приобрели наиболее широкий размах в пограничных с Россией и Украиной районах. Военным властям Великого княжества Литовского приходилось постоянно держать свои войска в состоянии боевой готовности и направлять их для подавления народных движений прежде всего в пределы восточной и южной Белоруссии. Это не означало, разумеется, что в сравнительно отдаленных от Русского государства районах Белоруссии крестьяне не принимали участия в восстаниях. Однако здесь их борьба не приобретала такого широкого размаха и накала, а поэтому и подавлялась, как правило, силами местных феодалов без помощи центральных властей.

Факты наглядно свидетельствуют о том, что упорная антифеодалная и национально-религиозная борьба белорусского народа во второй половине XVII—XVIII в. была направлена прежде всего на осуществление его вековой мечты — воссоединение с русским народом. В объединении с Россией народные массы Белоруссии видели гарантию национального освобождения и сохранения своего существования.

Белорусский народ понимал, что сбросить гнет магнатов и шляхты Речи Посполитой только собственными силами он не сможет. Поэтому все надежды на освобождение он связывал с русским народом. Эта идея нашла свое отражение в одной из народных песен XVII—XVIII вв.⁵¹²:

Ой, калі б калі	Нашы сродныя,
Маскалі прышлі,	Нашы сродныя
Маскалі прышлі,—	Веры адныя!

В конце XVIII в. вековая мечта белорусского народа осуществилась. Белоруссия воссоединилась с Россией. Это событие имело огромное значение для ее дальнейшего экономического, политического и культурного развития, открывало широкие возможности для постоянного общения белорусского народа с русским и другими народами России.

На протяжении XIX и в начале XX в. дружба народов России укреплялась и закалялась не только в совместном созидательном труде, но и в борьбе против общих эксплуататоров — царизма, помещиков и буржуазии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, в авангарде которой стоял русский пролетариат, возглавляемый созданной В. И. Лениным Коммунистической партией, навсегда освободила народы нашей страны от эксплуатации. Как старший брат среди свободных и равноправных народов Страны Советов русский народ оказал огромную бескорыстную помощь всем национальным республикам в преодолении унаследованной от прошлого экономической и культурной отсталости, сделал все для того, чтобы они вышли на широкий путь всестороннего развития.

С братской помощью советских народов трудящиеся Белоруссии защитили завоевания Великого Октября, впервые в истории создали свою государственность и достигли невиданных успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ П. Д. Брянцев. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1899; М. О. Коялович. Литовская церковная уния, т. 1—2. СПб., 1859—1861; В. Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889; Н. И. Петров. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57.

³ М. В. Довнар-Запольский. Основы государственности Белоруссии. Гродно, 1919, стр. 6—7.

⁴ Е. Канчер. Белорусский вопрос. Сб. статей. Пг., 1919; В. К. Шарбакоў. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. Мінск, 1934.

⁵ И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940; В. И. Пичета. К истории восстания Костюшко. Уч. зап. института славяноведения, т. VII, 1953; Д. А. Похилевич. Крестьяне Слонимщины в XVI—XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения. Наукові записки Львівського ун-ту, т. 17, вип. 4, 1949; его же. Белорусское казачество. Наукові записки Львівського ун-ту, т. 43, 1957; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века. Вильнюс, 1966; Л. С. Абецадарскі. Барацьба украінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII ст. Мінск, 1954; его же. Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVII в.). Автореф. докт. дисс. Минск, 1965; Я. Н. Мараш. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск, 1969; В. М. Горцаў. Барацьба народных мас Беларусі за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў XVIII стагоддзі. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, № 1, 1961; М. Мельнікаў. Крычаўскае народнае паўстанне 1740—1744 гг. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, № 1, 1958; В. И. Мелешко. Положение и классовая борьба крестьян в Кричевском старостве в конце XVII — первой половине XVIII в. «Akta Baltico-Slavica», t. VII, Białystok, 1971; его же. Крычаўскае паўстанне. «Польмя», 1971, № 1; История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961; Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972.

⁶ В. Baranowski. Powstanie chlopskie na ziemiach Rzeczypospolitej. Warszawa, 1952; J. Gerowski. Między saskim absolutyzmem a złotą wolnością. Wrocław, 1953; W. Kula. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1956; M. J. Lech. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740).

«Przegląd Historyczny», t. 51, z. 2. Warszawa, 1960; t e n ж e. Milicja Radziwiłłów jako o r e ż feodalów w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi i Litwie. «Rocznik Białostocki», t. 3. Białystok, 1962; t e n ж e. Za króla Sasa. Warszawa, 1966.

Экономическое и политическое положение Белоруссии

- ¹ F. В u j a k. Historja osadnictwa ziem Polskich. Warszawa, 1920, str. 190.
- ² История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 190.
- ³ Центральный государственный исторический архив БССР в Минске (в дальнейшем — ЦГИА БССР в Минске), ф. 1733, оп. 1, д. 26, л. 133; д. 27, л. 18.
- ⁴ Там же, д. 27, л. 42, 45; д. 26, л. 133.
- ⁵ Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем — ЦГАДА), ф. Белгородский стол, стб. 806, л. 573.
- ⁶ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2. Минск, 1960, стр. 181—183.
- ⁷ В. И. М е л е ш к о. Из истории аграрных отношений в восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (с середины XVII в. до 1772 г.). «Acta Baltico-Slavica, t. V. Białystok», 1967, стр. 54.
- ⁸ J. M o g z y. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII wieku. Poznań, 1965, tabl. 22.
- ⁹ В. И. М е л е ш к о. Из истории аграрных отношений..., стр. 54.
- ¹⁰ Центральный государственный исторический архив БССР в Гродно (в дальнейшем — ЦГИА БССР в Гродно), ф. 1143, оп. 1, д. 27.
- ¹¹ Д. Л. П о х и л е в и ч. Крестьяне Слонимщины..., стр. 150.
- ¹² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1778, оп. 2, д. 3, л. 62.
- ¹³ Акты Московского государства, т. 2. СПб., 1894, стр. 424.
- ¹⁴ И. З е л е н с к и й. Материалы для географии и статистики. Минская губерния, т. 15, ч. 2. СПб., 1864, стр. 601.
- ¹⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией (в дальнейшем — Акты ЮЗР), т. 3. СПб., 1862, стр. 293.
- ¹⁶ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов (в дальнейшем — АВК), т. 3, стр. 362—363.
- ¹⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1881, оп. 1, д. 1, л. 67.
- ¹⁸ Акты ЮЗР, т. 3, стр. 296; АВК, т. 34, стр. 69; ЦГАДА, ф. Белгородский стол, стб. 806, л. 578.
- ¹⁹ Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. В сб. Чтения в обществе истории и древностей российских, кн. 3. 1891, стр. 8.
- ²⁰ Беларускі архіў (в дальнейшем — БА), т. 3. Минск, 1930, стр. 186.
- ²¹ БА, т. 3, стр. 196.
- ²² Volumina legum, t. 4. Petersburg, 1859, str. 385.
- ²³ ЦГАДА, ф. Московский стол, стб. 272, л. 523.
- ²⁴ Там же, ф. Разрядный приказ, ед. хр. 285, л. 124 об.
- ²⁵ Более подробно об этом см.: А. П. И г н а т е н к о. Участие белорусского народа в борьбе против шведских захватчиков в годы

Северной войны. Уч. зап. Бел. гос. ун-та, вып. 36. Минск, 1957, стр. 43—56.

²⁶ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси (в дальнейшем — Арх. сбр.), т. 2. Вильна, 1867, стр. 64.

²⁷ Центральный государственный исторический архив Ленинграда (в дальнейшем — ЦГИАЛ), ф. 1350, оп. 312, ед. хр. 89, л. 532.

²⁸ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске (в дальнейшем — ИЮМ), вып. 12, стр. 191—192.

²⁹ L. Kubala. Wojna Moskiewska. Kraków, 1912, str. 309.

³⁰ Витебская старина, т. 1. Витебск, 1883, стр. 466—467; ИЮМ, вып. 25, стр. 329.

³¹ Арх. сбр., т. 2, приложение, стр. XIV.

³² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1711, оп. 2, д. 7, л. 111.

³³ ИЮМ, вып. 22, стр. 407.

³⁴ O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, str. 37—38.

³⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1711, оп. 2, д. 7, л. 251.

³⁶ Volumina legum, t. 6, str. 110.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 164.

³⁸ История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 191;

Sapiehowie. Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe, t. 2. Petersburg, 1891, str. 37; J. Wolff. Pacowie. Petersburg, 1885, str. 117, 238.

³⁹ M. J. Lech. Za krola Sasa. Warszawa, 1965, str. 100.

⁴⁰ Pamiętniki Bartłomija Michalowskiego. Petersburg, t. 3, 1857, str. 173.

⁴¹ F. Buja k. Czynniki gospodarczy w upadku dawnego państwa Polskiego. Lwów, 1938, str. 7—8.

⁴² Pamiętnik anegdotyczny z czasów Stanisława Augusta, z rękopismu wydany przez I. Kraszewskiego. Poznań, 1867, str. 52.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 164.

⁴⁴ АВК, т. 7, стр. 99—100.

⁴⁵ ИЮМ, вып. 23, стр. 194—195.

⁴⁶ Там же, вып. 13, стр. 486—487.

⁴⁷ W. Smoleński. Kuźnica Kollątajowska. Kraków, 1885, str. 103.

⁴⁸ В. И. Мелешко. Из истории аграрных отношений..., стр. 56.

⁴⁹ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957, стр. 160.

⁵⁰ Там же, стр. 117.

⁵¹ Там же, стр. 159.

⁵² Sł. Kościalkowski. Ze studjów nad dziejami ekonomji królewskich na Litwie. Wilno, 1914, str. 137.

⁵³ A. Zabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w Księstwie Litewskim w XVIII w. Warszawa, 1929, str. 118.

⁵⁴ В. И. Мелешко. Хозяйство крупных феодалов восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. (до воссоединения с Россией). Автореф. докт. дисс. Минск, 1972.

⁵⁵ История Литовской ССР, ч. 1. Вильнюс, 1953, стр. 302.

⁵⁶ П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в.

В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963, стр. 225.

⁵⁷ А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964, стр. 289.

⁵⁸ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1085, л. 5—22.

⁵⁹ П. Г. Козловский. Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII—первой половине XIX в. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966, стр. 351, 366.

⁶⁰ К. Керна жыцкі. Гаспадарка старастваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII ст. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 3, т. 2. Мінск, 1928; его же. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. Мінск, 1935; Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966; Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII веков. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959; П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII ст. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1961; его же. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. (по материалам магнатских вотчин). Минск, 1969; Я. Н. Мараш. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Минск, 1971; St. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w., t. 1. Kraków, 1915; t. 2, Kraków, 1929; W. Wieszorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w. Poznań, 1929; A. Zaborowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku osiemnastym na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. Warszawa, 1929; J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do 1864). Warszawa, 1956; ten же. Studia z dziejów wsi polskiej XVI—XVIII w. Warszawa, 1956.

⁶¹ Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII веков. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959, стр. 127.

⁶² История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 205.

⁶³ В. И. Мелешко. Из истории аграрных отношений..., стр. 80—81.

⁶⁴ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966, стр. 112.

⁶⁵ Там же, стр. 112—113.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. 94, 97.

⁶⁷ П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян..., стр. 231.

⁶⁸ История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1972, стр. 339.

⁶⁹ Д. Л. Похилевич. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966, стр. 388.

⁷⁰ «Польмя», 1965, № 12, стр. 175.

⁷¹ П. Г. Козловский. Крестьянское хозяйство и положение

крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVII и XVIII в. Автореф. канд. дисс. Минск, 1965.

⁷² Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVII в.). Автореф. докт. дисс. Минск, 1965, стр. 20—21.

⁷³ Библиотека Виленского государственного университета. Отдел рукописей. А-73, д. 12.

⁷⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 133.

⁷⁵ M. Różycka-Glassowa. Gospodarka rolna wielkiej własności w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1964, str. 71.

⁷⁶ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Слонимщины в XVI—XVIII вв., стр. 168.

⁷⁷ А. Турцевич. Хрестоматия по истории Западной России. Вильна, 1892, стр. 631.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 581.

⁸⁰ АВК, т. 35, стр. 153—154.

⁸¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 251, оп. 2, д. 15; АВК, т. 13, стр. 377—379; т. 35, стр. 5—7.

⁸² В. Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889, стр. 68.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 353.

⁸⁴ П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. (по материалам магнатских вотчин). Минск, 1969, стр. 120—121.

⁸⁵ ИЮМ, вып. 17, стр. 315, 352.

⁸⁶ W. I. Mieżesko. Handel i stosunki handlowe., str. 57.

⁸⁷ St. Grabski. Ideje społeczno-gospodarcze. Warszawa, 1929, str. 462—463.

⁸⁸ Z. Młynarski. Targowiczanie i patrioci u schyłku Rzeczy Pospolitej. Warszawa, 1960, str. 7.

⁸⁹ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Слонимщины в XVI—XVIII вв., стр. 167—168.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Польские дела, 1666 г., стб. 3, л. 163.

⁹¹ Материалы для Отечественной истории, т. 2. Киев, 1855, стр. 409—410.

⁹² ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1783, оп. 1, д. 26, л. 21.

⁹³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1929, оп. 1, д. 1, л. 24.

⁹⁴ Там же, л. 33.

⁹⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 3352, оп. 1, д. 2, л. 34 об., 40 об., 41.

⁹⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1777, оп. 2, д. 9, л. 98.

⁹⁷ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1783, оп. 1, д. 42, л. 26 об.

⁹⁸ АВК, т. 11, стр. 456—457.

⁹⁹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 875, оп. 2, д. 10, л. 29—30.

¹⁰⁰ Там же, ф. 1783, оп. 1, д. 42, л. 21.

¹⁰¹ S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII wieku. Kraków, 1915, str. 52—53.

¹⁰² Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2. Минск, 1960, стр. 466—467.

¹⁰³ Volumina legum, t. 2, str. 124.

¹⁰⁴ Статут Великого княжества Литовского 1588 г. «Временник общества истории и древностей российских», кн. 19. М., 1854, разд. 3, ст. 2.

- ¹⁰⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3388, л. 3.
- ¹⁰⁶ П. Г. Козловский. Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. В сб. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1971, стр. 259, 262.
- ¹⁰⁷ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. 1. М., 1956, стр. 117.
- ¹⁰⁸ Там же, стр. 465.
- ¹⁰⁹ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (в дальнейшем — ЦГВИА), ф. Военно-ученого архива, д. 271, л. 3 об.
- ¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 394.
- ¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 76.
- ¹¹² Цит. по: П. Д. Брянцев. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1899, стр. 435.
- ¹¹³ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. 1. М., 1956, стр. 184.
- ¹¹⁴ А. Мейер. Описание Кричевского графства 1786 г. В сб. Могилевская старина, вып. 2. Могилев, 1901, стр. 89.
- ¹¹⁵ Русский архив, 1867, стр. 134—135.
- ¹¹⁶ Писцовая книга Гродненской экономии, ч. 2. Вильна, 1882, стр. 198.
- ¹¹⁷ Duaguzsz Sejmu 1764, sesja 3 z dnia 10 maja. Karta F. 1.
- ¹¹⁸ Беларускі архіў, т. 3. Мінск, 1930, стр. 273—274.
- ¹¹⁹ История Минска. Минск, 1957, стр. 56.
- ¹²⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1342, оп. 1, д. 8, л. 1275.
- ¹²¹ Витебская старина, стр. 155.
- ¹²² АВК, т. 7, стр. 131—132.
- ¹²³ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2. Минск, 1960, стр. 299—300.
- ¹²⁴ Витебский областной краеведческий музей, д. 7260, л. 1—2.
- ¹²⁵ ИЮМ, вып. 21, стр. 111—112, 118—119; АВК, т. 7, стр. 531—532; БА, т. 3, стр. 301.
- ¹²⁶ А. П. Игнатенко. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963, стр. 71, 74.
- ¹²⁷ ИЮМ, вып. 9, стр. 235—253; Витебская старина, т. 1, стр. 192—196.
- ¹²⁸ История Минска. Минск, 1957, стр. 64.
- ¹²⁹ Витебская старина, стр. 156.
- ¹³⁰ БА, т. 1, стр. 203.
- ¹³¹ ИЮМ, вып. 13, стр. 169—171.
- ¹³² Там же, вып. 14, стр. 170—171.
- ¹³³ Арх. сб., т. 7, стр. 214.
- ¹³⁴ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 384—389.
- ¹³⁵ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1177, оп. 1, д. 6132, л. 59 об., 89, 91 об.
- ¹³⁶ Volumina legum, t. 1, str. 497.
- ¹³⁷ Там же, т. 3, стр. 183, 371, 619; т. 4, стр. 509; т. 5, стр. 659.
- ¹³⁸ H. Kołłątaj. Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750—1764), t. 1. Poznań, 1841, str. 117.
- ¹³⁹ Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов (в дальнейшем — Архив ЮЗР), ч. 5, т. 1. Киев, 1875, стр. 504—513.

- 140 Витебская старина, т. 5, ч. 1. Витебск, 1888, стр. 335.
- 141 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1816, оп. 1, д. 43, л. 27 об.
- 142 История Минска. Минск, 1957, стр. 64.
- 143 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 2, д. 7, л. 2 об.
- 144 В. Б. Антонович. О промышленности юго-западного края в XVIII столетии. Записки Юго-Западного отдела императорского русского географического общества, т. 1, отд. 2. Киев, 1874, стр. 182.
- 145 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 1, д. 78, л. 53 об., 78; д. 80, л. 57.
- 146 ИЮМ, вып. 2, стр. 66—67.
- 147 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1769, оп. 1, д. 125, л. 121.
- 148 ИЮМ, вып. 11, стр. 525.
- 149 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 1, д. 81, л. 27—31 об., 43—47, 51—56, 59—67, 73—81.
- 150 Писцовая книга Гродненской экономии, стр. 185—197.
- 151 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1825, оп. 1, д. 5, л. 4—40 об.
- 152 В. Кокс. По России и Польше в исходе XVIII в. «Русская старина», 1907, № 7—9, стр. 628.
- 153 В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. 1. Киев, 1885, стр. 283.
- 154 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 362.
- 155 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 307.
- 156 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360.
- 157 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.
- 158 Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.). Сб. документов. Минск, 1972, стр. 346.
- 159 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 271, л. 3.
- 160 Витебская старина, стр. 229—232.
- 161 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 358.
- 162 Собрание древних грамот городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848, стр. 328—329.
- 163 Там же, стр. 327.
- 164 Витебская старина, стр. 268.
- 165 Volumina legum, t. 5, str. 180.
- 166 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 362.
- 167 Полоцко-Витебская старина, вып. 2. Витебск, 1912, стр. 106.
- 168 Витебская старина, стр. 234.
- 169 ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1692, стб. 15, л. 1—2.
- 170 Витебская старина, стр. 235—236.
- 171 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 359.
- 172 ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1694, стб. 7, л. 1.
- 173 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 366.
- 174 Витебская старина, стр. 335.
- 175 Там же.
- 176 ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1692, стб. 15, л. 2.
- 177 Там же, 1694, стб. 9, л. 2.
- 178 Витебская старина, стр. CVII.
- 179 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 361.
- 180 Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. Сношения России с Польшей, 1723, оп. 79/1, д. 15, л. 29.
- 181 Там же, л. 30.
- 182 Там же.

¹⁸³ Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII—XVIII вв., т. 1, ч. 2. Киев, 1905, стр. 357.

¹⁸⁴ И. Чистович. Очерк истории западнорусской церкви, ч. 2. СПб., 1884, стр. 56.

¹⁸⁵ Д. Л. Похилевич. Уніаська церква — ворог українського народу. Львів, 1960, стр. 40.

¹⁸⁶ И. А. Чистович. Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII столетия. «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. 21, № 3, 1880, стр. 9.

¹⁸⁷ АВПР, ф. Сношения России с Польшей, 1744, оп. 79/1, д. 4а, л. 45 об.

¹⁸⁸ Там же, д. 46, л. 209 об.

¹⁸⁹ Очерк отношений польского государства к православию и православной церкви. Киев, 1866, стр. 8—10.

¹⁹⁰ Арх. сб., т. 11, стр. 121.

¹⁹¹ Витебская старина, стр. 474; Архив ЮЗР, т. 4, ч. 1, стр. 73—74.

¹⁹² И. Чистович. Очерк истории западнорусской церкви, стр. 84—85.

¹⁹³ Н. Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше уни... Вильна, 1864, стр. 329.

¹⁹⁴ И. Чистович. Очерк истории западнорусской церкви, стр. 83.

¹⁹⁵ Государственная публичная библиотека АН УССР. Отдел рукописей, д. 439, л. 18.

¹⁹⁶ И. Чистович. Очерк истории западнорусской церкви, стр. 104.

¹⁹⁷ ЦГВИА, ф. Военная экспедиция военной коллегии, оп. 1/47, д. 653, л. 1—20.

¹⁹⁸ Там же, л. 19.

¹⁹⁹ Там же, л. 20.

²⁰⁰ Там же, л. 1.

²⁰¹ Там же, л. 2.

²⁰² Очерк отношений польского государства к православию и православной церкви. Киев, 1866, стр. 10.

²⁰³ В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. 1. Киев, 1885, стр. 273—274.

²⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. 90, л. 12.

Борьба белорусского народа против социального и национально-религиозного гнета

¹ История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 219.

² W. Kula. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, t. 1. Warszawa, 1956, str. 353.

³ ИЮМ, вып. 21, стр. 326—327.

⁴ St. Serpiowski. Zbiegstwo chłopów w dawnej Polsce jako zagadnienie ustroju społecznego. Warszawa, 1948, str. 48.

⁵ АВК, т. 11, стр. 460, 468; ЦГИА БССР в Минске, ф. 3309, оп. 1, д. 2, л. 14.

⁶ ИЮМ, вып. 25, стр. 360.

⁷ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 209.

- ⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1754, оп. 1, д. 14, л. 235.
- ⁹ Там же, д. 18, л. 18—34.
- ¹⁰ Там же, ф. 1817, оп. 2, д. 6, л. 192.
- ¹¹ Там же, л. 208 об.
- ¹² АВК, т. 35, стр. 189—192.
- ¹³ В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVII вв. М., 1961, стр. 574.
- ¹⁴ П. Ф. Шевченко. Політичні та економічні зв'язки України с Росією в середині XVII ст. Київ, 1959, стр. 237.
- ¹⁵ М. И. Лилиев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895, стр. 58.
- ¹⁶ Там же, стр. 59.
- ¹⁷ А. Лазаревский. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783). Чернигов, 1866, стр. 90.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, стр. 78—90.
- ²⁰ Там же, стр. 79, 83.
- ²¹ ЦГИА УССР, ф. 58, оп. 3, д. 2983, л. 3.
- ²² ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 7440, л. 111 об.
- ²³ Архив ЮЗР, ч. 6, т. 1. Киев, 1878, стр. 311.
- ²⁴ Там же, стр. 240.
- ²⁵ ИЮМ, вып. 26, стр. 454.
- ²⁶ Там же, стр. 490.
- ²⁷ Volumina legum, t. 4, str. 248.
- ²⁸ Там же, стр. 424.
- ²⁹ Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686). Сб. документов. Минск, 1972, стр. 283—284.
- ³⁰ АВК, т. 18, стр. 501—503.
- ³¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 382—383.
- ³² Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, стр. 27.
- ³³ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957, стр. 117.
- ³⁴ АВК, т. 7, стр. 291—292.
- ³⁵ Там же, т. 4, стр. 534.
- ³⁶ Арх. сб., т. 11, стр. 132—133.
- ³⁷ Volumina legum, t. 7, str. 87.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, д. 1352, л. 2, 5, 16, 18, 19.
- ³⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 1, д. 2, л. 709.
- ⁴⁰ ИЮМ, вып. 11, стр. 167.
- ⁴¹ Там же, вып. 12, стр. 200.
- ⁴² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 1, д. 10, л. 86.
- ⁴³ Там же, д. 81, л. 27—81.
- ⁴⁴ ИЮМ, вып. 19, стр. 456.
- ⁴⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 3309, оп. 1, д. 37, л. 15 об.
- ⁴⁶ Там же, л. 16.
- ⁴⁷ O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, str. 48.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 7, т. 14. М., 1962, стр. 512.
- ⁵⁰ Рукописный отдел библиотеки АН Литовской ССР. Е-889.
- ⁵¹ Л. С. Абецедарский. Белорусы в Москве. Минск, 1957, стр. 19.

⁵² Материалы для колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетиях, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886, стр. 50—53.

⁵³ ЦГАДА, ф. Дела о въездах иностранцев в Россию, 1669, стб. 2, л. 27.

⁵⁴ Там же, л. 43—44.

⁵⁵ Там же, ф. Боярские и городовые книги. Поместный приказ, кн. 4, л. 73.

⁵⁶ Там же, ф. Польские дела, 1687, стб. 1, л. 2—4.

⁵⁷ Там же, ф. Дела о въездах иностранцев в Россию, 1687, стб. 15, л. 1—6.

⁵⁸ М. И. Лилнев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895, стр. 124.

⁵⁹ Там же, стр. 123.

⁶⁰ Арх. собр., т. 2, стр. XXX.

⁶¹ Там же, стр. LXII.

⁶² ИЮМ, вып. 14, стр. 203—204.

⁶³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 5815, л. 25; Минская старина, вып. 1. Минск, 1910, стр. 22.

⁶⁴ АВК, т. 7, стр. 447—448.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 372, л. 1.

⁶⁶ Там же, л. 39—39 об.

⁶⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 3352, оп. 1, д. 1, л. 1—101.

⁶⁸ Там же, л. 8—160 об.

⁶⁹ Там же, л. 36.

⁷⁰ П. Н. Жукович. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II. «Журнал министерства народного просвещения», 1915, февраль, стр. 293.

⁷¹ T. Korzop. Wewnetrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. 2. Warszawa, 1897, str. 287.

⁷² Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906, стр. 294, 296—297.

⁷³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1702, стб. 21, л. 4—4 об.

⁷⁴ Там же, л. 4 об.

⁷⁵ Там же, л. 7 об.

⁷⁶ Там же, л. 9 об. — 10.

⁷⁷ Арх. собр., т. 7, стр. 261.

⁷⁸ Материалы для Отечественной истории, т. 2. Киев, 1855, стр. 148—149.

⁷⁹ Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, вып. 5. Киев, 1883, стр. 87.

⁸⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 3352, оп. 1, д. 1, л. 14.

⁸¹ Там же, л. 69 об.

⁸² Там же, л. 14.

⁸³ Там же, л. 4 об.

⁸⁴ Там же, л. 10.

⁸⁵ Там же, л. 7 об.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Русско-белорусские связи (1570—1667 гг.). Сб. документов. Минск, 1963, стр. 111—112.

⁸⁸ Там же, стр. 452.

- ⁸⁹ ЦГАДА, ф. Приказный стол, стб. 29, л. 39.
- ⁹⁰ Там же, ф. Сношения России с Польшей, 1702, стб. 21, л. 4—4 об.
- ⁹¹ Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVII вв.). Автореф. докт. дисс. Минск, 1965, стр. 25.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ См.: Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры, т. 1. Мінск, 1968, стр. 417.
- ⁹⁴ Пошана. Харьков, 1909, стр. 298.
- ⁹⁵ Арх. сб., т. 7, стр. 136—137.
- ⁹⁶ M. J. Lech. Za króla Sasa. Warszawa, 1965, str. 129.
- ⁹⁷ ИЮМ, вып. 25, стр. 319—324.
- ⁹⁸ Акты ЮЗР, т. 6. СПб., 1869, стр. 121.
- ⁹⁹ АВК, т. 39, стр. 431—432.
- ¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1666, д. 4, л. 211—212.
- ¹⁰¹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. 1, т. 2. СПб., 1903, стр. 468.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1669, стб. 9, л. 43.
- ¹⁰⁴ Там же, стб. 8, л. 287.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 174 об.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 286.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 288.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 287.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же, л. 289.
- ¹¹¹ Там же, л. 287.
- ¹¹² Там же, стб. 10, л. 96.
- ¹¹³ Там же, л. 288—289.
- ¹¹⁴ Там же, стб. 8, л. 287.
- ¹¹⁵ Там же, л. 96.
- ¹¹⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина, т. 3. Сб. документов. М., 1962, стр. 266.
- ¹¹⁷ Там же, стр. 267.
- ¹¹⁸ Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.). Сб. документов. Минск, 1972, стр. 99—101.
- ¹¹⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. 3. М., 1962, стр. 15—16.
- ¹²⁰ ЦГАДА, ф. Дела о Польше и Литве, д. 35, л. 1.
- ¹²¹ Акты ЮЗР, т. 9. СПб., 1878, стр. 171.
- ¹²² Там же, стр. 404.
- ¹²³ Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных церквей и монастырей по разным предметам. Минск, 1848, стр. 321—322.
- ¹²⁴ Акты ЮЗР, т. 9, стр. 559.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же, стр. 171.
- ¹²⁷ Там же, стр. 638.
- ¹²⁸ Там же, стр. 638—639.
- ¹²⁹ Там же, стр. 671.
- ¹³⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1672, стб. 3, л. 274, 282.

- 131 ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1672, стб. 3, л. 275.
- 132 Там же, л. 282, 284—285.
- 133 Там же, 1679, стб. 6а, л. 241—242.
- 134 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 378.
- 135 Там же, стр. 377.
- 136 Витебская старина, т. 5. Витебск, 1888, стр. 261—262.
- 137 Я. Н. Мараш. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск, 1969, стр. 126.
- 138 Д. А. Бяньтш-Каменский. История Малой России, т. 2. СПб., 1903, стр. 164.
- 139 J. Perdenia. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII—XVIII w. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, str. 30.
- 140 Памятники дипломатических сношений древней России с государствами иностранными. СПб., 1862, т. 6, стр. 1432—1433.
- 141 J. Perdenia. Указ. соч., стр. 30.
- 142 Памятники дипломатических сношений., стр. 1438—1439.
- 143 Там же.
- 144 J. Perdenia. Указ. соч., стр. 53.
- 145 Там же.
- 146 В. І. Мядешка. Крычаўскае паўстанне. «Польмя», 1971, № 1, стр. 142—143.
- 147 ЦГАДА, ф. Малороссийский приказ, кн. 62, л. 103, 200.
- 148 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1733, оп. 2, д. 29, л. 39.
- 149 Я. Н. Мараш. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск, 1968, стр. 107.
- 150 АВК, т. 34, стр. 176.
- 151 Там же, стр. 346.
- 152 Там же, стр. 356.
- 153 Там же, стр. 404—405.
- 154 Там же, стр. 426—427.
- 155 Я. Н. Мараш. Из истории борьбы народных масс Белоруссии., стр. 111.
- 156 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 374.
- 157 Гродно. Исторический очерк. Минск, 1964, стр. 45.
- 158 Арх. сбр., т. 6, стр. 228—262.
- 159 Там же, стр. 263—264.
- 160 Там же, стр. 265—267.
- 161 ЦГАДА, ф. Дела о Польше и Литве, д. 38, л. 1.
- 162 Там же, д. 37, л. 1.
- 163 Там же, д. 36, л. 1.
- 164 W. Serzyuk. Najdatasy. Kraków, 1971, str. 30.
- 165 Архив ЮЗР, ч. 2, т. 2, стр. 480—481.
- 166 В. А. Дядиченко. З історії боротьби правобережного козацтва проти шляхетської Польщі (1690—1699 рр.). «Наукові записки Ін-ту Історії і археології України», кн. 2, 1946, стр. 170.
- 167 Там же, стр. 176.
- 168 ЦГАДА, ф. Малороссийский приказ, кн. 64, л. 60.
- 169 Там же, кн. 59, л. 290—291.
- 170 Там же, кн. 23, л. 25.
- 171 Cz. Jankowski. Powiat Oszmiański. Petersburg, 1898, str. 122.
- 172 История Польши, т. 1. М., 1954, стр. 270.

- ¹⁷³ ЦГАДА, ф. Малороссийский приказ, кн. 66, л. 1181.
- ¹⁷⁴ Там же, л. 1182.
- ¹⁷⁵ J. Perdenia. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy., str. 107.
- ¹⁷⁶ А. П. Грицкевич. Слуцк. Историко-экономический очерк. Минск, 1970, стр. 23; Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стр. 408.
- ¹⁷⁷ Арх. сб., т. 3, стр. 200—201.
- ¹⁷⁸ В. І. Мясешка. Крычаўскае паўстанне. «Польмя», 1971, № 1, стр. 144; Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стр. 407—408.
- ¹⁷⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1603, л. 75.
- ¹⁸⁰ ИЮМ, вып. 10, стр. 489—495.
- ¹⁸¹ Витебская старина, т. 1, стр. 181—183, 462.
- ¹⁸² Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стр. 406.
- ¹⁸³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1610, л. 26.
- ¹⁸⁴ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 380.
- ¹⁸⁵ Там же, стр. 380—381.
- ¹⁸⁶ История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1954, стр. 180.
- ¹⁸⁷ Rzeczpospolita w dobie upadku. 1700—1740. Wybor zrodel. Wroclaw, 1955; str. 60; J. Perdenia. Stanowisko Rzeczypospolitej., str. 133.
- ¹⁸⁸ P. Jasienica. Rzeczpospolita obojgo narodów, cz. 3. Warszawa, 1972, str. 61.
- ¹⁸⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1700, д. 3, л. 6.
- ¹⁹⁰ J. Wimmer. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny Północnej. Warszawa, 1956, str. 67.
- ¹⁹¹ J. Perdenia. Stanowisko Rzeczypospolitej., str. 133.
- ¹⁹² J. Gerowski. Między saskim absolutyzmem a złotą wolnością. Wroclaw, 1953, str. 60.
- ¹⁹³ В. Д. Королюк. Вступление Речи Посполитой в Северную войну. «Ученые записки ин-та славяноведения АН СССР». т. 10, 1954, стр. 246.
- ¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1702, д. 10, л. 14.
- ¹⁹⁵ Витебская летопись. Сб. летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888, стр. 224.
- ¹⁹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1702, д. 10, л. 15—16.
- ¹⁹⁷ Там же, л. 40.
- ¹⁹⁸ Н. Костомаров. Мазепа и мазепенцы. Собр. соч., кн. 6. СПб., 1905, стр. 550.
- ¹⁹⁹ В. В. Волк-Карачевский. Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII века. Киев, 1899, стр. 323.
- ²⁰⁰ Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 509; В. В. Волк-Карачевский. Указ. соч., стр. 33.
- ²⁰¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Польшей, 1702, стб. 10, л. 85.
- ²⁰² J. Janeczak. Powstanie Paleja. «Uniwersytet Wroclawski im. B. Beruta. Zeszyty Naukowe. Historia», t. 3, 1960, str. 120.
- ²⁰³ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 2, стр. 495—496.
- ²⁰⁴ ЦГАДА, ф. Малороссийский приказ, 1702, стб. 3, л. 99.
- ²⁰⁵ Там же, стб. 6, л. 20.
- ²⁰⁶ Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 514—515.

- 207 Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 7, вып. 2. М.—Л., 1946, стр. 855—856.
- 208 Там же, стр. 856.
- 209 Там же.
- 210 А. П. Грицкевич. Слуцк. Историко-экономический очерк. Минск, 1970, стр. 24.
- 211 Арх. сбр., т. 2, стр. XLIV.
- 212 Там же.
- 213 Там же.
- 214 Там же, стр. LXIII.
- 215 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 2, д. 8, л. 205 об.
- 216 Там же, л. 225 об., 227.
- 217 J. Kurczewski. Kościół zamkowy czyli katedra Wileńska, cz. 1. Wilno, 1910, str. 296.
- 218 История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1954, стр. 180—181.
- 219 Д. Л. Похилевич. Крестьяне Слономичины в XVI—XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения. Наукові записки Львівського ун-ту, т. 17. Питання історії СРСР, вип. 4. Львів, 1949, стр. 160.
- 220 Там же.
- 221 Там же.
- 222 Там же.
- 223 История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1972, стр. 406.
- 224 Там же.
- 225 Там же, стр. 409.
- 226 П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Минск, 1969, стр. 174.
- 227 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1799, оп. 1, д. 8, л. 521—522.
- 228 Арх. сбр., т. 7, стр. 184—186.
- 229 ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1/47, д. 54, ч. 1, л. 22.
- 230 P. Jasienica. Rzeczpospolita obojgo narodów, cz. 3. Warszawa, 1972, str. 194.
- 231 ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1/47, д. 49, ч. 1, л. 56.
- 232 Там же, д. 115, л. 4.
- 233 Архив кафедры истории БССР Белгосуниверситета им. В. И. Ленина, док. № 228, л. 1.
- 234 ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1/47, д. 49, л. 31.
- 235 Там же, д. 54, ч. 1, л. 2.
- 236 Там же, л. 25—25 об.
- 237 Там же, л. 7—9.
- 238 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1817, оп. 1, д. 17, л. 199 об.
- 239 Там же.
- 240 Там же, л. 200.
- 241 Там же.
- 242 ЦГВИА, ф. 20, д. 447, л. 37.
- 243 Там же, л. 22—24.
- 244 Там же, л. 63—64.
- 245 J. Kurczewski. Kościół zamkowy czyli katedra Wileńska, cz. 1. Wilno, 1910, str. 312.
- 246 M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego w dobie saskiej w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi, «Pocznik Białostocki», t. 2, 1961, str. 106.
- 247 Там же.
- 248 Там же, стр. 107—108.

- 249 Там же, стр. 106—112.
 250 Там же, стр. 133.
 251 Арх. сбр., т. 3, стр. 223.
 252 Там же.
 253 Там же, стр. 227—229.
 254 Там же, стр. 229.
 255 Там же.
 256 Там же, стр. 223—224.
 257 Там же, стр. 230.
 258 Там же, стр. 233.
 259 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 196.
 260 В. И. М я л е ш к а. Крычаўскае паўстанне. «Полымя», 1971, № 1, стр. 180.
 261 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 389.
 262 Там же.
 263 В. И. М я л е ш к а. Крычаўскае паўстанне, стр. 182.
 264 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1812, оп. 1, д. 1, л. 294.
 265 ИЮМ, вып. 17, стр. 284.
 266 М. J. Lech. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740). «Przegląd Historyczny», t. LI, z. 2. Warszawa, 1960, str. 320.
 267 В. Л а й к о і Э. Ка п ы с к і. Новыя дакументы аб Крычаўскім паўстанні. «Беларусь», 1953, № 12, стр. 30.
 268 Арх. сбр., т. 7, стр. 212.
 269 В. Л а й к о і Э. Ка п ы с к і. Новыя дакументы аб Крычаўскім паўстанні, стр. 30.
 270 АВПР, ф. Сношения России с Польшей, 1740, д. 7, л. 66—66 об.
 271 В. И. М я л е ш к а. Крычаўскае паўстанне, стр. 191.
 272 Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стр. 410.
 273 В. И. М е л е ш к о. Положение и классовая борьба крестьян в Кричевском старостве в конце XVII — первой половине XVIII в. «Akta Baltico-Slavica», t. 7. Białystok, 1971, str. 156.
 274 Там же, стр. 158.
 275 В. И. М я л е ш к а. Крычаўскае паўстанне, стр. 192.
 276 ИЮМ, вып. 17, стр. 276—277.
 277 Там же, стр. 281.
 278 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 389.
 279 В. И. М я л е ш к а. Крычаўскае паўстанне, стр. 193.
 280 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 389—390.
 281 ИЮМ, вып. 17, стр. 286.
 282 Там же.
 283 Там же, стр. 287.
 284 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 392—393.
 285 Там же, стр. 394.
 286 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 306.
 287 В. Л а й к о і Э. Ка п ы с к і. Новыя дакументы аб Крычаўскім паўстанні, стр. 30.
 288 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 42.
 289 История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 222.
 290 В. И. М я л е ш к а. Крычаўскае паўстанне, стр. 191.
 291 АВПР, ф. Сношения России с Польшей, 1740, д. 8, л. 78—79.
 292 Там же, д. 7, л. 66—66 об.
 293 ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1/47, д. 115, л. 4.

²⁹⁴ В. И. Мелешко. Положение и классовая борьба крестьян в Кричевском старостве..., стр. 166.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ АВПР, ф. Сношения России с Польшей, 1744, д. 4е, л. 46 об.

²⁹⁷ ИЮМ, вып. 17, стр. 279.

²⁹⁸ M. Skibiński. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką w latach 1740—1745, t. 1. Kraków, 1913, str. 162.

²⁹⁹ Рукописный отдел библиотеки Львовского филиала АН УССР. Архив Сапег, д. 7.

³⁰⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 3, д. 31, л. 5.

³⁰¹ А. Мейер. Описание Кричевского графства. «Могилевская старина», вып. 2. Могилев, 1900, стр. 91.

³⁰² M. Skibiński. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką w latach 1740—1745, str. 407—408.

³⁰³ Там же, стр. 408.

³⁰⁴ M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego w dobie saskiej w walce z ruchami chlopskimi na Białorusi..., стр. 135.

³⁰⁵ Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стр. 411.

³⁰⁶ В. И. Мелешко. Положение и классовая борьба крестьян в Кричевском старостве..., стр. 176.

³⁰⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1156, л. 15.

³⁰⁸ Там же, оп. 2, д. 3982, л. 226; ф. 1812, оп. 1, д. 3, л. 76, 296—297.

³⁰⁹ В. Лайко і Э. Капыскі. Новыя дакументы аб Крычаўскім паўстанні, стр. 30.

³¹⁰ В. К. Шчарбакоў. Сялянскі рух і казацтва на Беларусі ў эпоху феодалізма. Мінск, 1935, стр. 125.

³¹¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 390.

³¹² История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 223.

³¹³ П. А. Гильтебрандт. Васько-Вашило, внук Богдана Хмельницкого. «Русская старина», т. 2. СПб., 1870, стр. 523.

³¹⁴ M. J. Lech. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740). «Przegląd Historyczny», t. LI, z. 2. Warszawa, 1960, str. 326.

³¹⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 212.

³¹⁶ В. И. Мелешко. Положение и классовая борьба крестьян в Кричевском старостве..., стр. 187.

³¹⁷ А. П. Гильтебрандт. Васько-Вашило, внук Богдана Хмельницкого, стр. 523—524.

³¹⁸ Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стр. 413.

³¹⁹ В. І. М'ялешка. Крычаўскае паўстанне.

³²⁰ А. Мейер. Описание Кричевского графства. «Могилевская старина», вып. 2. Могилев, 1901, стр. 91.

³²¹ ИЮМ, вып. 17, стр. 289.

³²² Там же.

³²³ Цит. по: В. И. Мелешко. Положение и классовая борьба крестьян..., стр. 192.

³²⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1812, оп. 1, д. 1, л. 531.

³²⁵ M. J. Lech. Milicja Radziwiłłów jako oręż feodalów w walce z ruchami chlopskimi na Białorusi i Litwie. «Rocznik Białostocki», t. 3. Białystok, 1962, str. 55.

³²⁶ Там же.

³²⁷ M. Skibiński. Europa a Polska..., стр. 410.

- ³²⁸ ИЮМ, вып. 17, стр. 302.
- ³²⁹ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 3, стр. 529.
- ³³⁰ M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego., str. 113—114.
- ³³¹ А. П. Грицкевич. Слуцк. Историко-экономический очерк. Минск, 1970, стр. 32.
- ³³² Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 395.
- ³³³ Там же, стр. 396.
- ³³⁴ M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego., str. 135—136.
- ³³⁵ Гайдамацьки рух на Україні в XVIII ст. Сб. документов. Київ, 1970, стр. 120.
- ³³⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 7, д. 221, л. 42.
- ³³⁷ История Украинской ССР, т. 1. Киев, 1953, стр. 384.
- ³³⁸ К. Гуслистий. Коліїщина. Київ, 1947, стр. 10—11.
- ³³⁹ А. Скальковский. Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. 1733—1768. Одесса, 1845, стр. 52—53.
- ³⁴⁰ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 3, стр. 688.
- ³⁴¹ Там же, стр. 701—702.
- ³⁴² Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, вып. 5. Киев, 1883, стр. 17.
- ³⁴³ Там же, стр. 18.
- ³⁴⁴ I. Kitowicz. Opis obyczajów i zwyczajów, t. 2, str. 140—141.
- ³⁴⁵ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 3, стр. 588.
- ³⁴⁶ Там же.
- ³⁴⁷ M. J. Lech. Milicja Radziwiłłów jako oręż feodalów, str. 58.
- ³⁴⁸ Там же.
- ³⁴⁹ История Украинской ССР, т. 1. Киев, 1953, стр. 384.
- ³⁵⁰ Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, вып. 5. Киев, 1883, стр. 31—32.
- ³⁵¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 396.
- ³⁵² Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, стр. 24.
- ³⁵³ Там же, стр. 36.
- ³⁵⁴ Там же.
- ³⁵⁵ Там же, стр. 4.
- ³⁵⁶ Там же, стр. 17.
- ³⁵⁷ Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Сб. документов. Київ, 1970, стр. 180—181.
- ³⁵⁸ Там же, стр. 181.
- ³⁵⁹ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 3, стр. 472—473.
- ³⁶⁰ Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, стр. 33.
- ³⁶¹ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 3, стр. 535.
- ³⁶² Гайдамацьки рух на Україні в XVIII ст., стр. 182.
- ³⁶³ Архив ЮЗР, ч. 3, т. 3, стр. 526.
- ³⁶⁴ Там же.
- ³⁶⁵ Там же.
- ³⁶⁶ Там же, стр. 527—528.
- ³⁶⁷ Там же, стр. 529.
- ³⁶⁸ Там же, стр. 530.
- ³⁶⁹ Там же.
- ³⁷⁰ Там же.
- ³⁷¹ Там же, стр. 525.

- 372 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 396—397.
 373 Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст., стр. 581.
 374 ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1, д. 392, ч. 3, л. 213—214.
 375 Там же, л. 214.
 376 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 397.
 377 ЦГИА УССР в Києве, ф. 59, оп. 1, д. 1973, л. 14.
 378 Там же, л. 16.
 379 Там же.
 380 M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego..., str. 114—115.
 381 Там же, стр. 115.
 382 Там же, стр. 116.
 383 Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст., стр. 583.
 384 Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, стр. 17—19.
 385 M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego..., str. 136.
 386 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 400—401.
 387 Położenie chłopów u schyłku Rzeczypospolitej szlacheckiej. Wybór tekstów źródłowych. Warszawa, 1953, str. XVI.
 388 M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego..., str. 117.
 389 M. J. Lech. Za króla Sasa. Warszawa, 1965, str. 137.
 390 J. Kurczewski. Kościół zamkowy czyli katedra Wileńska, str. 296.
 391 M. J. Lech. Za króla Sasa. Warszawa, 1965, str. 137.
 392 Там же.
 393 M. J. Lech. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego..., str. 122.
 394 Там же, стр. 123.
 395 Там же, стр. 125.
 396 Там же, стр. 119—131, 136.
 397 Materiały do sytuacji na Ukrainie Prawobrzeżnej i ruchów hajdamackich lat 50-tych i 60-tych XVIII wieku z korespondencji Jerzego Wandalina Mniszcha. «Przegląd Historyczny», t. XLVII, z. 1. Warszawa, 1956, str. 156.
 398 Там же, стр. 156.
 399 Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах, т. 1. Мінск, 1936, стр. 636.
 400 Я. Н. Мараш. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск, 1969, стр. 149.
 401 Ручкопісны відзел бібліятэкі Львоўскага філіяла АН УССР. Архив Сапег, д. 5.
 402 Volumina legum, t. 7, str. 87.
 403 Там же, стр. 86.
 404 Цит. по: В. К. Шарбакоў. Сялянскі рух і казацтва на Беларусі ў эпоху феодалізма. Мінск, 1935, стр. 132.
 405 W. Kula. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, cz. 1. Warszawa, 1956, str. 350.
 406 Там же, стр. 351.
 407 Там же, стр. 350.
 408 Там же, стр. 351—352.
 409 J. Lipponan. Bunt hajdamaków na Ukrainie w r. 1768. Poznań, 1842, str. 135.

⁴¹⁰ Цит. по: В. А. Голобуцкий. Максим Железняк. М., 1960, стр. 50.

⁴¹¹ Н. П. Гриценко. Коливищина (Крестьянская война на Правобережной Украине в 1768—1769 гг.). «Ученые записки Ульяновского пед. ин-та», вып. 1, 1948, стр. 112.

⁴¹² J. Lipioma. Bunt hajdamaków na Ukrainie., str. 77—78.

⁴¹³ Я. Охотский. Рассказы о польской старине. Записки XVIII в. СПб., 1874, стр. 49, 52.

⁴¹⁴ Położenie chłopów u schyłku Pzeczypospolitej., str. XVII.

⁴¹⁵ К. Гуслистий. Коливищина. Київ, 1947, стр. 29.

⁴¹⁶ Коденьска книга судових справ. «Український архив», т. 2. Київ, 1931, стр. 50, 51, 131, 134—135.

⁴¹⁷ Там же, стр. 337, 346.

⁴¹⁸ Там же, стр. 137, 157.

⁴¹⁹ Там же, стр. 134—135.

⁴²⁰ Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая половина. М., 1956, стр. 598.

⁴²¹ Коденьска книга судових справ, стр. 337, 346.

⁴²² Очерки истории СССР. XVIII в., стр. 598.

⁴²³ Korespondencja między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim w roku 1768. Kraków, 1872, str. 34.

⁴²⁴ Там же, стр. 187—189.

⁴²⁵ Журнал генерал-майора Петра Кречетникова о движении и действиях военных в Польше в 1767 году. «Чтения Общества истории и древностей российских», кн. 3. М., 1863, стр. 178.

⁴²⁶ Там же, стр. 197.

⁴²⁷ Там же, стр. 201.

⁴²⁸ Korespondencja między Stanisławem Augustem., str. 93.

⁴²⁹ В. Вагановский. Powstanie chłopskie na ziemiach Pzeczypospolitej. Warszawa, 1952, str. 76.

⁴³⁰ Położenie chłopów u schyłku Pzeczypospolitej szlacheckiej. Wybór tekstów źródłowych. Warszawa, 1953, str. XVII—XVIII.

⁴³¹ Korespondencja między Stanisławem Augustem., str. 198.

⁴³² I. Kurozewski. Kościół zamkowy czyli katedra Wilensca, cz. 1. Wilno, 1910, str. 354.

⁴³³ Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая половина. М., 1956, стр. 620.

⁴³⁴ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, стр. 407.

⁴³⁵ В. Д. Королюк, В. Т. Пашуто, М. А. Ючас. К выходу в свет первого тома «Гісторыі Беларускай ССР». «История СССР», 1973, № 3, стр. 164.

⁴³⁶ W. Bogatyński. Walka chłopów z uciskiem szlacheckim w Polsce w XVII i XVIII wieku. Kraków, 1955, str. 45.

⁴³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 553.

⁴³⁸ Там же, стр. 555—556.

⁴³⁹ Цит. по: Г. Г. Фруменков. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1970, стр. 85.

⁴⁴⁰ Там же, стр. 86.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² История БССР. Краткий курс, ч. 1. Минск, 1948, стр. 416.

⁴⁴³ Położenie chłopów u schyłku Rzeczypospolitej., str. XXV—XXVI.

⁴⁴⁴ Dzennik Handlowy, 1788, str. 65—66.

⁴⁴⁵ W. Kiłinka, Siejm czteroletni, t. 1. Kraków, 1895, str. 436.

- 446 Там же, стр. 437—440.
- 447 Korespondencja krajowa Stanisława-Augusta Poniatowskiego. Poznań, 1872, str. 109.
- 448 W. Kilinka. Siejm czteroletni, t. 1, str. 470.
- 449 Архив ЮЗР, ч. 3, т. 5, стр. 37.
- 450 Там же, стр. 222—223.
- 451 W. Kilinka. Siejm czteroletni, t. 1, str. 504.
- 452 История БССР, стр. 415.
- 453 Пналипонами и маркитанами называли мелких торговцев, разъезжавших с товарами на Украине, Белоруссии и в Польше. Это были главным образом старообрядцы, проживавшие на Черниговщине, Могилевщине, Витебщине и в других местах. Они продавали, как правило, товары, поступавшие из России,—изделия из железа, бусы, кольца, предметы домашнего обихода и т. д.
- 454 ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 271, л. 17.
- 455 Архив ЮЗР, ч. 3, т. 5, стр. 222.
- 456 ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 271, л. 17—17 об.
- 457 W. Kilinka. Siejm czteroletni, t. 1, str. 504.
- 458 В. Антонович. Предисловие к «Архиву ЮЗР», ч. 3, т. 5. Киев, 1902, стр. 21—22.
- 459 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. 1, стр. 753.
- 460 Relacja deputacyi do egzaminowania sprawy o bunty oskarżonych na siemie, t. 1. Warszawa, 1790, str. 47.
- 461 Korespondencja krajowa Stanisława-Augusta Poniatowskiego, str. 111.
- 462 Архив ЮЗР, ч. 3, т. 5, стр. 12—14.
- 463 Там же, стр. 20—21.
- 464 Korespondencja krajowa Stanisława-Augusta Poniatowskiego, str. 112; W. Kilinka. Siejm czteroletni, t. 1, str. 473—475.
- 465 Архив ЮЗР, ч. 3, т. 5, стр. 679.
- 466 Там же, стр. 9—10.
- 467 I. Kito wicz. Pamiętniki. Lwów, 1882, str. 361.
- 468 В. Барановский. Powstania chłopskie na ziemiach Rzeczypospolitej. Warszawa, 1952, str. 81.
- 469 А. Рóсчник. Demokracja Kosciuszowska. Warszawa, 1947, str. 29.
- 470 Pamiętniki z osmnastego wieku, cz. 2, t. 10. Poznań, 1868, str. 222.
- 471 Там же, стр. 225.
- 472 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 505.
- 473 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 352.
- 474 Pamiętniki z osmnastego wieku, t. 1. Poznań, 1860, str. 8.
- 475 История Польши, стр. 340.
- 476 Там же, стр. 343.
- 477 В. Лимоповский. Historia ruchu społecznego... Lwów, 1888, str. 368.
- 478 ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2727, л. 206.
- 479 Pamiętniki z osmnastego wieku, t. 1, str. 27.
- 480 А. Энгель. Описание дел, хранящихся в архиве виленского генерал-губернаторства, т. 1, ч. 2. Вильна, 1869, стр. 757.
- 481 «Gazeta wolna Warszawska», 1794, 27 maja.
- 482 Там же, 1794, 31 мая.
- 483 ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2734, л. 64.

⁴⁸⁴ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 211.

⁴⁸⁵ M. Ogiński. Pamiętniki o Polsce i polakach od roku 1788 aż do końca r. 1815, t. 2. Poznań, 1870, str. 51.

⁴⁸⁶ B. Szwarce. Warszawa w 1794 r., sz. 2. Kraków, 1895, str. 259.

⁴⁸⁷ Т. Курчуйński. Kraków w powstaniu Kosciuszkwskim. Kraków, 1912, str. 111—112.

⁴⁸⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 282, л. 363.

⁴⁸⁹ История Польши, стр. 346.

⁴⁹⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2731, л. 77.

⁴⁹¹ Допросы Костюшке, Немцевичу и прочим и их показания. «Чтения общества истории и древностей российских», кн. 4. М., 1866, стр. 213.

⁴⁹² T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. 1. Warszawa, 1897, str. 467.

⁴⁹³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2734, л. 216.

⁴⁹⁴ I. Kowecki. Pospolite ruszenie w insurekcji 1794 r. Warszawa, 1963, str. 258.

⁴⁹⁵ Akty powstania Kosciuszki. Protokoły i dzienniki Rady Zastępczej Tymczasowej i Rady Najwyższej Narodowej. Kraków, 1918, t. 1, str. 48.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ История БССР, стр. 428.

⁴⁹⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2734, л. 165.

⁴⁹⁹ История БССР, стр. 429.

⁵⁰⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 282, л. 363 об.

⁵⁰¹ Там же, д. 2729, л. 285 об.

⁵⁰² Там же, л. 283 об.—284.

⁵⁰³ Там же, д. 2734, л. 140.

⁵⁰⁴ Там же, д. 269, л. 331.

⁵⁰⁵ Там же, л. 331 об.

⁵⁰⁶ Там же, д. 2734, л. 143 об.

⁵⁰⁷ Там же, д. 2731, л. 250 об.

⁵⁰⁸ Там же, л. 183 об.

⁵⁰⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 352.

⁵¹⁰ Арх. сбр., т. 2, стр. XXI.

⁵¹¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 16537, л. 35; История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 255.

⁵¹² Пошана, т. 18. Харьков, 1909, стр. 298.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛОРУССИИ	
Состояние сельского хозяйства и городской экономики	11
Крестьянские повинности и положение крестьян	21
Положение городского населения	33
Усиление национально-религиозного гнета	41
БОРЬБА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ГНЕТА	
Массовый уход населения Белоруссии в Россию	55
Развертывание освободительного движения в Белоруссии в 70—90-х годах XVII в.	71
Народные восстания в Белоруссии в первой половине XVIII в.	93
Кричевское восстание	110
Влияние восстания гайдамаков на активизацию освободительной борьбы в Белоруссии	124
Крестьянское движение в Белоруссии в 80—90-х годах XVIII в.	149
Заключение	167
Примечания	169

Александр Петрович Игнатенко

**ВОРЬБА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ С РОССИЕЙ
(вторая половина XVII—XVIII в.)**

**Редактор И. В. Смейн
Художественный редактор В. Т. Лапицкий
Оформление В. И. Коломняца
Технический редактор В. П. Безбородова
Корректоры Л. В. Лебедева, В. В. Сербантович**

**АТ 06057. Сдано в набор 12/XI 1973 г. Подписано в
печать 4/III 1974 г. Формат 84×108¹/₂. Бумага типограф-
ская № 1. Физ. печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд.
л. 11,22. Тираж 3700 экз. Заказ 630. Цена в переплете
№ 4—83 коп., в переплете № 5—85 коп.**

Издательство ВГУ им. В. И. Ленина. Минск, Кирова, 24.

**Ордена Трудового Красного Знамени типография изда-
тельства ЦК КП Белоруссии. Минск, Ленинский про-
спект, 79.**

И 26 **Игнатенко А. П.**
**Борьба белорусского народа за воссоединение с
Россией (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн.,
Изд-во БГУ, 1974.**
192 с. в перепл.

В монографии на большом фактическом материале освещается положение белорусского народа во второй половине XVII—XVIII в., история его антифеодального и освободительного движения, борьба народных масс Белоруссии за воссоединение с Россией.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов вузов, учителей истории средних школ, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым белорусского народа.—Лит. в конце книги.

9(С)14+9(СЗ)